ПАВЕЛ ПОДЛЯШУК

Товарищ ИНЕССА

ПАВЕЛ ПОДЛЯШУК

ТОВАРИЩ ИНЕССА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1963

ЗКП1 (092)
П44

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Огромная созидательная работа по строительству коммунистического общества, наши замечательные успехи в экономике и культуре, ведущее место в мировой политике — словом, все, что завоевано и создано советским народом, зиждется на героическом труде поколений русских революционеров, большевиков-ленинцев.

Партия и народ законно гордятся теми, кто, не щадя жизни своей, первым прокладывал путь к светлому будущему.

К сожалению, у нас еще мало хороших жизнеописаний зачинателей и творцов ленинского дела, чья жизнь и революционный подвиг служат вдохновляющим примером для молодых поколений строителей социализма и коммунизма.

Инесса Арманд относится к числу ярких, но незаслуженно полузабытых и как-то остающихся в тени, а на самом деле выдающихся тружеников нашей революции.

Инессе посчастливилось работать под непосредственным руководством Владимира Ильича Ленина. Она была активным и стойким проводником ленинских идей, энергичным исполнителем ленинских поручений, одаренным партийным публицистом и организатором. Она по праву заняла место в первых рядах ленинской гвардии.

Помню многогранность, широкую эрудицию, самоотверженность Инессы. Яркий это был человек! Умерла она очень рано, в самом расцвете творческих сил, но успела многое сделать для партии и народа. Особенно значительной была ее роль в международной работе большевистской партии, а после Октября — в работе среди женщин.

Книга, которой я предпосылаю свое краткое вступительное слово,— повесть Павла Подляшука — воссоздает обаятельный образ Инессы Арманд. Автору удалось создать документально правдивую и доступную широким кругам читателей книгу. В этом ее несомненное достоинство. Уверена, что документальная повесть «Товарищ Инесса» будет прочитана с интересом и пользой.

Елена Стасова,

член КПСС с 1898 года, Герой Социалистического Труда

По-моему, человек только тогда человек, когда он борец.

Из речи московской работницы Калыгиной на похоронах Инессы Арманд.

...И мертвые мы будем жить в частице вашего великого счастья; ведь мы вложили в него всю нашу жизнь.

Юлиус Фучик

ДВА КАДРА

Среди ночи дети проснулись. Их разбудил яркий свет, шум. Начинался обыск.

Пахло мокрым сукном, сапожной ваксой, дешевым табаком и плохим одеколоном. Грубые руки жандармов перетряхнули в квартире решительно все. В столовой, на обеденном столе росла горка «вещественных доказательств»: изящный браунинг, нелегальные книжки, письма.

Дети не плакали. Поднятые со своих постелей, они молча и сурово следили за действиями жандармов. И поглядывали на мать. Она была спокойна, совершенно спокойна. Она ласково улыбалась дочерям и сыновьям, подбадривала их взглядом, словно приказывала: не трусить, не хныкать, не распускать нюни перед лицом врага!

Мать была всегда очень хороша собой, а в ту пору — особенно. Это был расцвет ее тридцатилетней зрелой красоты. Стройная блондинка — длинные золотистые косы уложены в пышную прическу, открытые маленькие уши, чистый лоб, резко очерченный, чуть приоткрытый рот и зеленоватые глаза — удивительные глаза: лучистые, внимательно-печальные, пристально глядящие вдаль.

А сейчас, среди взломанной тишины ночи, ее красоту особенно оттеняло спокойствие. Сознание внутренней силы, противопоставленное грубой силе полицейских, своим вторжением разрушивших теплый уют благополучной семьи.

Потом мать увели. На прощание она вновь улыбнулась каждому из пятерых детей, шепнула: «Не надо плакать. И не надо болтать о том, что здесь было!»

Мать увели, а жандармы остались; в квартире устроили засаду. Но дети не плакали — они держались мужественно, дети революционерки.

Это было в ночь на 6 февраля 1905 года в Москве, на Остоженке. Это был первый арест Инессы Федоровны Арманд — жены потомственного почетного гражданина, московского фабриканта. Арест революционерки.

...Пасмурное раннее осеннее утро. Москва, 11 октября 1920 года. Пустынный перрон Казанского вокзала. Повсюду пахло яблоками — осень задалась на удивление яблочной. Но нигде не уловить хлебного духа — осень была голодной, суровой.

На перроне — тесная группка ожидающих. Опечаленный, погруженный в думы Ленин, в неизменной кепке и потертом темном пальто. Грустная Надежда Константиновна в скромной шляпке-панамке, в сером суконном платье. Представители районов столицы, делегатки в кумачовых платочках. И дети Инессы Арманд, дочери и сыновья. Они были подростками и малышами в час ночного обыска — тогда, в пятом году, когда жандармы впервые увели с собой мать.

Теперь они повзрослели, дети Арманд, дети революционерки. И пришли они сюда вместе с Лениным и Крупской, вместе с товарищами и друзьями, чтобы еще раз встретить маму свою, Инессу. Чтобы в последний раз встретить — и проводить в последний путь.

Паровоз подтащил задрапированный черным и красным вагон.

Тело Инессы Арманд, умершей в Нальчике от холеры, прибыло в Москву.

Владимир Ильич снял свою кепку. Товарищи в молчании склонили головы перед прахом славного революционного борца. Затем гроб на руках перенесли в траурную колесницу. Скромная скорбная процессия двинулась по Каланчевке, по Мясницкой — по булыжной мостовой — к Дому союзов, где останки Инессы пробыли еще сутки. Там с ней прощалась пролетарская Москва.

Таковы два эпизода. Два кадра неснятой киноленты о жизни и деятельности Инессы Арманд. Начало пути и конец пути. А между ними — расстояние длиной в пятнадцать лет. Всего-навсего пятнадцать?! Как поразительно мало времени было отпущено ей, чтобы прожить такую, полную бурь, тревог и свершений, жизнь в революции!

Итак, полтора десятка до предела насыщенных лет. Им в основном и будет посвящена наша документальная повесть. Ее ткань сплетена из подлинных документов — писем, газетных сообщений, протоколов, свидетельств, письменных и устных, фотографий. Документы обнаружены в архивах, извлечены из повременной прессы и старых книг, взяты из полузабытых, а то и вовсе позабытых источников. Автор в данном случае старается выступить как мозаист, составляющий из ярких, многоцветных камней изображение своего героя. Лишь иногда автор отходит от этого метода, своими комментариями скрепляя материал.

Начнем, однако, с предыстории. Прежде всего, рассказ о годах, предшествовавших рождению и становлению большевички. О годах детства, отрочества и юности Инессы Арманд.

БЕЗЗАБОТНО-БЕЗМЯТЕЖНОЕ ЖИТЬЕ

Кабинетные фотографии конца прошлого века, снятые в Париже и Лионе. Модный в те времена коричневатый тон — сепия.

На одной из фотографий изображен представительный мужчина в плаще, в ботфортах; шляпа с широкими полями лихо заломлена; одна рука картинно упирается в бок, в другой — шпага. На второй фотографии — красивая женщина в наряде из темной и светлой тафты с кружевами, в небольшой шляпе с перьями...

Фотографии отца и матери Инессы Арманд. Французского оперного певца Теодора Стефана и жены его Натали — полуфранцуженки, полуангличанки, актрисы, а затем учительницы пения. (Оба снимались в театральных костюмах.)

Теодор, незаурядный артист, блистал на парижской сцене. Но умер он рано, оставив без средств вдову с

тремя детьми — с тремя девочками, мал мала меньше.
Одна из них — Инесса-Елизавета, родившаяся в Париже 16 июня 1875 года.

Малютка-парижанка вскоре оказалась в Москве. Шестилетней привезла ее сюда тетка — преподавательница музыки и французского языка. Вместе с ней жила бабушка. Они обе и воспитывали Инессу.

От той поры почти не осталось документов. Сохранилось лишь несколько фотографий — красноречивые свидетельства беззаботного детства Инессы.

Видимо, каждый год водили девчушку в фотографию П. Павлова, что на Мясницкой, в доме Вятского подворья, против книжного магазина братьев Салаевых.

Вот она, совсем малюсенькая, прильнула к тетушке. Вот она с бабушкой: Инессу фотограф поставил на стул, рядом в кресле удобно расположилась представительная старуха в черных шелках. Еще одно изображение: девочка чуть постарше, на фоне какого-то грота. На другой фотографии она снята с корзинкой, в шапочке и башмаках с бантами.

Словом, благополучный, балованый ребенок.

А семья ведь была трудовая. Но тетка — зарекомендовавшая себя учительница — зарабатывала, очевидно, неплохо. И дала Инессе хорошее общее образование, домашнее, что считалось тогда наиболее подходящим для девицы. С младенческих лет свободно знала Инесса три «родных» языка: русский, французский, английский. Хуже владела немецким. Музыкально одаренная, она с раннего детства систематически училась играть на рояле; огромную любовь к музыке пронесла Инесса затем через всю свою жизнь.

Девочка становится девушкой. Как она расцвела, какой прелестной стала!

Я опять рассматриваю старые фотографии. (Они хранятся в фондах Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в фондах Музея революции СССР и в семейном архиве детей Инессы Федоровны Арманд. На протяжении повести ее жизни,

которая воссоздается по мере сил на этих страницах, я еще не раз прибегну к фотосвидетельствам, чтобы, восполнив пробелы в биографических материалах, уловить переливы ее настроений, прикоснуться к богатствам ее души.)

Девушка с распущенными, волнистыми волосами. Сосредоточенно-задумчивый взгляд, фигура, устремленная вперед, будто натянутая стрела.

Та же девушка — на любительском («минутном», как тогда называли) снимке. На даче, среди подруг. Кофта в крупный горох. Рожки, приставленные ко лбу двумя пальцами; «носы», натянутые кому-то незримому. Весело!

Веселых фото, однако, немного. Обычно — и в юности, и в зрелом возрасте — Инесса внимательно-печальна. Она пристально вглядывается в мир — вглядывается, чтобы его изменить.

В семнадцать лет Инесса сдает экзамен на звание домашней учительницы. Через год, когда ей сравнялось восемнадцать, выходит замуж.

Перед нами «выпись» из метрической книги Николаевской села Пушкина церкви за 1893 год: «приходский священник Игнатий Казанский с причтом совершил 3 октября бракосочетание потомственного почетного гражданина, Московской I гильдии купеческого сына Александра Евгеньева Арманда, православного вероисповедания, первым браком — с французской гражданкой, девицей, дочерью артиста Инессой-Елизаветой Федоровой Стефан, англиканского вероисповедания» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1, 2).

Богатая семья Армандов, известных московских промышленников, была на редкость дружной. Молодой Арманд — человек покладистого характера и большого обаяния, по натуре мягкий — придерживался передовых взглядов. Он очень любил свою юную прелестную жену, которую знал с детства.

Армандам, обрусевшим французам, принадлежала крупная по тем временам шерстоткацкая и красильно-отделочная фабрика в Пушкине по Ярославской железной дороге, на двадцать восьмой версте от Москвы.

В сборнике «Россия» (под ред. П. П. Семенова, т. 1. 1899) сообщается, что фабрика Арманд вырабатывает в год шерстяных тканей на 900 тысяч рублей, а трудятся на этой фабрике 1200 рабочих.

Торговый дом «Евгений Арманд с сыновьями» владел, кроме того, обширными поместьями и лесами, доходными домами и всяким прочим недвижимым и движимым имуществом. Глава «клана» — Евгений Евгеньевич Арманд, мануфактур-советник и потомственный почетный гражданин, заседал во всевозможных комитетах вместе с первыми «тузами» Белокаменной — с Морозовыми и Прохоровыми, Гучковыми и Рябушинскими, Абрикосовыми и Катуарами... Его братья, сыновья и племянники управляли фабриками, занимались общественно-благотворительной деятельностью, вели коммерческие дела в России и за границей.

Молодой муж Инессы — Александр Евгеньевич увлекался в ту пору земскими делами, был гласным Московского губернского земского собрания, членом Московского лесохранительного комитета; был он и благотворителем: заседал в «Особом городском присутствии по разбору и призрению нищих».

Словом, либеральный, просвещенный капиталист новейшей формации.

Впоследствии Александр Евгеньевич, как мы увидим, сильно полевел, по всей видимости не без влияния Инессы; пока же он ввел молодую жену и в круг своих интересов, и в круг своей семьи. То был открытый дом, по-русски хлебосольный, по-французски радикальный. Молодежи в нем жилось вольготно: в обширной столовой, а летом на еще более просторной веранде вокруг огромного стола располагались десятки людей — дети, внуки, друзья детей и внуков. К старости одних внучат у Армандов насчитывалось сорок пять душ. Представляете, какая «запорожская вольница» собиралась около всегда огнедышащего самовара, какие велись горячие споры на злобу дня и по извечно волнующим вопросам!..

Гостеприимная бабушка следила, чтобы все были сыты, и радовалась живому задору молодежи; учтивый дедушка, с виду похожий на ученого, а вовсе не на купца, покидал горластое общество, удаляясь в свой кабинет, к любимым книгам и ботаническим коллекциям. Тут уж

ожесточенные дискуссии разгорались пуще прежнего, веселые затеи становились изобретательнее, захватывали всех и вся.

Арманды полюбили Инессу. Старики сохранили к ней привязанность до конца своих дней, хотя и перешла она в другой лагерь, да и в лично-семейном плане доставила немало огорчений.

Забегая вперед, скажу, что седобородый мануфактур-советник и почтенная его супруга в 1907 году посещали «содержавшуюся под стражей» в пречистенском полицейском доме невестку-бунтарку. О том свидетельствует разрешение, выданное отделением по охранению общественной безопасности и порядка в Москве.

Но то было значительно позже.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Молодожены поселились в Ельдигине, подмосковном имении Армандов, и часто наезжали в Пушкино.

Ельдигинские годы навсегда запомнились Инессе. Была молодость, свежесть первых впечатлений, пора накопления жизненных сил и радужных надежд. С мужем они друзья-единомышленники. Вместе обдумывают всевозможные хозяйственные преобразования, организуют школу для крестьянских ребятишек — Инесса преподает в этой школе. Вместе совершают ближние и дальние прогулки.

Милые сердцу ельдигинские, «левитановские» места — рощицы и перелески, простор полей и разнотравье лугов, тенистые лесные тропинки и заросшие, глухие овраги... Как часто потом, в вынужденных скитаниях по чужим странам, в грозном великолепии Альп или ослепительном блеске Адриатики чудилась Инессе полюбившаяся ей скромная краса среднерусской природы. И сердце сжималось от безотчетной тоски.

В фондах Государственного Исторического музея хранятся записи рассказов старых рабочих армандовской фабрики. Читаем: «Арманд всегда шел на уступки», «...Они близко соприкасались с рабочими», «Их ува-

жали» (ГИМ, ф. 433, ед. хр. 34). Относятся эти отзывы к старому хозяину, Евгению Евгеньевичу, и его сыну, Александру.

Так-то так. Но и в Пушкине рабочий жил нищенски-беспросветно, полуголодно. Известно, что к началу века зарабатывал московский текстильщик вдвое меньше, чем рабочий-металлист, чье житье — мы знаем — вовсе не являлось сладким. В спальнях армандовских фабричных воочию увидела Инесса и безысходную нужду, и горькое горе, и бесшабашный разгул. Потрясла ее тяжкая участь женщины-пролетарки.

Контраст между барским домом Армандов в Пушкине и рабочими каморами — спальнями был поистине потрясающим. И это не могло не запасть во впечатлительную душу Инессы.

Живется Инессе легко. В атмосфере любви и поклонения, в интересном обществе, в условиях, при которых не приходится заботиться о хлебе насущном. Говорят, что к богатству привыкнуть нетрудно... Но... «мне случалось... чувствовать себя очень одиноко среди пушкинцев — так признавалась И. Ф. Арманд много лет позже, в письме из Швейцарии, адресованном дочери.— Я все-таки была чужая, которая со стороны вошла в семью, да еще со своим уставом...» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 25, л. 34, 35).

Ценное признание, оно дает некоторое освещение пушкинско-ельдигинскому периоду жизни моей героини — периоду, о котором крайне мало документов и достоверных свидетельств. Не так уж, значит, были безмятежны те ее годы.

А про то, каким был ее «устав», мы вскоре узнаем.

Теперь приведу еще выдержку из другого письма Инессы — одного из многих, тоже посланных старшей дочери Инне из-за границы в Россию в дни первой мировой войны. Письма эти очень значительны, и мы обязательно будем не раз еще обращаться к ним. Сейчас, однако, меня заинтересовало одно местечко, имеющее автобиографический характер. Оно связано с оценкой Льва Толстого — мыслителя и писателя.

Отвергая реакционную философию Толстого: «от нее плесенью пахнет», Инесса превозносит его как худож-

ника, который «удивительно верно видел жизнь и умел изобличать все ее дурные и безобразные стороны». И дальше:

«Некоторые его фразы или характеристики как-то запечатлеваются на всю жизнь, иногда даже дают ей направление. Например, в «Войне и мире» есть одна фраза, которую я впервые прочитала, когда мне было 15 лет, и которая имела громадное влияние на меня. Он там говорит, что Наташа, выйдя замуж, стала самкой. Я помню, эта фраза показалась мне ужасно обидной, она била по мне, как хлыстом, и она выковала во мне твердое решение никогда не стать самкой — а остаться человеком (а сколько вокруг нас самок!)» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 25, л. 40).

Вот, оказывается, какие мысли теснились в очаровательной головке молодой ельдигинской хозяйки, какие чувства ее обуревали.

В 1894 году родился сын, Александр. Еще троих — сына Федора и двух дочек, Инну и Варвару, Инесса Федоровна родила в период между 1896 и 1901 годами. Пятый ребенок, сын Андрей, появился на свет в конце 1903 года.

С появлением детей возникли, естественно, и новые заботы. С рождением первенца связан и первый серьезный душевный кризис, пережитый Инессой. О нем, со слов самой И. Ф. Арманд, рассказала впоследствии Надежда Константиновна Крупская.

Дело в том, что в юные годы Инесса была очень религиозна. Но когда родился сын Саша, молодая мать столкнулась с тем, что православная вера запрещает роженице в течение шести недель посещать церковь. Почему? Задумавшись об этом неоправданном запрете, волнуясь и возмущаясь, Инесса начинает пересматривать свое мировоззрение. Нелепых религиозных догматов и обрядов, стоило лишь вдуматься, оказалось превеликое множество. И прежняя наивная вера ушла безвозвратно. Так рвется еще одна нить, связывающая Инессу с прошлым.

При этом надо заметить, что столь же беззаветно и сильно, как исповедовала она религию, столь же убежденно и решительно молодая женщина отвернулась от

нее. Такова уж ее глубокая, страстная натура: и любит и ненавидит со всем душевным напряжением.

Много энергии и времени Инесса Арманд отдает в ту пору благотворительности. Вступив в московское «Общество улучшения участи женщин», она становится одной из наиболее активных его деятельниц.

Цели общества широковещательны. По сути же, все оборачивается крохоборчеством.

Чистая душа Инессы возмущена и угнетена проституцией, куплей-продажей женщин, узаконенной буржуазным строем. Как же бороться с этим позорным явлением?.. Сбором «доброхотной копейки»?! Но вот результат: за 1898 год, согласно отчету совета благотворительного общества при Мясницкой городской заразной больнице, 77 больных проституток получили платье, а троих отправили на родину... Что ж, стараться ложкой вычерпать море?

Инесса жаждет настоящей работы, хочет приносить не показную, а действенную помощь. И все больше убеждается, что благотворительностью лечить социальные недуги невозможно.

Значит, сложить руки? Нет, это не в характере Инессы. Наоборот, она стремится значительно расширить масштабы деятельности. Отсюда — мысль об издании печатного органа общества, листков или газеты — словом, публичной трибуны.

В Центральном государственном историческом архиве Ленинграда А. Маргарян (см. «Вопросы истории», 1962, № 3) обнаружила переписку по поводу издания «Известий Московского общества улучшения участи женщины». В главное управление по делам печати было подано прошение, подписанное Инессой Арманд,— она уже стала к тому времени (1900 год) председательницей общества.

Зачем нужен печатный орган? Чтобы публиковать руководящие статьи и рефераты, обзоры текущей прессы о деятельности других обществ (русских и заграничных) по улучшению участи женщин, корреспонденции и хронику о жизни женщин в России и за ее пределами, хронику о работе комитета и комиссий общества. Широкая программа, не правда ли? Поистине поразительно, как

совсем молодая женщина, не имея ни ясной политической платформы, ни организаторского опыта, ни твердой поддержки друзей, как это пришла она к идее об организаторско-пропагандистской роли газеты! Пришла совершенно самостоятельно! На выпуск «Известий», как и следовало предполагать, не было дано разрешения, хотя главное управление по делам печати затребовало — и получило — ряд документов, в том числе от департамента полиции сведения о самой Инессе Арманд. Стоит привести эту полицейскую справку:

«Председательница Московского общества улучшения участи женщины, жена потомственного почетного гражданина Инесса (Елизавета) Федоровна Арманд, как оказалось по собранным о ней сведениям, 26 лет от роду, вероисповедания православного, в материальном отношении совершенно обеспечена и нравственности одобрительной» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 1434, д. 19, л. 8).

Бумажка датирована 30 апреля 1901 года. Мне думается, что, давая эту положительную характеристику Инессе, полицейские власти пользовались устарелыми данными. Ко времени, к которому относится документ, Инесса Федоровна, по-видимому, была уже во власти иных идей, и едва ли идеи эти заслуживали полицейского одобрения... А филантропической деятельностью она продолжала заниматься, так сказать, по инерции.

Если подытожить то, что сделано «Обществом улучшения участи женщины», результат, конечно, окажется мизерным. Дамы-благотворительницы, разумеется, никак не облегчили участь несчастных женщин. Но для Инессы Арманд — я уверен — время и энергия, отданные этой организации, не пропали даром. Во-первых, это была для нее, как мы бы теперь сказали, некоторая школа общественной работы. Во-вторых, что гораздо важнее, она воочию увидела изнанку жизни, подноготную капиталистического строя, его зияющие и смердящие язвы.

Море пенится у прибрежных камней. Кипарисы свечами уходят в небо. Яркое солнце озаряет купальщиков. Это Южный берег Крыма. Летом 1898 года госпожа Арманд приехала сюда с детьми.

Мы видим элегантную молодую даму в укромном тенистом уголке. Она всецело погружена в толстенную книгу. Увлекательный роман?

Взглянем на титульный лист. На нем значится: С. С. Арнольди. Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли.

Вот, оказывается, какого рода книги увлекают Инессу! И не только увлекают. Она пишет из Крыма мужу:

«Я читаю теперь «Задачи понимания истории» Арнольди, очень интересно. Некоторые его взгляды мне прямо ужасно по душе. Вообще, я давно не читала книги, которая бы так вполне соответствовала моим взглядам» (письмо из семейного архива).

Арнольди — псевдоним Петра Лаврова, идеолога народничества. Значит ли, что Инесса стояла тогда на ошибочных позициях народничества? Сомнительно. Во всяком случае, мы не располагаем никакими на то подтверждениями (помимо цитированного выше письма). Скорее всего, молодую читательницу трудов Лаврова впервые захватила революционная идея, до нее дошла дерзновенная мысль о необходимости перестройки мира.

ПЕРВАЯ ШКОЛА, ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ

Как и когда Инесса Арманд стала революционеркой? Супруга потомственного почетного гражданина, видного московского фабриканта, дама-патронесса, чья красота, чьи туалеты производили впечатление на самое избранное общество, к чьей изящной ручке почтительно прикладывались крупные чиновники и первые богатеи Белокаменной. Как, при каких обстоятельствах эта благополучная молодая женщина, решительно порвав со своим классом, перешла в ряды борцов?

На ум приходят весьма популярные некогда некрасовские строки:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Так кто же, собственно говоря, «увел» ее в революционный стан? В какой момент сочувствующая угнетен-

ным «дама из общества» стала профессиональной революционеркой?

Изучая историю жизни Инессы, я упорно задавал себе эти вопросы, стремился обнаружить и очертить рубеж, который она преодолела. Разумеется, я не был настолько наивным, чтобы, уподобив рождение революционера рождению живого существа, попытаться зафиксировать определенную дату. Абсурдность таких попыток очевидна. Но очень хотелось уяснить для себя (и объяснить затем читателю), когда и под влиянием чего произошел перелом в сознании Инессы.

Задача, увы, так и осталась нерешенной. Точных свидетельств обнаружить не удалось. Самым точным и, пожалуй, единственно достоверным могло бы быть свидетельство самой И. Ф. Арманд. Но дневника, к сожалению, она не вела (во всяком случае данных о существовании дневника мы не имеем), и богатое ее эпистолярное наследство тоже не дает прямого ответа на все эти вопросы.

И все же, расставив на этих страницах множество вопросительных знаков, я постараюсь снять хотя бы часть из них. Изложу на основании фактов и документов последовательность перемен, происшедших сначала в психологии, а затем и в действиях Инессы, в ее сознании и бытии.

При этом прошу иметь в виду, что собиралось все буквально по крупицам.

Сперва на чуткую натуру Инессы произвели впечатление резкие контрасты жизни в условиях капиталистического строя. Нищета — и богатство, праздность — и подневольный труд. Голодные, золотушные дети армандовских ткачей, ельдигинских мужиков. Горькая судьба «гулящих» женщин. Бесправие трудового люда и произвол сильных мира сего. И сознание тщетности своих усилий, полной невозможности что-то кардинально изменить, кому-то по-настоящему помочь.

Отход от религии повлек за собой повышенный интерес к философскому познанию мира. Книги, да и споры в вечерние часы на веранде пушкинского дома, толкнули к тщательному изучению материалистической теории.

При всей пылкости своего характера, при всей порывистости и страстности, Инесса с отроческих лет была приучена к систематическому чтению; она не только

много читала, но и работала над книгой. Так что нас не должно удивлять ее обращение к сочинениям по социологии и политической экономии, по истории и философии.

В одном из писем мужу она вскользь сообщает, что «принялась за химию» и что читает книгу про бельгийских рабочих (1899 год). В другом письме, относящемся к 1900 году, Инесса Федоровна просит достать ей книгу М. К. Горбуновой «Женские промыслы в Московской губернии» и узнать в ремесленной управе насчет труда учениц и мастериц. «Мне бы нужно знать,— пишет она,— только среднее количество часов, которые они работают, и среднюю заработную плату».

На минутку остановимся и попутно обратим внимание на автора этой книги. Видная деятельница женского профессионального образования, специалист в области кустарных промыслов Минна Карловна Горбунова-Каблукова была знакома Инессе Арманд по всякого рода благотворительным комитетам. У Горбуновой-Каблуковой собирались по субботам интересные люди — профессора университета и земские деятели, экономисты и публицисты. Вполне вероятно, что молодая мадам Арманд приглашалась на эти «историко-экономические журфиксы», беседовала с их завсегдатаями — Ключевским и Анучиным, Морозовым и Фортунатовым... Горбунова-Каблукова состояла в переписке с Фридрихом Энгельсом. И вовсе не исключено, что Минна Карловна показывала юной единомышленнице письма своего великого корреспондента.

В ту пору и сама Инесса завязала кой-какие интернациональные связи.

Перед нами письмо на французском языке — письмо, в котором ставится вопрос о создании в Москве «секции Международного женского прогрессивного союза». Корреспондентка Инессы — секретарь этой феминистской организации Адриэнна Вейжеле обещает ей всяческую поддержку, приглашает в Лондон за опытом и т. д. (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 32).

От той же организации была, очевидно, получена и английская книга (справочник) «Дома для работающих девушек в Лондоне», издание 1898 года. Книга эта вместе с двумя томами мемуаров Сен-Симона на француз-

ском языке хранится ныне в Государственном историческом музее (ф. 433, ед. хр. 26). Попали они в музей из ельдигинской библиотеки И. Ф. Арманд. Подчеркивания и пометки на полях показывают, что над книгами работали.

Нам не известно, увлекалась ли Инесса в те годы суфражизмом — женским буржуазным движением за равные с мужчинами права. Если даже и увлекалась, то, по-видимому, совсем недолго. Но знание вопроса сослужило ей хорошую службу потом, когда пришлось сражаться с буржуазными «равноправками» и сплачивать женщин-работниц в революционные колонны.

Выше, когда говорилось о Горбуновой-Каблуковой, я назвал Инессу Федоровну ее единомышленницей. Нет, не следует понимать это слово буквально. Просто в ту пору их интересы пересекались и совпадали в каких-то точках. Но никогда Инесса не принадлежала к среде благонамеренных земцев, салонных бунтарей или либеральствующих прекраснодушных интеллигентов.

Ей было душно в буржуазных салонах и на великосветских раутах, умом и сердцем она тянулась к настоящему революционному делу, и в зеленоватых глазах ее мелькали отсветы приближающейся бури.

Разный народ собирался в доме Армандов. Сестра Александра Евгеньевича, Анна, симпатизировала большевикам. Позднее, в 1914 году, Анна Евгеньевна, по мужу Константинович, вступила в партию. (Здесь уместно добавить, что Инесса любила свою золовку, дружила с ней всегда. Они отлично понимали друг друга, были настоящими единомышленниками.) Младшие сыновья Евгения Евгеньевича тоже не избежали революционных веяний. Ну, а среди различных их друзей-приятелей, приезжавших в Пушкино погостить, подкормиться, иной раз даже и укрыться от недреманного ока жандармов, среди студентов этих встречались настоящие революционеры.

Мы уже знаем, что чувствовали они себя в Пушкине довольно уютно, взглядов своих не скрывали, наоборот — пользовались любым поводом, чтобы проповедовать свои воззрения, чтобы отстаивать превосходство своей партии, течения, группы. Позднее это выливалось в нескончаемые

и ожесточенные споры между «седенькими» и «серенькими» — так называли эсдеков и эсеров.

Инесса обладала большим даром: она умела слушать. И едва ли в той семейно-дружеской аудитории, которая окружала лохматых спорщиков, можно было сыскать более внимательного слушателя. Примостившись где-нибудь в сторонке, Инесса следила за дискуссией, за доводами и контрдоводами. Чаще, однако, случалось по-другому. Не выдержав позиции стороннего наблюдателя, Инесса ввязывалась в спор. Вспоминают, какой страстной спорщицей она была и как ловко справлялась с оппонентами.

От ярых, но по сути своей довольно безобидных споров перешли к делу. Вернее, процесс этот происходил параллельно.

Так ли, иначе ли, но в Ельдигине оказался на сохранении мимеограф (разновидность множительно-печатного аппарата), который потом перевезли в Пушкино. Его не только прятали — на нем печатали подпольные листки и нелегальные брошюры.

Затеял все это репетитор младших братьев Александра Арманда, Евгений Евгеньевич Каммер. Он жил в Пушкине, учил хозяйских сыновей, а сам готовился к поступлению в Московское высшее техническое училище. Каммер был связан со студенческим подпольным кружком, нити оттуда вели к студенту технического училища Вацлаву Воровскому. Социал-демократическую литературу, отпечатанную в Пушкине, переправляли затем в Калугу.

Пушкинское «издательство» существовало совсем недолго: жандармы выследили Каммера. Обыск, арест. Вместе с Каммером задержан был и деверь Инессы — студент Борис Арманд. Задержан, но вскоре отпущен.

Все это рассказала мне Инна Александровна Арманд и привела слова своей матери, Инессы Федоровны, что именно Каммер дал первый толчок к ее революционной деятельности.

В переписке Инессы с мужем, относящейся к 1898 году, имя Евгения Каммера упоминается не раз. Его участь — арест, высылка (Каммеру было запрещено проживать в крупных городах Российской империи), туберкулез, которым он заболел, отсутствие средств — все очень тревожит Инессу.

И она восклицает в одном из писем: «Все-таки много грустного на белом свете. Как ты там застанешь Евгения Евгеньевича?» («там» — это в Ельце, куда Каммер был выслан после отсидки и куда собирался заехать к нему Александр Арманд).

В другом письме читаем:

«Я его (Каммера.— *П. П.*) как-то очень, очень люблю и мне его страшно жаль. Так бы хотелось иметь возможность улучшить его положение».

Несколько слов о дальнейшей судьбе Каммера. Он отошел тогда от политики, уехал за границу, где получил медицинское образование. С 1910 года, вернувшись в Москву, работал врачом. В 1920 году вступил в РКП(б). Инесса дала своему первому революционному наставнику партийную рекомендацию.

Важным этапом на пути сближения Инессы с революционерами была ее поездка осенью 1903 года в Швейцарию. Приехав туда с детьми для поправки здоровья и родив пятого своего ребенка — Андрея, она остается на берегах Женевского озера до лета 1904 года. Не для праздного времяпрепровождения. Для основательного изучения социал-демократической литературы; для того, чтобы детально разобраться в сути разногласий между большевиками и меньшевиками, постичь на практике науку и искусство революции.

К концу 1903 года — к тому времени, когда она поправлялась после родов, относится письмо к Александру Евгеньевичу Арманду, письмо, в котором Инесса замечает: «Читаю я Ильина о росте капитализма в России, помнишь, мы вместе брали эту книгу в библиотеке?» (письмо из семейного архива).

Важное свидетельство. Вот когда, оказывается, впервые раскрыла Инесса ленинский том.

Отголоски того, с чем Инесса столкнулась в Швейцарии, звучат в ее письме к Александру Евгеньевичу Арманду в октябре 1904 года из Москвы на Дальний Восток, куда тот выехал в действующую армию с санитарным поездом. Так вот, Инесса сообщает ему всякую московскую всячину: о студенческих демонстрациях,

о предстоящих выборах в уездном земстве, дает критическую оценку постановке «Слепых» Метерлинка в Художественном театре и тому подобное, что может интересовать адресата, важное и не столь уж значительное, вперемешку. Пишет о себе:

«Была еще на двух заседаниях в психологическом обществе (читали о реализме) и в секции того же общества, где читали о Метерлинке. На втором я от тоски чуть язык не проглотила. На первом реферат был скучный или, точнее сказать, вместо реферата было пустое место, но возражали интересно. Референт был против материалистического понимания истории, возражали ему Богданов, Суворов и т. д., как поборники материалистического понимания истории. Народу было очень много. Мне в общем немного напомнило заграницу. Только там все это гораздо энергичнее и живее, там этого самого референта так бы распушили, что от него осталась бы одна слизь. И мне, честное слово, хотелось бы этого! Уж очень досадно, когда подобные глупцы лезут в критики».

Характер Инессы, ее политические взгляды и склонности вполне явственно проявляются и на той страничке этого же письма, где рассказывается о съезде земских представителей в Петербурге и о том, как земцы эти собираются «требовать» конституции.

«Между прочим, она (конституция.— *П. П.*) прекуцая, учреждаются две палаты и т. п. прелести. Либералишки несчастные! Душа у них коротка!» (письмо из семейного архива).

Презрение к «либералишкам с короткой душой» пронесла Инесса через всю свою жизнь.

Взглянем вновь на фотографии — поворошим стопки снимков, сохранившихся в фондах ЦПА ИМЛ, Музея революции СССР, у дочерей Инессы. Отберем несколько фото, относящихся к интересующему нас периоду.

Какая она разная, Инесса Арманд! Странная вещь: на многих изображениях блондинка кажется смуглянкой, темноволосой. Лицо подвижное, нервное, переменчивое; в его чертах, во всем ее облике, словно в зеркале, отражаются разные чувства и настроения: радость и усталость, задор и умиротворенность, печаль и твердость...

Гляжу я на эти снимки, и кажется мне, что она была из тех целеустремленных людей, которые не умеют прятать свои чувства и мысли; про таких говорят: все на лице написано.

Вот снимок, сделанный у «постоянного» фотографа: молодая дама сидит в пол-оборота к объективу, на руках — ребенок. Пышная прическа, рот чуть открыт в улыбке. Все так покойно — ну, прямо мадонна с младенцем.

Любительское фото: дама в темной накидке и шляпе, заколотой на взбитых волосах. Взгляд мечтательный, мягкий. Снята Инесса на фоне моря, на втором плане видна какая-то рощица. Надпись на обороте, сделанная ее рукой, свидетельствует: «Дорога из Сорренто в Кастельмаре. Январь 1903 года».

И фотография, снятая всего через два месяца — в марте 1903 года, в Москве. Кабинет, рабочий стол, заваленный бумагами. Керосиновая лампа с абажуром. За столом, в кресле,— Инесса. Но отчего так заострились черты ее лица, какие грозы прошумели над ее головой?!

Очень хороша она на снимке, сделанном в Москве в августе 1902 года. Что за дума запечатлелась на ее одухотворенном лице? Быть может, в такой вот момент председательница благотворительного общества и приняла решение, в корне переменившее всю ее дальнейшую жизнь? Как знать! Во всяком случае о многом может поведать ее задумчивый взгляд.

Пожалуй, своевременно здесь рассказать о личной драме Инессы Федоровны. Она ушла от мужа. Ушла, полюбив другого. И этим другим был младший брат мужа, Владимир.

Взаимоотношения любящих ничем не походили на обычный в буржуазных семьях адюльтер. Чувство было взаимное, открытое.

Ярый враг всяческой лжи, Инесса, не таясь, объяснилась с Александром Евгеньевичем. Невыносимо трудно было причинить боль человеку, который сделал ей в жизни столько хорошего, относился к ней так бережно, был чутким мужем и ласковым, внимательным отцом.

Понял ли он Инессу, простил ли? По-видимому, и понял, и простил. Во всяком случае Александр Евгеньевич

до самой последней минуты Инессы оставался ее искренним другом, приходил на помощь в тяжелые времена, удивительно тактично появляясь именно тогда, когда бывал необходим. И после ранней смерти Инессы Александр Евгеньевич свято чтил ее память. (Умер он в почтенном возрасте, в 1943 году, под Москвой.)

Развод супругов не был официально оформлен, очевидно из-за детей. Воспитывать их продолжали совместно, всегда советуясь, считаясь друг с другом. Переписывались часто. А когда судьба заносила Инессу в заграничное «далеко», когда ее тоска о детях переливалась через край, Александр Евгеньевич находил возможность хотя бы на короткий срок соединить мать и детей...

Я прочитал немало писем бывших супругов Арманд и хочу отдать им должное — ни попреков, ни мелких придирок, переписка друзей. Такими они и оставались.

Чрезвычайно сложно автору документальной повести вторгаться в область личных взаимоотношений своей героини. Тем более что вот уже много лет все три действующих лица драмы покоятся в земле. Хочу только подчеркнуть бесспорную чистоту их чувств и столь же очевидную бескорыстность.

Подобно тому как без страха и сомнений отбросила Инесса богатства и удовольствия буржуазной среды, променяв спокойно-обеспеченное существование на полную тревог жизнь вечно гонимого подпольщика-революционера,— подобно этому отказалась она и от семейного благополучия. Отказалась решительно и бесповоротно — ради любви. Бунтарский характер!

Когда размышляешь об этом поступке Инессы, приходишь к следующему умозаключению: в том, что разорвала она с Александром Евгеньевичем и соединила жизнь с Владимиром, свою роль сыграли — не могли не сыграть! — ее революционные взгляды. Ведь с Володей-то они были единомышленники — социал-демократы.

В этой связи мне представляется чрезвычайно ценной маленькая записка Инессы Федоровны, сохранившаяся в семейном архиве. На листке плотной кремовой бумаги с датой — что не так-то часто встретишь в переписке Инессы Арманд — сказано:

«2 авг. 1903 г.

Дорогой Володя.

Когда сегодня утром писала тебе, совсем забыла сообщить тебе одно маленькое соображение. Ты хотел сообщить человеку во вторник утром не только твое имя, но и место, где будет находиться библиотека. Последнее, насколько я понимаю, не полагается. Прости, что вмешиваюсь в это дело, но я как-то недавно собиралась сделать такой же промах, и он меня сразу заставил молчать...»

Под этим — характерная подпись с росчерком: «Инес».

Увы, мы так и не знаем, кто тот «он», столь решительно обучавший Инессу азам революционной конспирации, но мы видим, как тактично и мягко передавала молодая женщина полученные уроки любимому человеку.

Их объединяло совместное трудное революционное дело. А Александр? Тот, конечно, чудесный человек, но, к сожалению, отнюдь не борец.

Много позднее, осенью 1908 года, она писала из мезенской ссылки в Москву своим друзьям — Анне Яковлевне и Владимиру Моисеевичу Аскнази: «Разлад между интересами личными или семейными и интересами общественными является для современного интеллигента самой тяжелой проблемой, так как сплошь да рядом приходится жертвовать либо тем, либо другим — да и кто из нас не стоит перед этой тяжелой дилеммой? И как ни вырешишь, одинаково тяжело. У рабочих другое — там гармония, совпадение личных и общественных интересов, потому-то они такие цельные, крепкие, а мы все интеллигенты более или менее в противоречии с самими собой» (фонд Музея революции СССР, № 33308/2).

В этих рассуждениях — прямой отклик на личную трагедию Инессы: «И как ни вырешишь, одинаково тяжело»...

Покинув мужа, Инесса поселяется вместе с Владимиром и детьми; снимают квартиру в Москве на Остоженке. Вместе с ними живет студент-медик Ваня Николаев — крестьянский сын, которому Арманды дали возможность учиться в гимназии, а затем и в университете.

Заметно меняется весь уклад жизни. Инесса ищет уроки — не хочет быть зависимой от Александра Евгень-

евича, хотя он всегда очень охотно субсидировал ее. Свое время она делит между подпольной, революционной работой и детьми. Что ж, будем объективны: в ту пору на долю горячо любимых ребят оставалось совсем-совсем немного минут. Революционная практика властно захватывала Инессу.

Взгляды ее вполне определились. Пребывание в Швейцарии облегчило ей возможность разобраться в существе разногласий между двумя направлениями в социал-демократии. Что ж тут удивляться, что она, непримиримый враг всякого соглашательства, беспринципности и приспособленчества, решительно — раз и навсегда — делает свой выбор!

Книга В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», вышедшая в мае 1904 года, помогла Инессе стать большевичкой.

«БУДУ ДОБИВАТЬСЯ ВСЕМИ ДОСТУПНЫМИ МНЕ СРЕДСТВАМИ»

1904 год — год вступления Инессы в партию. Она с головой уходит в партийную работу. Черновую, кропотливую, малоприметную, но очень рискованную работу подпольщика — партийного организатора.

Мы не располагаем точными данными о том, какие именно поручения выполняла Инесса в тот первый период своего революционного бытия. Хотя одно свидетельство имеется: академик Н. М. Дружинин вспоминает, что, будучи совсем юным студентом, он в ту пору взял на себя функции библиотекаря Московского комитета партии. По очереди с Н. М. Лукиным (тогда студентом второго курса, а впоследствии тоже видным советским историком и тоже академиком) они являлись посредниками в обслуживании пропагандистов нелегальной литературой.

— Вся библиотека,— рассказывал мне Николай Михайлович Дружинин,— умещалась в одном чемодане, правда, большущем. Удивляться этому особенно не приходится, если вспомнить, что состояла библиотека главным образом из нелегальных тощих брошюрок, выпущенных за границей.

А хранился тот чемодан на квартире у сестры юного Коли Дружинина — драматической актрисы. И вот, при-

мерно раз в неделю, в определенное время, то Дружинин, то Лукин по очереди приходили на Остоженку, к Инессе Федоровне Арманд. По рукописному каталогу она отмечала названия брошюр, которые были нужны, и связные — книгоноши доставляли затем литературу.

Инесса-то и привлекла студента Дружинина, положив начало этой работе. На квартире товарища Инессы вскоре, однако, разыгрался и финал. Придя воскресным утром 6 февраля 1905 года со списком книг на Остоженку, Дружинин попал в лапы полицейских. Список уничтожить не успел, и его затем «приобщили к делу». Сама же библиотека, по счастью, осталась в сохранности.

Инессу Федоровну Коля Дружинин увидал лишь в участке. Там арестованные, улучив момент, договорились о тактике: молчать, никаких показаний жандармам не давать!

Дружинина поразила спокойно-гордая красота Инессы. Пусть минуло с тех пор больше полувека, старый ученый отчетливо видит, с каким хладнокровием и достоинством держалась молодая женщина. Будто она не в плену у врага, не за решеткой, а на светском приеме и все эти приставы да вахмистры находятся у нее в услужении...

Задумчиво припоминая события тех далеких лет, академик Дружинин сравнивает Инессу с женщинами Великой французской революции.

А теперь пускай говорят документы:

«1905 года февраля 7 дня, я, Московский Градоначальник генерал-майор Волков, принимая во внимание имеющиеся в Отделении по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве сведения о жене потомственного почетного граждан. Инессе (Елизавете) Федоровой Арманд и руководствуясь ст. 21 Положения о Государственной охране... постановил: означенную Арманд, впредь до разъяснения обстоятельств дела, заключить под стражу при Мясницком Полицейском Доме с содержанием... в отдельном помещении».

Далее идет полагающаяся подпись, имеется и соответствующий номер. А все приведенное «Постановление» обнаружено в пухлой архивной папке, содержащей

переписку прокурора московской судебной палаты (Государственный исторический архив Московской области, ф. 131, оп. 69, ед. хр. 477, л. 203). Переписка посвящена арестованной 6 и 7 февраля 1905 года «террористической группе московской организации партии социал-революционеров».

Да, тут нет ошибки: в эти дни, вернее ночи, московская полиция «изъяла из обращения» большую группу эсеров. Случилось, однако, так, что «прихватили» попутно еще кой-кого. Впрочем, мы узнаем об этом из официальных бумаг, стоит только вновь погрузиться в переписку господина прокурора.

Вот довольно подробный, напечатанный на машинке «Список лиц, арестованных 6-го и 7-го февраля 1905 года». Тут краткая «аннотация» на каждого арестованного, данные о результатах обыска, а также ссылка на интересующие охранку некоторые его связи (ГИАМО, ф. 131, оп. 69, ед. хр. 477, л. 99—103). В списке поименовано двадцать девять человек, преимущественно студенты Московского университета — Зоммерфельд, Вноровский-Мищенко, Лютиков, Фортунатов, Бенни, Коробьин и многие другие. Однако не одни лишь студенты. И кандидат философии Гоц, и домашняя учительница Глотова, и дочь губернского секретаря Емельянова... Но вот и наши знакомцы:

«9. Николаев, Иван Ильин, студент Московского университета. Имел сношения с Борисом Вноровским-Мищенко. По обыску ничего явно преступного не обнаружено. Проживал совместно с женой потомственного гражданина Инессой (Елизаветой) Федоровой Арманд.

10. Арманд, Владимир Евгеньев, студент Московского университета.

11. Арманд, Инесса (Елизавета) Федорова, жена потомственного гражданина.

По обыску в совместной их квартире отобрано: пистолет системы «Браунинг», с пачкой патронов, и целый склад нелегальных произведений, как изданий партии социалистов-революционеров, так и социал-демократов».

Под номером 12 числится в списке Элькин Герш Берков — нелегальный социал-демократ, бежавший с поселения в Енисейской губернии. Он скрывался у курсистки Ксении Волковой, а та зашла к Армандам на Остоженку, попала в жандармскую западню — «ввиду чего у нее, по

месту жительства, был произведен обыск» и обнаружен Элькин.

Арестованный, значащийся под номером 13, тоже приходил к Армандам и тоже попал в засаду. Щеколдин, Федор Иванов, кинешемский мещанин. Опытный подпольщик, социал-демократ, он жил по подложному паспорту. «Щеколдин имеет обширные связи в революционной среде, где он известен под кличками: «Дяденька» и «Повар»» (ГИАМО, ф. 131, оп. 69, ед. хр. 477, л. 101). Дальше в списке дается довольно длинный перечень политических «дел», по которым «проходил» и разыскивался Щеколдин, начиная с 1898 года, когда он «привлекался к дознанию» и «содержался под стражей» «ввиду принадлежности его к Московскому союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

И, наконец, еще один:

«14. Дружинин, Николай Михайлов, студент Московского университета. Пришел во время обыска в квартиру Николаева и Арманд. По личному осмотру у него отобрано: список нелегальных изданий и клочки бумаги с адресами и фамилиями лиц, известных по наблюдению; по обыску же в квартире его взят № 84 революционного журнала «Искра» от 18-го января 1905 года» (там же).

Дружинин, мы это знаем, был очень юн и совсем не искушен в сложном искусстве конспирации. Отсюда — и клочки бумаги с адресами и фамилиями, клочки, которые полагалось бы уничтожить. Но то, что Щеколдин, умудренный долголетним опытом и в совершенстве постигший тонкости подпольной революционной работы, то, что он попал в полицейскую засаду, свидетельствует: квартира Арманд считалась до этого еще «чистой», слежки за ней не предвиделось, и арестовали всю ее группу случайно...

Для разъяснения подробностей предоставим слово... товарищу прокурора московской судебной палаты Золотареву. В том же архивном деле покоится его обширное «Представление» (оно датировано 24 февраля 1905 года, имеет гриф «Секретно» и скрупулезно излагает данные охранки).

ПОСТАНОВЛЕНІЕ № 2599

1905 года Февраля 24 дня, въ г. Москвѣ, я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Ротмистръ Васильевъ принимая во вниманіе, что жена потомств. почетн. гражданина Инесса (Елизавета) Федорова Арманд обвиняется въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 126 ст. Улож. о Наказ., на основаніи 1035 ст. Уст. Угол. Судопр. и по соглашенію съ Товарищемъ Прокурора Московской ~~Окружнаго Суда~~ Судебной Палаты И. Л. Соколовскимъ, постановилъ: для пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія названную Арманд руководствуясь 6 п. 416, 421, 430, 431 и 1043 ст. ст. Уст. Угол. Судопр., впредь до выясненія обстоятельствъ дѣла, взять подъ стражу и содержать въ особомъ помѣщеніи. Настоящее постановленіе объявить обвиняемой, а копію препроводить въ мѣсто заключенія ея.

Ротмистръ Васильевъ

Товарищъ Прокурора Палаты [illegible]

[illegible]

Настоящее постановленіе мнѣ объявлено 24 Февраля 1905. И. Арманд

Постановление о первом аресте

По этим данным, пишет Золотарев, террористическая группа местной организации социалистов-революционеров была «ликвидирована» тотчас же после убийства Каляевым великого князя Сергея Александровича «в целях проверки предположения о возможности связи между означенным событием и преступными замыслами местных революционеров» (ГИАМО, ф. 131, оп. 69, ед. хр. 477, л. 111).

Арманды же, как подтверждает прокурорское «Представление» (там же, л. 112), подверглись обыску из-за «проживания в одной квартире с вышеупомянутым Николаевым». (Касательно Николаева охранка, по-видимому, не ошиблась: он был, как вспоминают родственники И. Ф. Арманд, в то время несомненно эсеровского толка. Между ним и твердокаменной большевичкой Инессой шел извечный ожесточенный спор.)

Заканчивает Золотарев так:

«Из числа арестованных лиц Владимир и Инесса Арманд до последнего времени, по имеющимся секретным сведениям, принадлежали к местной социал-демократической организации, чем и объясняется обнаружение в их квартире представителя Центрального Комитета этой партии, убежденного и весьма серьезного социал-демократического деятеля Щеколдина. Последний, по тем же сведениям, прибыл в Москву для принятия участия на состоявшемся 9-го сего февраля съезде районных представителей Центрального Комитета означенной партии, арестованных в квартире литератора Леонида Андреева; причем 1-го числа сего месяца было констатировано наблюдением конспиративное свидание названного Щеколдина с одним из участников этого съезда — нелегальным Александром Александровым Квятковским.

По имеющимся указаниям, арестованные: нелегальный Элькин и студент Дружинин, а также курсистка Волкова, также принадлежали к социал-демократической организации» (там же, л. 112, 113).

Если не обращать внимания на красоты канцелярского стиля, товарищу прокурора нельзя отказать в умении довольно кратко и ясно излагать суть дела. Но каким образом соединить в одном процессе, одним узелком связать «ликвидированных» эсеров с эсдеками? Золотарев делает в своем «Представлении» ловкий курбет,

объясняя связь обеих арестованных групп «тем обстоятельством, что все разрозненные до последнего времени революционные организации, функционировавшие в Москве, после события 9-го Января в С.-Петербурге, решили объединиться на почве приобретения оружия, имея в виду устроить совместно, при первой возможности, массовые беспорядки, вооружив их участников» (ГИАМО, ф. 131, оп. 69, ед. хр. 477, л. 113).

Явный вымысел, не подкрепленный никакими фактами; прокурору он понадобился, чтобы хоть как-то обосновать случайный арест. Все же через месяц, 28 марта, тот же Золотарев в другой бумаге доносит по начальству, что дознание о пятерых из арестованных, «составляющих группу социал-демократического направления, имеет быть направлено самостоятельно» (там же, л. 148).

Так ли, иначе ли, но судебная машина пущена в ход. А как ведут себя обвиняемые? Молчат. Они ведь договорились показаний не давать.

Инессу и Владимира изобличает опрос прислуги, утверждавшей, «что Армандов и проживающего у них Николаева посещали обвиняемые Щеколдин, Фортунатов, Бенни и Матвеев» (там же, л. 127). Сам же «Щеколдин, дав сведения о своей личности, от объяснений по существу обвинения отказался» (там же, л. 126).

Политическая арестантка Инесса Арманд обвинялась по статье 126 Уголовного уложения. Ей инкриминировалось «участие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя». И пока шло следствие, она кочевала по тюрьмам. Из мясницкого полицейского дома — в басманный, оттуда — в тюремную больницу, а из больницы — в московскую губернскую тюрьму «для дальнейшего содержания»...

То, что Инесса попала в больницу, говорит о пошатнувшемся ее здоровье. Сказалось заключение. Но тюрьма, сидение в одиночке, допросы ничуть не пошатнули ее волю. Напротив — еще более закалили.

Сохранилось заявление Инессы. Написано оно на листке серой глянцевитой полупрозрачной бумаги «установленного образца» — такая бумага выдавалась арестантам, пожелавшим написать «прошение». Итак:

Инесса Федоровна Арманд

Инесса Арманд.
1895 год

В ссылке. Мезень. 1908 год

«Прокурору Московской Судебной Палаты.

Заключенной в Московской Губернской тюрьме жены потомственного почетного гражданина Инессы Федоровны Арманд

Заявление.

Ввиду того что у меня развилось малокровие и здоровье мое вообще подорвано, мне необходимо находиться побольше на воздухе; между тем одиночные прогулки, благодаря большому количеству гуляющих, не могут быть продолжительны и, следовательно, совершенно недостаточны, и потому прошу разрешить мне гулять с общей прогулкой, так как она более продолжительна. Повторяю — достаточно продолжительная прогулка, особенно при теперешнем состоянии моего здоровья, есть минимум гигиены, необходимый для поддержания моего здоровья, и потому буду добиваться этого минимума всеми доступными мне средствами.

И. Арманд.

20 мая 1905 г.» (ГИАМО, ф. 131, оп. 69, ед. хр. 477, л. 186).

Довольно решительный тон, не правда ли?! Нельзя не обратить внимания также и на отсутствие каких-либо обращений, титулований и прочего «оформления», принятого в переписке заключенных с начальством. Куда там! «Буду добиваться!» — и никаких обиняков. Суть же этого категорического требования вернее всего заключается в том, чтобы хоть на прогулке общаться с другими политическими заключенными. Инесса стремится быть рядом с товарищами.

Через неделю последовал ответ — 27 мая прокурор наложил на заявление И. Арманд резолюцию: «Отказать, ввиду того что требование арестованной противоречит тюремным порядкам».

К счастью, надобность в прогулках по тюремному двору вскоре отпала. 3 июня 1905 года Инессу освободили из-под стражи, отдав под особый надзор полиции. Объяснялось это просто: не хватило улик. Но дознание все еще продолжалось: охранка не хотела отказаться от сфабрикованного ею обвинения. Лишь 29 октября, после лживого «высочайшего» манифеста, когда царские власти во имя спасения самодержавного строя временно пошли на уступки обществу, лишь после этого было наконец прекращено дело.

...Тяжкий млат, дробя стекло, кует булат. После первой «отсидки» Инесса, выйдя на волю, с новой энергией принялась за революционную работу.

Это был малоприметный, кропотливый, изнуряющий труд низового партийного организатора. Ни малейшего праздника: ни митинговых речей, ни эффектных приключений, ни ярких дискуссий. Завязывание связей. Инструктирование. Подбор людей — тщательно, не торопясь, по одному. Расстановка пропагандистских сил. Руководство рабочими кружками. Встречи, явки, беседы. И все это в условиях строгой конспирации, когда приходится ежечасно уходить из-под гласного и негласного надзора полиции, водить за нос шпиков и филеров.

«Я много работаю,— писала она в тот период Владимиру Арманду,— так, что подчас остаюсь совсем без ног; особенно много пришлось бегать на прошлой неделе... до сих пор не могу еще вполне отдышаться».

Изменения отразились и на внешности Инессы: лоск постепенно сходит. Не следует, однако, думать, что она старается умышленно опроститься, что это своего рода камуфляж. Конечно же нет. Всякая поза, рисовка — и тогда, и в любой другой период ее жизни — абсолютно чужды ей. Перемены происходят естественно: просто недосуг заботиться о платье, голова занята не тем.

Нетрудно представить себе, как по тем улицам, по которым еще недавно, три-четыре года назад, Инесса проезжала в коляске, теперь она спешит-торопится «по образу пешего хождения». Инесса похудела, побледнела — но вовсе не подурнела. Горят глаза, она оживлена, одухотворена. Она счастлива потому, что нашла себя. Нашла себя в революции.

Летом 1906 года Инесса Арманд — пропагандист в Лефортовском районе. С Арбата каждодневно вышагивает версты и версты — в Анненгофскую рощу, в Измайловский зверинец (лес за Семеновской заставой), за Яузу — на дальнюю окраину Москвы. Она организует кружки, выявляет и готовит для них руководителей, оказывает методическую помощь, занята составлением программ.

Она общается не только с учащейся молодежью — пропагандистами. Ее видят в каморках рабочих, в фаб-

ричных спальнях-общежитиях. В районе полно мелких и мельчайших фабричонок, мастерских. Кондитеры, пекари, текстильщики тут особенно угнетены и отсталы, многие неграмотны, забиты. Инесса умело находит ключи и к сердцам этих людей, задавленных нуждой и безудержной эксплуатацией.

Вспоминает Елена Власова (партийная кличка Варвара Михайловна). Она была парторганизатором района и постоянно сталкивалась с Инессой, наблюдала ее в деле. Вот свидетельство Е. Власовой, особенно ценное потому, что оно почти единственное, относящееся к тому периоду:

«Тов. Инесса вела пропаганду со свойственной ей настойчивостью. Она находила достаточно простых слов, чтобы самые серьезные наши разногласия с меньшевиками сделать популярными и доступными полуграмотной аудитории. Помню, как сейчас, тихий и вкрадчивый голос Инессы во время ее бесед и так сосредоточенно слушающих ее рабочих... После таких собраний и слушатели, и она уходили в бодром, приподнятом настроении» (сб. «Памяти Инессы Арманд». М., 1926, стр. 70).

Позволю себе внести некоторый корректив в процитированный сейчас текст. Думается, что Е. Власова неправомерно употребила здесь слово «вкрадчивый». Оттенок ведь у этого слова вполне определенный: вкрадчивый значит умеющий возбудить доверие хитростью либо лестью. Совсем непохоже на Инессу!

Простота, искренность, предельная убежденность — только этим она влияла. Зажигала, завораживала. И тогда, и потом.

Лишь этим можно объяснить, почему Инессе в 1917 году удалось повести за собой делегатов крестьянского съезда — бородатых мужиков, распропагандированных эсерами. Или еще позже, в трудные революционные годы, когда, выступая на митингах, тихим своим голосом овладевала вниманием любой, даже самой разбушевавшейся, аудитории.

Интересно еще одно свидетельство Е. Власовой:

«Изредка собирались пропагандисты на квартире у товарища Инессы (где-то возле Арбата) для разбора программ и методов занятий в кружках с рабочими. Что

поразило нас, молодежь, при первом посещении ее квартиры — это то, что тов. Инесса была матерью двух детей. (Тут налицо явная ошибка. Не двоих, а пятерых ребят родила и растила Инесса! — *П. П.*) Инесса так много и самоотверженно работала, что казалось невероятным, чтобы у нее могло быть что-либо личное».

Характерное замечание. Кстати сказать, к подобным выводам приходили и другие товарищи на различных этапах жизни и борьбы И. Ф. Арманд. Не верилось, что у такого борца, да еще при такой нагрузке, оставалось время для личной жизни, а тем более для воспитания детей. То, как Инесса Федоровна их воспитывала, достойно большого уважения. К ее материнскому подвигу (а это был действительно подвиг!) мы еще специально вернемся.

После Лефортовского — другой район, Железнодорожный. Перебазироваться вынуждена была потому, что слишком уж назойливой стала полицейская слежка: шпики прямо на пятки наступали... Железнодорожники — народ более подготовленный, нежели те, среди которых приходилось вести работу в Лефортове, но дел все прибавляется, да и времена становятся все тяжелей — усиливается реакция. Инесса с одной из товарок по партии снимает комнатенку где-то на Старо-Басманной улице: ближе к рабочим, да и спокойнее для семьи. По существу, она переходит на полулегальное положение.

Ведя партийную работу в московских районах, она не забывает про Пушкино. Пользуется малейшей возможностью, чтобы сеять там революционные семена. Ситуация создалась весьма острая — бунтарская «зараза» гнездится не где-нибудь, а в доме хозяина, против которого и бунтуют рабочие, на интересы которого они и покушаются. Есть от чего прийти в ужас полицейскому приставу!..

В Пушкине активно действует сплоченная революционная группа интеллигентов: врач Николай Николаевич Печкин, библиотекарь Александр Родд, фельдшерица В. А. Евтихина, младшие сыновья Арманда. При-

влечены и рабочие — братья Петр и Николай Булановы, Василий Милютин, Иван Киров, Михаил Завьялов и ряд других.

«Потом все это сгруппировалось, и получилась недурная местная ячейка, распространявшая свое влияние и на соседние фабричные районы». Эти слова принадлежат А. Шестакову (Никодиму), одному из руководителей Московского окружного комитета партии в 1905—1906 годах. Я выписал их из его статьи «Начало Московской «Окружки»» (см. сб. «Путь к Октябрю», вып. 2. М., 1923, стр. 75).

В другом выпуске сборника «Путь к Октябрю» — четвертом, изданном в 1925 году, напечатаны воспоминания братьев Булановых под заглавием «Дела давно минувших дней» (см. стр. 71—80).

Братья-большевики припоминают, что мысль создать в Пушкине нелегальный кружок фабричных рабочих исходила от Инессы Федоровны. Собирались на квартире доктора Печкина, устраивали массовки в лесу, печатали прокламации, разбрасывая их по ночам у колодцев, чтобы женщины, придя поутру за водой, разбирали листки и относили домой... От одного кружка отпочковались другие. «В 1906 году из всей организации были выделены наиболее способные, составившие пропагандистский кружок. Им руководила Инесса Федоровна, занимаясь преимущественно политической экономией в связи с текущей экономической политикой и рабочим движением» (стр. 76).

Отдыхать удавалось разве что только... в тюрьме.

В этом смысле весьма насыщенным был год 1907-й. Весна застает Инессу за решеткой. Как сообщает Н. К. Крупская, арестовали Инессу по делу военного союза; при обыске отобрали прокламации, нелегальную литературу. Не успели ее выпустить — дело еще не было закрыто,— как вновь затворились ворота тюрьмы. 7 июня 1907 года И. Ф. Арманд арестована вместе с товарищами из Железнодорожного районного комитета партии.

«Живется мне здесь недурно»,— пишет она Владимиру Арманду из лефортовского арестного дома. И фраза эта продиктована не только естественным жела-

нием успокоить близких — в ней отражается боевое настроение Инессы. Далее в письме рассказано, как протекают тюремные дни:

«Говорят, что осенью и зимой наши камеры очень сырые, но теперь это незаметно. Спим с открытыми окнами. Едим хорошо. У нас здесь коммуна, и мы все по очереди дежурим, т. е. сами готовим, стираем полотенца и т. д. Я один раз уже дежурила и, как ты понимаешь, очень волновалась за суп; он вышел довольно удачен, но только овощи были demi naturel (полусырые.— *П. П.*). Целый день очень занят, это лучше, так как он проходит скорей. Утром я читаю до 2-х; около трех у нас обед и чай, затем урок французского, затем мы гуляем полтора часа, затем ужин, после ужина еще два урока французского (последнее — конспирация)».

Время действительно уплотнено до предела. Инесса и сама учится, и других учит, так что унывать некогда.

А что же ее ожидает в ближайшем будущем? «После допроса ротмистр заявил, что освободит меня через два-три дня, и вот все сижу. Ну, черт с ними!» Это очень характерно для Инессы: личные интересы на втором плане. И, отмахнувшись от собственной судьбы, она тут же, с той же строки письма, переходит к поручению:

«Володя, вот какая у меня к тебе просьба: зайди туда, где я квартировала в течение июня (ты понимаешь?), там спроси «Иду» (ее лучше всего застать около пяти часов) и попроси ее от моего имени попросить мой паспорт у хозяйки».

Судя по всему, поручение это связано с недавним нелегальным положением Инессы — паспорт надо забрать, чтобы не дать жандармам лишний козырь в руки...

Ротмистр, который обещал, что Инесса Федоровна будет через два-три дня на свободе, разумеется, соврал. Товарки по камере одна за другой выходили на волю, а Инессино тюремное сидение все затягивалось. Лишь 30 сентября 1907 года внесена была ясность. Министр внутренних дел соизволил подписать постановление: высылается в дальние уезды Архангельской губернии под гласный надзор полиции. Срок — два года.

Инессе предстояло, таким образом, пройти обучение еще в одном «университете».

МЕЗЕНЬ, ГОРОДИШКО УЕЗДНЫЙ, ПЛОХОНЬКИЙ

На Ярославском вокзале в Москве Инессу ждала нечаянная радость. Узнав не без труда, когда отправляют ссыльных, на перроне собрались ее родные и близкие друзья. Вот и дети. Милые вы мои, как невыносимо тяжело разлучаться с вами! И как вытянулись вы за эти месяцы, подросли. Растите, дорогие, и помните: сердце матери всегда с вами.

Возле ребят — их отец, Александр Евгеньевич. Добрая улыбка освещает его лицо; чуть смущаясь, он протягивает «государственной преступнице» букет живых цветов. Спасибо тебе, Саша! Спасибо за хлопоты и заботы, за все! Береги детей — на тебя вся надежда. А цветы я постараюсь сохранить в память обо всех вас, близких.

В Архангельске Инессе пришлось преодолеть еще одно испытание. По каким-то соображениям (а быть может, и по секретным предписаниям) поместили ее не в пересыльную тюрьму, как следовало бы, а в тюремный замок, в одиночку.

«Притом такой одиночки я еще не видывала,— вспоминала Инесса Федоровна в письме, посланном из Мезени в конце года Александру Евгеньевичу.— Только две одиночные камеры для политических, остальные все уголовные. В другой камере сидела политическая уже девять месяцев, и милый режим так подействовал на нее, что нервы ее совершенно расшатались. У нее были галлюцинации, ей все казалось, что она видит какие-то лица причем она часто стонала, кричала — жаль ее было ужасно. Она совсем молодая девочка, лет 18-ти. В этом милом склепе я пробыла две недели».

И наконец, еще после пяти дней тряски на ямщицких лошадях по выбоинам разбитого тракта, Инесса вместе с сопровождающими ее стражниками прибывает в Мезень.

Уездный городишко раскинулся на низком побережье Мезенской губы, у Белого моря. Деревянное здесь царство, дома, церкви, тротуары — все из дерева, повсюду пахнет свежей стружкой и щепой. Лесопильные заводы братьев Ружниковых и Русанова — такова местная про-

мышленность, десятка два пильщиков — такова рабочая прослойка. На широкой улице, пощипывая чахлый мох, бродят низкорослые олени. Изредка покажется бородатый зырянин — лесоруб либо охотник, приехавший за припасами, да пройдет не спеша с ведрами на коромысле статная поморка. Жителей в городке около двух с половиной тысяч; сливки общества — учителя четырехклассного городского училища, уездные чиновники, лекари и повивальная бабка, два-три оборотистых купчины да поп с причтом...

Глушь изрядная, что и толковать. Недолгим летом окрестную тишину лишь изредка будит хриплый гудок «Берты» — старого пыхтящего пароходика, совершающего рейсы по Мезени-реке. Зимой дома и улицы тонут в снежных сугробах, белесые северные ночи сменяются круглосуточной полярной темью. Только радужные лучи северного сияния время от времени, словно прожектором, озаряют тусклый небосклон.

Известно — в более или менее сносные места революционеров не высылали. На то и ссылка. Но Мезень из-за скверного климата снискала особенно плохую репутацию. Окружающая городок болотистая тундра, резкие переходы погоды, влажный ветер несли с собой лихорадку.

Не миновала болезнь и Инессу. Новенькой политической ссыльной пришлось, однако, по приезде повоевать не только с лихой хворью, но и с ретивым начальством. Исправнику, видите ли, показалось недостаточным поселить И. Ф. Арманд в Мезени, местопребыванием ей он определил деревню Койда. Пусть едет еще на сотню верст дальше к северу, к самому морю.

В Койде свирепствует «дурная болезнь»; в Койде часто не бывает даже хлеба, а почта, та и вовсе туда не доходит; в Койде нет ни одного политического — в этих условиях отправка туда Инессы равносильна физическому уничтожению. Но не на таковскую напали! Схватка с властями закончилась победой Инессы Федоровны: она остается в Мезени.

Владимир Евгеньевич Арманд последовал за Инессой в ссылку. Добровольно обрек себя на изгнание, чтобы не расставаться с близким человеком.

Жизнь понемногу входит в колею. Снята квартира, состоящая, как тут принято, из большой кухни с русской печью и маленькой горницы. Но хотя изба бревенчатая, сложена она плохо и еще хуже проконопачена, по ней гуляет ветер... Вскоре по прибытии в Мезень Инесса Федоровна писала старшим детям:

«Сегодня очень сильный мороз, а так как мы вчера по неопытности не протопили печь во второй раз, то у нас вода замерзла в кадке, и вообще в кухне был такой мороз, что руки стыли — так, что, когда я мела и кофе варила, то все охала и метала шпильками в Володю, который обер-истопник. Он теперь здорово научился топить и самовар ставить. Собственно говоря, ставить самовар должна бы я, но я ведь известная лентяйка, встаю позже, и потому, пока соберусь, всегда оказывается, что уж самовар почти готов» (письмо из семейного архива).

Если сделать необходимую скидку на то, что адресовано это письмо детям, которых мать, естественно, никак не хочет огорчить, если отбросить вызванный этим юмористический налет, то быт мезенских новоселов предстанет перед нами довольно рельефно.

Вот еще одна картинка ссыльного быта, тоже, так сказать, в «издании для юношества» — из письма к дочери Инне:

«Мы здоровы. Я много вожусь с хозяйством, и к тому же у меня два урока, так что часов до четырех я обыкновенно занята. Вечером или читаем вместе с дядей Володей, или идем куда-нибудь в гости, или просто так себе сидим да беседуем. Часто бывают гости и у нас. Так как у нас всего 3 стула и одна скамейка, то когда много гостей, а их иногда бывает больше пятнадцати человек, то негде садиться и приходится сидеть «там, где стоишь». Но это ничему не мешает, и время проводим хорошо вместе» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 23, л. 1, 2).

Гости, с которыми так хорошо вместе,— это политические ссыльные. Их к тому времени собралось в Мезени до сотни. Надо ли удивляться, что изба Армандов очень быстро становится как бы духовным центром колонии политических.

Но не сразу. На первых порах Инесса решила было не участвовать в идейных спорах ссыльных и не погружаться в глубины их быта. Об этом свидетельствует

открытка, посланная из Мезени в Москву, друзьям А. Я. и В. М. Аскнази:

«Мезень — плохонький городишко, но все же лучше, чем я ожидала. Люди живут не в юртах, а в очень порядочных избах. (Видать, в тюрьме и на этапах одолели Инессу россказни о юртах, в которых ей придется поселиться. Приятное разочарование, вызванное встречей с обычными избами, мы находим в нескольких ее письмах из ссылки, адресованных родным и друзьям.— *П. П.*) Книг довольно мало — все же есть и даже газеты, чего я уже совсем не ожидала. Социал-демократов здесь мало, больше эсеров и много неопределившейся публики. В общем ссыльных здесь около ста человек — есть симпатичные. В общем публика очень скучает и, как всюду, нередко ругается и ссорится. Я надеюсь остаться в стороне от этих неурядиц, так как сейчас устала и всего этого не хочется» (фонд Музея революции СССР, № 33308/1).

Разумеется, остаться в стороне она не смогла, да и не в характере это Инессы.

В письмах Александру Евгеньевичу Арманду и пушкинскому другу Александру Николаевичу Родду, сохранившихся в семейном архиве, можно обнаружить отзвуки деятельности Инессы.

Она устраивает совместные чтения («читаем «Историю общественных течений» Каутского»), занимается с товарищами, в ее голове возникают всевозможные организационные и пропагандистско-педагогические идеи.

«Одно время поговаривали,— пишет она 14 января 1908 года, то есть менее чем через два месяца после появления в Мезени,— о том, что меня (и некоторых других) вышлют из Мезени в деревню, из-за 9-го января, которое мы поминали в колонии. Пока что эти слухи не подтверждаются, не знаю, что будет дальше. Вообще здесь, конечно, непрочно — ну, в деревню, так в деревню».

Поминали жертвы Девятого января! К сожалению, так и остались неизвестными подробности. Собрание ли провели ссыльные или, быть может, шествие? Но ясно, что в любой форме то была революционная, противопра-

вительственная акция. Представляю, как разволновались мезенские власти предержащие. Но дело, очевидно, замяли.

Арманд остается в Мезени и с каждым днем все больше втягивается в работу.

Нельзя, впрочем, не обратить внимания на одну особенность Инессы: она всегда склонна к самоанализу и настроена самокритично, во всяком случае никогда не переоценивает своей роли.

В начале осени 1908 года московские корреспонденты И. Ф. Арманд супруги А. и В. Аскнази получили из далекой Мезени подробное письмо. Вступление минорное. Инесса сетует на распутицу, которая на долгих шесть недель совершенно оторвала ссылку от остального мира, жалуется на лихорадку, которая ее опять треплет. Отсюда и хмурое настроение: печально наблюдает она, как люди в ссылке хиреют, словно растения без влаги. Мускулы перестают работать, мозг отучается интенсивно мыслить; товарищи, приезжая бодрыми, полными сил, быстро увядают.

Далее следует признание: «Тяжело констатировать тот же процесс и в самой себе». И тотчас же — оговорка: «Конечно, чем энергичнее, сознательнее и деятельнее человек, тем дольше он держится — и наоборот».

Как бы в подтверждение этой истины буквально через три строчки читаем (куда только девался унылый тон? Перед нами прежняя Инесса, неугомонная, энергичная):

«Создали здесь организацию социал-демократическую. Сейчас же эсеры последовали нашему примеру. Устраиваем рефераты, кружки, теперь хотим устраивать дискуссионные собрания с с.-р., хотя их силы здесь настолько слабы, что не знаю, насколько такие дискуссионные собрания будут продуктивны. Хотим также издавать листок с.-д. — это было бы самое лучшее для нашей публики, так как ведь теперь собрания приходится устраивать под сурдинку, благодаря реакции. Если у вас будет время, напишите что-нибудь для нашего листка и пришлите мне — наш листок будет носить самый популярный характер, это будет скорее почти вроде пропагандистских листов, так как нам хочется приспособить его к беспартийной публике, которой здесь очень, очень много. Ссыльных здесь около 300, и — боже мой, какая

теперь разношерстная публика попадает в ссылку!» (фонд Музея революции СССР, № 33308/2).

С изданием листовок ничего, конечно, не получилось; трудно было рассчитывать на какую бы то ни было издательскую деятельность в условиях мезенского бытия, пускай самую малую. И все-таки заслуживает уважения тяга Инессы к печатной пропаганде (в данном случае — к пропаганде письменной!). Вера в силу правдивого печатного слова свойственна ей на самых различных этапах жизни и деятельности. Всегда, когда только представляется малейшая возможность, берется Инесса за создание газеты, журнала, листков.

Среди фотографий, сохранившихся у дочери, Инны Александровны, имеются два неказистых любительских снимка — две группы: Инесса и ее товарищи по мезенской ссылке. Один раз снимались на крыльце бревенчатого северного дома, другой — на лугу, примостившись вокруг какого-то поваленного суковатого дерева. Инесса — единственная женщина в группе. Ее окружают бородатые и безбородые друзья-товарищи в картузах и поярковых шляпах. А она с непокрытой головой, тугие косы лежат на плечах, платье темное, только маленький белый воротничок оттеняет лицо. Изменилась? Чего уж тут удивляться — тюрьма, ссылка не красят.

Инесса Федоровна была еще где-то на пути в ссылку — на этапе или в архангельской одиночке, когда в Пушкине разыгрались драматические события. О них она впервые узнала уже в Мезени, раскрыв московскую газету «Час». Хроникальная заметка, помещенная под рубрикой «Московская жизнь» в номере от 24 ноября 1907 года, сообщала:

«Вчера по Московско-Ярославской жел. дор. привезли под усиленным конвоем из Пушкина арестованных 19 молодых мужчин и 4 женщин, задержанных за агитаторство среди рабочих».

Сердце Инессы тревожно сжалось: что там произошло? Что кроется за глухими газетными строчками?

А произошло следующее: в день суда над социал-демократической фракцией II Государственной думы, 22 ноября 1907 года, в Пушкине была объявлена однодневная политическая забастовка. С утра побросали ра-

боту красильщики фабрики Армандов, поднятые участниками революционных кружков. От красильной фабрики двинулись к ткацкой, а потом все скопом с красными флагами и пением революционных песен направились на соседнюю фабрику Дюпюи. Казаки и стражники напали на демонстрантов: топтали лошадьми, избивали нагайками. Потом аресты — о них-то и узнала Инесса из газеты «Час».

Как она волновалась в своей далекой Мезени! Как остро чувствовала свою оторванность, как страстно желала — и не могла — помочь! А ведь среди пушкинских арестованных были все ее близкие: любимые ученики-рабочие, соратники-подпольщики, и молодые Арманды, и милый друг Саша, Александр Евгеньевич,— защитник бунтарей, потатчик возмутителей порядка...

Многие письма Инессы Федоровны полны тревоги за участь родных пушкинцев, содержат советы, проникнуты стремлением подбодрить.

Возьмем (из пачки, хранящейся в семейном архиве) лишь одно письмо. 1 февраля 1908 года Инесса спрашивает А. Н. Родда:

«Ну, как вы себя чувствуете? Как чувствует себя ваша мать? Она, верно, очень, очень взволновалась вашим арестом — ведь она так любит вас и без вас будет чувствовать себя так одиноко. Ну, надо думать, что вас скоро освободят, мы с нетерпением ждем известия об этом. Так хочется узнать, что вы снова на свободе».

Полны глубокого смысла последние строки письма:

«Новоприбывшие (в ссылку.— *П. П.*) иногда приносят свежие бодрящие известия, которые вполне дают нам понять, что под пеплом все еще горит, может быть даже все более разгорается огонь и что этот, правда неяркий, огонь все распространяется вширь. Сюда тянется бесконечная вереница крестьян — вот от них-то и получаешь утешительные известия. Итак, терпение и бодрость! После блестящей, интересной деятельности перейдем к мелкой, серенькой, кротовой работе — большой вопрос, какая из них окажется плодотворнее».

Обратите внимание на то, откуда были посланы и, главное, когда написаны эти пророческие строчки. Из суровой северной ссылки. Зимой 1908 года, в пору тяжкого безвременья. В годы реакции, когда слабые духом сжигали то, чему недавно поклонялись, отходили от

революции, а подчас и предавали ее. Да, многих «укатали крутые горки». Но только не Инессу.

Она готова к борьбе, к любой работе на благо революции.

После разгрома пушкинского революционного гнезда Александру Евгеньевичу полиция «рекомендовала» выехать за границу. Он отправляется на север Франции, где будет изучать красильное дело в Высшей школе прикладных искусств.

За границу, в Швейцарию, едет и Владимир Евгеньевич, оставивший Мезень по болезни. У Володи туберкулез.

Инесса жаждет деятельности. Пробыв в ссылке лишь год, она начинает готовить побег.

Обстоятельства ее бегства из Мезени, к сожалению, остаются невыясненными. Известно лишь, что скрылась она в ноябре; месяц этот в условиях архангельского севера уже зимний, но ни затяжная осенняя распутица, ни первые снежные бураны не остановили и не испугали Инессу. Побег был удачным.

НАКАНУНЕ

Опять Москва. Беглянка счастлива. В одном из писем она признается, что после северного безмолвия все, все радует ее: и шум большого города, и уличная толпа, и даже извозчичьи клячи...

У Инессы множество наметок: после недолгого отдыха надо восстанавливать старые связи, а потом... Но все планы нарушает тревожное известие из Швейцарии: Володе плохо.

Быстрые сборы, хлопоты, экстренный отъезд — и, не отдохнув еще, не отдышавшись после побега из Мезени, Инесса оказывается в эмиграции.

Пусть она сама расскажет о том, как это случилось, и о том, что ожидало ее в Швейцарии:

«Вы, может быть, знаете, что я теперь вот уже три — почти четыре месяца за границей — так писала И. Ф. Арманд своим друзьям, супругам Аскнази.— Мне пришлось уехать потому, что Владимиру внезапно стало хуже. Мне, к счастью, удалось очень быстро обставить свой

отъезд. Уезжая, я, конечно, и не подозревала, что ему так худо, и думала, что предстоит лишь небольшая операция — вскрытие нарыва. Но ему внезапно, неожиданно даже для самих врачей, сделалось много хуже, и через две недели после моего приезда он умер» (фонд Музея революции СССР, № 33308/3).

Последующие строки скупы, они могут показаться даже какими-то обесцвеченными, но сколько в них заключено неизбывного горя:

«Для меня его смерть — непоправимая потеря, так как с ним было связано все мое личное счастье, а без личного счастья человеку прожить очень трудно».

В то же приблизительно время, когда писались эти горькие строчки, Инессу повстречала в Париже давнишняя ее знакомка, подруга по тюремной камере — Елена Власова. И вспоминала потом, как поразил ее вид Инессы: бледность, худоба, печаль в глазах...

Жизнь нанесла Инессе страшный удар. Привела в отчаяние, расшатала здоровье. Но не сломила.

Читаем дальше все то же письмо:

«Так как я для работы сейчас совсем не гожусь — ведь для нее нужна бодрость и энергия, в особенности теперь,— а у меня ничего этого нет, то торчу здесь. До пасхи сидела в одном маленьком французском городке, теперь переехала в Париж — хочу попытаться здесь позаняться. Хочу познакомиться с Французской социалистической партией; если я сумею, смогу все это сделать, то наберу хоть немного опыта и знаний для будущей работы. Надеюсь, что смогу заниматься».

Преодолев тяжелейшее личное горе, она нашла в себе силы, чтобы засесть за систематическую учебу.

Инесса Федоровна берется за дело всерьез, со всей свойственной ей энергией.

Осень 1909 года застает Инессу Арманд в Брюсселе. Город тихий; обстановка здесь более, чем в кипящем Париже, располагает к занятиям. Она посещает университет, изучает социальные и экономические науки. Человек, поставивший перед собой жизненной целью революционное преобразование мира, должен познать законы общественного развития, изучить политэкономию и историю.

...Перед нами официальный документ, карточка регистрации населения в бельгийской провинции Брабант, отпечатанная типографским способом на французском и фламандском языках. В ответ на вопросы от руки вписаны данные об Инессе-Елизавете Арманд. Профессия — студентка. Адрес — ул. Жан Волдер, 32. Дата записи — 27.X 1909 года (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1, 2).

В той же архивной папке следующий по порядку лист — это диплом, выданный Новым университетом в Брюсселе мадам Инессе Арманд. На листе — какие-то затейливые виньетки, несколько печатей и множество подписей, принадлежащих деканам, профессорам, секретарям. Все они свидетельствуют, что мадам Арманд, с отличием выдержав экзамены, удостоена ученой степени лиценциата экономических наук [1].

Курс был пройден, экзамены сданы, и диплом получен на протяжении всего одного только года. Но то были двенадцать месяцев напряженных занятий, пятьдесят две недели самозабвенной учебы.

Так Инесса, человек сильной воли, лечила свое горе.

Правомерно ли, однако, называть Инессу человеком сильной воли?

Читатель уже, конечно, привык к тому, что на всем протяжении этой книги, когда только появляется возможность, я предоставляю слово самой Инессе Арманд; широко пользуюсь ее перепиской, высказываниями, документами. Делаю я это намеренно — ну кто лучше моей героини сумеет ответить на вопрос, поставленный выше?

Теперь, после необходимого авторского отступления, слово предоставляется Инессе Федоровне. Несколько лет спустя, уже во время войны, она вела в письмах из Швейцарии задушевный разговор со старшей дочерью, Инной. И признавалась:

«...Скажу про себя — скажу прямо — жизнь и многие жизненные передряги, которые пришлось пережить, мне доказали, что я сильная, и доказали это много раз, и я это знаю. Но, знаешь, что мне часто говорили, да и

[1] Степень эта — нечто среднее между принятыми у нас учеными степенями кандидата и доктора наук.

до сих пор еще говорят? «Когда мы с вами познакомились, вы нам казались такой мягкой, хрупкой и слабой, а вы, оказывается, железная». Да, совершенно внешние и поверхностные впечатления посторонних не имеют никакой цены, и неужели на самом деле каждый сильный человек должен быть непременно жандармом, лишенным всякой мягкости и женственности — по-моему, это «ни откуда не вытекает» — выражение одного моего хорошего знакомого. Наоборот, в женственности и мягкости есть обаяние, которое тоже сила» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 25, л. 38).

Чуть дальше в письме содержатся интересные рассуждения о воспитании силы воли: ее, как и мускулы, следует развивать постоянными упражнениями. А самое силу воли Инесса условно делит на пассивную и деятельную. Первая — когда человек может, к примеру, заставить себя молчать или заставить себя учиться. Но одного этого мало. Надо не только уметь промолчать, но и уметь говорить, не только уметь сдержаться, но и уметь действовать, не только уметь переносить страдания, но и уметь возмущаться и бороться.

Инесса безусловно обладала такой волей.

Не хотелось бы, чтобы у читателя создалось впечатление, что занятиям Инесса отвела один только год. И что в тот год она отошла, отказалась от борьбы. Нет. Училась Инесса непрерывно. И до Брюсселя — в Москве, в ссылке, везде. Это обстоятельство, кстати говоря, помогло ей в короткий срок осилить обширный университетский курс. После Брюсселя, в Париже училась в Сорбонне; в Швейцарии была постоянным посетителем лекций, завсегдатаем читальных залов и библиотек; в Москве выкраивала драгоценные часы, чтобы позаниматься в Румянцевской библиотеке. И читала, читала — без отдыха и срока.

Трудно удержаться, чтобы не подкрепить эти мои утверждения примерами. Два — из огромного множества — приведу.

К лету 1909 года относится, по-видимому, письмо Инессы московским друзьям — супругам Аскнази, на три четверти посвященное вопросам воспитания. Здесь не место излагать педагогические взгляды Инессы,

важно отметить широту кругозора и степень подготовки:

«Я этими вопросами (педагогикой.— *П. П.*) в свое время интересовалась, но только по ним «почитывала» и вы, вероятно, уже читали все то, что читала я, т. е. Спенсера, Гюйо, Толстого, и, кроме того, некоторые книги по психологии — книгу Payot «Воспитание воли», книгу Рибо «Болезни внимания» и т. д. Специалисты по этим вопросам советовали мне читать Гефдинга и James'a, но до них я не добралась. Я посещала тоже педагогическое общество. Не знаю, существует ли оно теперь» (фонд Музея революции СССР, № 33308/7).

Педагогика и психология, как известно, лежат в стороне от главных интересов Инессы Федоровны. Тем не менее, когда речь зашла об этих вопросах, выяснилось, что она читала труды многих серьезных и известных в ту эпоху авторов.

Другой пример. Сохранились черновые выписки из сочинений английских политических деятелей о роли Англии в войне. Высказывания Джозефа Чемберлена, Сесиля Родса и других, выписанные Инессой из книг на английском языке. Заготовки для какой-то работы. В архивном деле они отнесены к 1912 году, правда со знаком вопроса. Но суть не в дате — для нас важно обратить внимание на широту интересов, которыми жила Инесса Арманд.

На обороте одного из листков — беглые пометки:

«М. Энджель. Нем[ецкий] импер[иализм] (книжка о пациф[изме]).

Багд[адской] дороге прибавить ссылку на книжку «Diplomatische Krieg»» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 13).

В каждой торопливой записи видна упорная работа над книгой.

Даже в тот, брюссельский, период Инесса не превратилась в затворницу. Внимательно изучает западноевропейское рабочее движение. Наездом бывает в Париже. Втягивается в революционную работу.

К концу брюссельского периода, к лету 1910 года, она энергично включается в партийную жизнь. Тому свиде-

тельство — письмо, адресованное в Париж Д. М. Котляренко, который ведал тогда партийными финансами и «техникой». Инесса просит прислать денег для переотправки газет (что делалось по поручению партии), сообщает, что ей «пришлось даже занять — так как в собственных финансах был кризис». Далее в письме содержится тщательный (до сантима) отчет в израсходовании партийных средств. И высказывается желание попасть на международный социалистический конгресс в Копенгагене (ЦПА ИМЛ, ф. 18, оп. 43, ед. хр. 36113).

Побывала ли Инесса на Копенгагенском конгрессе? По-видимому, да. Во всяком случае ее просьба была услышана Лениным.

В XIII Ленинском сборнике можно прочитать следующую записку, адресованную большевику М. Кобецкому: «Прилагаю две карты — все, что я добыл. Впишите имя Инессы.

Жму руку. Ленин».

«Карты» — пригласительные, гостевые билеты на международный социалистический конгресс. Вот еще когда, оказывается, Владимир Ильич решил включить Инессу в активную международную работу партии. Разве стал бы он иначе отдавать ей один из двух с трудом добытых, гостевых билетов?..

ЗАГАДКА! НЕТ, ПОДВИГ

Эта глава посвящается теме «Мать и дети». Прервав более или менее последовательное изложение событий, я хочу рассказать здесь о взаимоотношениях Инессы с детьми, о ней как о матери. Мне представляется, что это имеет существенное значение для характеристики замечательной революционерки.

Если вы помните, московские подпольщики в первый период ее революционного бытия удивлялись, узнав, что у товарища Инессы — дети. Да не один-два, а пятеро. И после — в Париже, в Берне — товарищи по революционной работе бывали искренне поражены, когда впервые выясняли, что Инесса — многодетная мать. Отзвуки этого проникли и в некоторые воспоминания. Как-то не вписывалось это на первый взгляд в ее образ профессио-

нального революционера, всего себя, без остатка, отдающего борьбе.

Между тем она была действительно хорошей матерью. Разве не свидетельствует об этом совсем маленькое письмецо из тюрьмы (на нем штамп санкт-петербургского дома предварительного заключения — печально знаменитой «предварилки» и гриф: «Просмотрено Товарищем Прокурора»). Находясь в одиночке, Инесса после долгого молчания смогла наконец дать о себе весточку в Москву, Александру Евгеньевичу. Написала всего-навсего пятнадцать строчек, и чуть ли не половину из них — о ребятах.

«Напиши мне, пожалуйста, о детях,— просит Инесса Федоровна.— Начала ли Варя учиться и с кем? Начал ли Андрюша? Мне бы хотелось, чтобы они также не забывали французского языка — было бы жаль. По-русски и арифметике Андрюша мог бы заниматься с Н. Вл.— если, конечно, последний согласен возиться с таким маленьким ребенком. Мне кажется, это было бы очень хорошо» (письмо из семейного архива).

Видя ребят урывками, волей обстоятельств отрываясь от них на месяцы и годы, подвергаясь опасностям и претерпевая всяческие трудности, странствуя по белу свету, Инесса Федоровна ухитрялась воспитывать своих детей. Не только любить и, как положено, баловать, а систематически следить за воспитанием. Направлять его, способствуя формированию детских характеров, взглядов, чувств. И делала это умело, тактично, но твердо.

Тут сразу надо отдать должное Александру Евгеньевичу: он всегда и всячески шел навстречу Инессе в этом благородном деле. Он понимал, что отрыв от детей есть величайшая личная трагедия матери. Он сознавал также и то, что влияние матери благотворно сказывается на детях, а зная это, укреплял ее влияние.

Взглянем теперь на фотографию (это стало уже привычным в нашем повествовании и помогает, думается, проникновению во внутренний мир героини). Групповой снимок, сделанный как раз в Брюсселе в 1910 году. Инесса со всей пятеркой ребят.

Давно уже не доводилось им собираться вместе, и вот — радость! — все налицо. Саша и Федя — подростки

в полосатых пиджаках, в галстуках. Инна и Варя — с распущенными волосами, а в волосах — пышные банты. И Андрюша, младший, в нарядном костюмчике. А посреди этой группы — мама, умиротворенно-покойная, горделивая.

Но в глазах Инессы мне все же чудится грусть, словно думает она вот так: «Какое счастье, что мы наконец все вместе! Рядом со мной все они, мои родные, любимые, те, для кого надо жить. Но надолго ли это счастье? Пройдет несколько дней, быть может, недель — судьба опять разъединит нас. А пока, как тепло с вами, дети мои!..»

Лишь трое из тех, кто запечатлен на давнем том брюссельском снимке здравствуют и поныне. Инна Александровна — научный работник. Варвара Александровна — художница. Александр Александрович — крупный инженер-теплотехник. Люди солидного возраста, сами уже имеют внуков, они собрались нынче вечером, чтобы поговорить о матери. Просветлить соединенными усилиями некоторые потускневшие от времени детали. Перекрестно уточнить воспоминания.

Этот семейный разговор за чайным столом был нами задуман так, что не предусматривал журналистского блокнота, и я не нарушал беседу торопливыми записями. Однако, придя домой, постарался зафиксировать некоторые реплики. Приведу их здесь.

— Любила наряжать нас, ребят. Глаза светились радостью, когда покупала обновки, когда мы надевали что-нибудь красивое.

— Защищала ребят беззаветно. Никому не позволит обидеть.

— Была очень нетерпима к любой несправедливости. Всегда и всюду вступалась за обиженных. Теперь бы сказали: не проходила мимо. И нас к этому приучала.

— Наказывала очень редко. Еще реже повышала голос. Если сердилась, то умолкала, переставая разговаривать. Молчание мамы было страшнее любого наказания. Ее молчания мы боялись.

— Отец был добр, мягок, очень жалел и баловал ребят. Мать была более сурова, строга. Ее побаивались. Но

любили сильно. И перед ней преклонялись. Слово ее было законом.

Вспомнили, как во Франции во время всеобщей забастовки железнодорожников мать довольно прозрачно намекнула, что каждый человек, если он сознателен и принципиален, поделится с бастующими своими сбережениями. Сразу же, один за другим, дети разбили свои копилки, вытряхнув из них монеты, без остатка.

— Ну, в этом отношении мама всегда первой показывала пример. Без тени колебания делилась с товарищами. Даже последним. Даже тогда, когда самой бывало туго. А такие времена в эмиграции случались частенько.

Воспитание примером? Все трое вспомнили, какой непримиримой спорщицей была мать. Прямо-таки кипела, отстаивая свои взгляды. Нет, ее не переспорить, если она в чем-то убеждена. И спуску не давала примиренцам разных сортов. Их презирала особенно.

— Эта ее принципиальность, убежденность сильно влияла на детей. Мать всегда была для нас идеалом. Уже взрослыми мы не раз мысленно с ней советовались. Свои действия старались соразмерять с возможным ее мнением: а что бы сказала мама? А как бы она поступила?

— И разве в том, что четверо из нас, пятерых, стали коммунистами, разве в этом не сказалось идейное влияние мамы?!

Заканчивая беседу, пришли к общему резюме:

— Мама очень много занималась нашим воспитанием и просвещением. Ей это удавалось как-то незаметно...

«Незаметность» становится, однако, все более заметной, рельефной по мере чтения писем Инессы Федоровны к разным адресатам, в различные периоды. Дети неизменно занимают в ее жизни большое место, и никогда она не теряет их из поля зрения. Всех вместе и каждого в отдельности.

Читаю письмо из Мезени. Мать выспрашивает дочку Инну:

«Как ты занимаешься, какие берешь уроки? Учишься ли французскому и немецкому? Подвигается ли у тебя? Стала ли ты больше понимать по-французски? Напиши

мне обо всем этом подробнее — хочется все это хорошенько узнать. Какая у вас теперь погода? Много ли гуляешь? Ходишь ли на лыжах?..» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 23, л. 1).

В письме рассыпано множество вопросов, но за каждым из них без труда угадываются пожелания матери, ее настойчивые советы дочке.

В другом месте того же письма содержится яркий маленький рассказ об эволюции человека — от дикарства к цивилизации. Мать стремится пробудить в дочери интерес к прошлому, к истории.

А как красочно описывает она детям северную природу! Как умело и просто рассказывает младшему сынишке, Андрюше, про мезенских оленей и медведей.

Таких писем или таких мест в письмах, повторяю, много. Как правило, они не носят ярко выраженный назидательно-поучительный характер. Тем сильнее их педагогическое воздействие. А помните письмо из Швейцарии, рассуждения про воспитание воли? Про то, что надо не только уметь страдать, но и уметь возмущаться и бороться.

Дальше в письме эти мысли развиваются:

«Надо настаивать на своем. Но, конечно, я бы ничего не стала преувеличивать — надо всегда знать меру вещам, и если за принципиальное следует всегда бороться до конца, даже если бы это приводило к страданию или даже хуже, то в мелочах ни до каких крайностей доходить не стоит».

Такие советы матери, четко сформулированные и ярко выраженные, запоминаются на всю жизнь. Правда ведь?

Дорого стоит такая, совсем коротенькая, приписочка к одному из писем: «Была бы очень рада, если бы ты подискутировала со мной на затронутые темы». Да, разговор происходит на равных. Может быть, в этом-то и заключается один из главнейших педагогических секретов Инессы?

Практически невозможно не то что привести в выдержках, но даже попросту перечислить здесь темы и вопросы, затронутые в письмах Инессы детям. Их целый

кладезь. Попробую все же назвать несколько, вперемежку, малые и большие.

О пользе дневника. О том, как побороть застенчивость. О том, куда следует идти учиться. О любви и дружбе. Об откровенности и замкнутости. О музыке и природе. О занятиях спортом. О том, что такое точка зрения и что такое принципиальность...

Очень часто встречаются мысли о необходимости и полезности чтения, рекомендации прочитать ту или иную книжку, того или иного автора.

Литература сыграла огромную роль в жизни самой Инессы. (Нельзя не согласиться с Жаном Фревилем — французским писателем-коммунистом, автором книги об Инессе Арманд, вышедшей в Париже в 1957 году,— он подчеркивает влияние русской литературы на формирование ее характера. В молодые годы, пишет Фревиль, Некрасов и Достоевский, Толстой и Чернышевский помогали Инессе острее видеть окружающее, шире мыслить, делать точные выводы и обобщения.)

С течением времени литературные привязанности, естественно, менялись, круг чтения все ширился, но любовь к книге не утихала. И это свое пристрастие мать не уставала прививать детям.

В письме из мезенской ссылки (конец 1907 года), адресованном старшим сыновьям и дочери, есть такое шутливое место:

«Что кто читает? Вышло ли что-нибудь новое и интересное по беллетристике? Здесь совсем нет беллетристики, так что на ночь глядя совсем нечего читать, а я так люблю лечь этак вечером в постель, взять книжку и почитать — так уютно, тепло и интересно. Ну, а если в такое время взяться за серьезную книгу, то заснешь сейчас же.— Впрочем, умоляю вас, не следуйте моему примеру — ей-богу, плохой (впрочем, только в этом, во всем остальном, как известно, я совершенство)» (письмо из семейного архива).

Что же читать? Составлялись списки книг, которые она советовала непременно прочесть. Отнюдь не только детская литература, «Что делать?» Чернышевского, «Овод» Войнич, романы Диккенса, рассказы Джека Лондона, Горького значатся среди этих книг. По мере роста детей росли и списки.

Полистаем письма.

«А читала ли ты «Детство» Горького? — как бы невзначай спрашивает мать дочку.— Это замечательно художественно и интересно».

«Читала ли ты сказки Лагерлеф и ее рассказ «Ject Berling» (тоже вроде сказки). Очень красиво — если не читала, прочитай»,— советует она в другой раз.

«Скажи мне еще, что именно Белинского ты теперь читаешь?» — задает Инесса вопрос. А получив от дочери ответ, высказывает в очередном письме свое мнение: «Письмо Белинского, о котором ты мне пишешь, я знаю. Оно действительно очень интересно и в свое время имело большое общественное значение. Вообще Белинский удивительный человек!»

Кое-где в письмах Инессы Федоровны встречаются отголоски литературной злобы дня. Вот пример. «Читала ли ты,— опять выспрашивает она у дочери,— спор о «Бесах» (Достоевского) между Горьким и другими писателями? Помнишь, мы как-то говорили с тобой о «Бесах»?.. По-моему, этот спор Горького очень интересен». Проходит какое-то время, и разговор о «Бесах» возобновляется: «Пойдешь ли ты в Художественный театр? Ты мне тогда расскажи свои впечатления. Только не ходи на «Бесов», это слишком тяжелая вещь и очень действует на нервы, а во-вторых, ведь действительно свинство, что они эту вещь ставят».

В письмах очень часты литературные вкрапления; то это краткая фраза о пьесе Зудермана «Огни Иогановой ночи», то подробный разбор толстовской «Крейцеровой сонаты», то оценка творчества Мопассана, то вскользь брошенная реплика о чеховском «Иванове»...

Хочется привести еще одну выдержку из швейцарского письма дочери Инне: «Последнее время читала Глеба Успенского — деревенский дневник, власть земли[1] и пр. Между прочим, если ты это еще не читала, очень рекомендую твоему вниманию. По-моему, замечательно интересно. Конечно, многое из того, о чем он пишет, уже

[1] Здесь и далее в этом письме мы сохраняем транскрипцию подлинника. Произведения Г. Успенского названы И. Ф. Арманд по памяти, даны без кавычек и даже почему-то не с заглавных букв. Что же касается помянутого в письме рассказа «Варвара», столь понравившегося Инессе Федоровне, то имела в виду она, очевидно, главу под таким заголовком из рассказа Г. Успенского «Пришло на память».— *П. П.*

достояние прошлого, ио ведь прошлое тоже интересио и, правда ведь, помогает поиять иастоящее. Да, наконец, просто интересио. Мие особеино поиравились власть земли, крестьянский труд, овца без стада, перестала, из случайных встреч (это ие точиый заголовок, ио в этом роде — там, между прочим, рассказ «Варвара»). Ужасно иитересио! Вот бы вместе с тобой все это почитать!» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 25, л. 14, 15).

Бросается в глаза восторжеииое отношеиие к писателю, которое Инесса стремится передать дочери, и неприкрытая грусть: как жаль, что нельзя вместе с любимой дочкой иасладиться чтением любимой книжки!..

Закоичу эту главу также извлечеиием из письма Иинессы к дочери, правда, уже ие на литературиую — иа другую тему.

Дочь, по-видимому, спрашивала позволеиия взять к рождеству какое-то из маминых платьев. И вот что ответила мать:

«Пожалуйста, дорогая моя, никогда даже не спрашивай, можешь ли ты брать мои платья,— это само собой разумеется — они — все, которые годятся, принадлежат тебе и Варе, и каждый раз, как иужио, лезьте без всяких в суидук и берите, что нравится и нужно. Там было, между прочим, очень хорошеиькое вуалевое платье на шелковой лиловой подкладке — если его переделать, так из него выйдет что-нибудь красивое. Или если больше нравится красиое — бери красиое... Так естественно, в особеиности в твои годы, что хочется пофорсить! Знаешь, я часто мечтаю о том, как, если бы вы были со мной, я вас нарядила бы. Да и до сих пор, иа старости лет, люблю, когда на мне что-иибудь красивое. Видишь, как миого во мне еще легкомыслия. А вас обеих видеть красивыми доставляет мие большое удовольствие» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, ед. хр. 25, л. 54).

Прочитав сызиова только что окоичеииую главу, я утвердился во миеиии, что, озаглавив ее, не сделал ошибки. Загадка? Да, то, как ухитрялась Инесса серьезио и систематично заниматься своими детьми, для многих оставалось загадочиым. Разгадка же проста.

Ухитрялась, успевала потому, что любила их. Действенно, глубоко, сильно. Душевно, нежно. Но не только любила — сознавала ответственность за их будущее. Стремилась воспитать настоящих людей, борцов. Вот почему отношение Инессы к детям по праву можно назвать подвигом. Подвигом матери.

ПРОРОЧЕСТВО, КОТОРОЕ СКОРО СБУДЕТСЯ

Пророчески прозвучали заключительные фразы краткого надгробного слова. Тысячная толпа, благоговейно, горестно и спокойно внимавшая речам ораторов, невольно встрепенулась, услыхав это пророчество: близится к концу эпоха господства буржуазии; пролетариат, организованный и воспитанный в духе идей марксизма, свергнет власть буржуазии и установит коммунистический строй. Огромной силой, колоссальной верой были полны эти слова! А произнес их коренастый человек с такой обыкновенной рыжеватой бородкой и таким необыкновенно высоким лбом мыслителя — русский политический эмигрант Владимир Ульянов. Произнес их Ленин.

Дождливо-слякотная парижская зима. Мрачный денек выдался 3 декабря 1911 года. С утра моросит дождь, под ногами хлюпает вода. Погоде соответствует и настроение: народ Парижа провожает в последний путь Поля и Лауру Лафарг.

Дочь Карла Маркса и ее муж, выдающиеся деятели рабочего движения, покончили жизнь самоубийством Почувствовав наступление старости, поняв, что активными борцами быть уже не могут, они решили «покинуть пост». А «доживать», не борясь, не хотели... Их смерть волновала, вызывала споры. Их смерть глубоко огорчала всех, кому дороги интересы рабочего класса.

На кладбище Пер-Лашез, где были расстреляны штурмовавшие небо парижские коммунары, сегодня хоронили Лафаргов. Инесса пришла сюда вместе с Лениным и Крупской, с другими русскими товарищами — членами парижской большевистской группы.

Все внимают взволнованному реквиему речей. Вдохновенный Жорес, профессорски чинный Каутский, Вайан — ораторы сменяли один другого. Но вот от имени русской социал-демократии говорит Ленин. В минор

короткого и скорбного прощания врываются иные, патетические ноты. Выдающиеся революционеры ушли из жизни, но борьба продолжается, нарастает. И победа близка! Так пускай сильнее грянет буря!

Инесса готовила перевод речи Ленина на французский. Но только здесь, слушая знакомый голос Ильича, только сейчас со всей силой вдруг поняла: победа близка. Победа демократии, революции, социализма. Победа — вопреки всем изменам, шатаниям и колебаниям всех и всяческих оппортунистов. Поистине огромно, ни с чем не сравнимо счастье быть бойцом революционной армии пролетариата, чувствуя локоть товарищей, бороться за победу!

Инесса в полной мере ощутила это счастье.

С Лениным она познакомилась в 1909 году, в один из частных наездов из Брюсселя. Заочно знала его давно; штудировала его труды, восхищалась отточенной остротой его публицистики, разящей силой сарказма, логикой доказательств и блеском эрудиции. Шла вместе с Лениным уже долго, была убежденным ленинцем, а личное знакомство состоялось только теперь.

Где произошла первая встреча, первая беседа? В скромном парижском кафе, куда на диспуты и рефераты сходились русские социал-демократы — эмигранты. Или в русской библиотеке на улице Габлен. Или в партийной типографии на улице Д'Орлеан. Или в эмигрантской столовой, где можно пообедать по дешевке...

С тех пор, навсегда покоренная Лениным-вождем и Лениным-человеком, пронесла Инесса через все свои годы беспредельное уважение, любовь к нему, преклонение перед ним. С тех пор и до последнего смертного часа жизнь Инессы озарена лучами ленинской дружбы. Советом Ленина, наставлениями и поручениями Владимира Ильича, работой под его непосредственным руководством. И до последнего своего вздоха хранила она верность ленинским идеям.

К этому присоединяется полное взаимопонимание и поистине сердечная дружба с Надеждой Константиновной. «Светлело в доме, когда Инесса приходила» — так много позже вспоминала о том, парижском, периоде

Н. К. Крупская (см. сб. «Памяти Инессы Арманд», стр. 12).

Итак, осенью 1910 года Инесса переехала в Париж.

Если Брюссель позволительно сравнить с тихой, неторопливой речкой, то для французской столицы тех дней уместно сравнение с бурлящим, шумным и быстрым потоком. Здесь был центр идейной жизни русской революционной эмиграции.

Первый парижский адрес Инессы: улица Сен-Жак, 241. Скромная, по-студенчески обставленная квартирка. Да и быт весь по-студенчески неприхотлив.

Один из товарищей — Гр. Котов в таких выражениях обрисовал свою встречу с Инессой в Париже:

«Как сейчас вижу ее, выходящую от наших Ильичей. Ее темперамент мне тогда бросился в глаза... Казалось, жизни в этом человеке неисчерпаемый источник. Это был горящий костер революции, и красные перья в ее шляпе являлись как бы языками этого пламени» («Пролетарская революция», 1921, № 2, стр. 115).

Думается все же, что автор несколько переборщил, желая придать определенный колорит портрету, он применил слишком уж цветистые краски. Более точным, по-видимому, является свидетельство Людмилы Сталь — большевички, хорошего друга и соратника Инессы. Л. Сталь отмечает ее подлинно спартанский образ жизни и соответствующий этому внешний облик: «Пренебрежение к материальным условиям жизни, внимательное отношение к товарищам и готовность поделиться с ними последним куском были основной чертой ее характера» («Коммунистка», 1921, № 12—13).

Пользуясь пребыванием в Париже, Инесса расширяет свое университетское образование: посещает Сорбонну. Но в отличие от Брюсселя заниматься удается здесь лишь урывками. Сутки до предела заполнены нелегкой революционной работой.

Инесса сразу же стала одним из активных членов парижской группы большевиков. «Вместе с Семашко и Бритманом (Казаковым) она вошла в президиум группы и повела обширную переписку с другими заграничными группами»,— сообщает Н. К. Крупская в «Воспоминаниях о Ленине» (М., 1957, стр. 171, 172). И тут же добав-

ляет: «Она была очень горячей большевичкой и очень быстро около нее стала группироваться наша парижская публика».

Но в чем же причины того, что большевики — и тогда в Париже, и позже — группировались около Инессы? Когда я размышляю об этом, объяснение приходит довольно быстро: она была хорошим товарищем. Настоящим товарищем. А это очень много значило в трудном и весьма своеобразном эмигрантском быту. И она была чрезвычайно трудолюбива. А революционное дело кроме всего прочего требовало повседневной, утомительной (порой до изнурения), черновой работы.

Вот Надежда Константиновна — сама великий труделюб и непревзойденный мастер революционной переписки — отмечает, что Инесса вела обширную корреспонденцию с заграничными большевистскими группами. Не простое это дело. Сколько времени оно отнимало, сколько требовало сил и умения! Ведь письма тогда были в революционной практике чуть ли ни единственным и уж во всяком случае важным средством общения. Переписка заменяла и газету, и инструктивные совещания, и телефонные переговоры...

Писание писем — вечерняя нагрузка. Приходилось порой захватывать и изрядную толику ночи. Ну, а с утра и до вечера — то, что Инесса называла одним словом — беготня. Завязывание связей, встречи и явки, организационные и пропагандистские поручения, выступления на собраниях, секретарство на них да тысячи других различных, крупных и мелких, дел, из которых складывается день революционного борца.

Ко всему этому прибавлялась дополнительная работа, связанная со знанием французского языка. Французским она владела блестяще. Кому переводить на собрании? Инессе. Кому помочь «безъязыкому» товарищу? Ей, конечно. Кому читать специальную прессу, представительствовать на конференции, вести переговоры? Опять Инессе.

Владимир Ильич, живя мыслью в России, придавал в то же время особое значение установлению прочных связей с французскими социалистами, с французским рабочим движением. Инесса была занята и этим. Товарищи

отмечают ее умение подходить к любой аудитории, расположить к себе подчас и несговорчивых рабочих. И еще отмечают знавшие ее товарищи непримиримость по отношению к ликвидаторам, троцкистам, всяким примиренцам и приспособленцам. С ними она всегда готова вести борьбу, свирепую и беспощадную.

Когда удавалось выкроить свободный часок, Инесса Арманд спешила на тихую улицу Мари-Роз. Вот и знакомый пятиэтажный темный дом со множеством железных балкончиков. Взбегает на третий этаж. Дома ли хозяева?

Ее здесь встречают радушно. Елизавета Васильевна, мать Надежды Константиновны, рада живой и приятной гостье. Надежда Константиновна всегда готова выслушать и дать душевный совет. Владимир Ильич откладывает в сторону рукопись, чтобы обсудить с Инессой текущие дела, обменяться мнениями. Спорят, иной раз весело хохочут. Детальное обсуждение какого-нибудь вопроса, плана продолжается за скромным чаепитием. Нет, Инесса Федоровна не чувствует себя гостьей в этой маленькой квартирке. Обстановка непринужденная, атмосфера такая дружелюбная, что забываются и личные невзгоды и деловые затруднения.

Иногда отправлялись в ближний парк Монсури. Тянули к себе зеленая прохлада, тенистые аллейки, старый пруд, по которому плавали горделивые лебеди.

Как ценила Инесса часы общения с Лениным и Крупской! В этой великой школе отшлифовалась большевичка.

ПОД ЧУЖИМ НЕБОМ

Лонжюмо — деревня, расположенная километрах в восемнадцати от Парижа. Ничем не примечательная французская деревня — два узких и длинных порядка домов, растянувшихся вдоль пыльного шоссе. Из-за длины-то, вероятно, и название у нее такое — ведь в дословном переводе Лонжюмо означает: «Длинная ослица».

Здесь с мая по август 1911 года действовала ленинская партийная школа. Учеников — рабочих-партийцев делегировали социал-демократические большевистские организации, преимущественно из промышленных центров России.

Владимир Ильич придавал большое значение устройству школы. В России зрел новый революционный подъем. В этих условиях особенно важно было дать теоретическую подготовку группе рабочих — практиков революции. Но школа играла также и немаловажную организационную роль: создавались кадры подготовленных, сработавшихся партийных организаторов.

Владимир Ильич нетерпеливо ждал приезда учеников. По свидетельству Н. А. Семашко, ему нужна была информация из первых рук о том, что делается в рабочих центрах. Ленин жаждал непосредственного общения с рабочими-большевиками, только что вышедшими из самой гущи событий. Сюда, на землю Франции, принесли они с собой и отзвуки классовых боев на земле российской, и знание обстановки, и трезвый взгляд на ближайшие перспективы движения. О многом хотелось посоветоваться. Известно, в частности, что в Лонжюмо Владимир Ильич обсуждал со слушателями школы идею создания газеты нового типа. Ежедневной, массовой, своей для рабочих. Идею создания «Правды».

По словам Н. А. Семашко, в конспиративной переписке Ленин так и величал школу: «Наша длинная ослица». Не раз в дружеских беседах с учениками острил он по этому поводу (см. заметку Н. Семашко «Партийная школа под Парижем» в журнале «Пролетарская революция», 1923, № 2).

В Лонжюмо Инесса сняла двухэтажный дом при въезде в деревню. Внизу устроили общую столовую; тут же квартировали трое слушателей партийной школы: Серго Орджоникидзе, Семен (Шварц), Захар (Бреслав). Владимир Ильич с Надеждой Константиновной жили на другом конце деревни, в простеньком крестьянском доме,— каменном, с островерхой крышей, с палисадником, окруженным изгородью из штакетника. Слушатели разместились кто где в крестьянских жилищах. Занятия проводили в пустом остекленном сарае, к восьми утра туда собирались и преподаватели и ученики.

Занимались много и усердно.

С детьми. Брюссель. 1909 год

За письменным столом.
Москва. 1903 год

На палубе корабля.
Поездка во Францию.
1919 год

На Всероссийском совещании
организаторов работы среди женщин.
Москва. Март 1920 год.
Первая справа — Е. Д. Стасова, третья — И. Ф. Арманд

Сохранилась машинописная копия письма, отправленного Серго Орджоникидзе неизвестному. Серго рассказывает о первых днях пребывания в Лонжюмо, когда еще не все слушатели съехались:

«Покуда идут подготовительные занятия, Ленин читает с нами Коммунистический Манифест... Роза Люксембург, кажется, будет. Список лекторов будет составляться сообща с нами. Горький отказался читать по литературе, будет читать Луначарский... Читать покуда еще не читаем, так как приехал я еще 4 дня как только. Но теперь взялся приготовить небольшой реферат. Что такое профсоюзы и каковы они должны быть, т. е. нейтральные или партийные».

Несколькими фразами далее сказано: «Иду на занятия. Учимся писать статьи и корреспонденции в газеты, учит жена Ленина» (ЦПА ИМЛ, ф. 338, оп. 2, ед. хр. 20944, л. 1, 2).

Так было в первые дни. А потом нагрузка увеличилась, занятия пошли полным ходом. Владимир Ильич читал лекции по политической экономии (29 лекций) по аграрному вопросу (12 лекций), по теории и практике социализма (12 лекций). Кроме того, прочитал три лекции о материалистическом понимании истории.

Николай Александрович Семашко вел занятия по курсу «Рабочее законодательство», Анатолий Васильевич Луначарский — по истории литературы и искусства. Кроме того, Луначарский руководил воскресными поездками слушателей в художественные музеи Парижа. Там, знакомясь с шедеврами живописи и ваяния, ученики лонжюмовской школы проходили, так сказать, наглядный курс эстетики.

Инесса прочитала четыре лекции по истории социалистического движения в Бельгии, она вела также практические занятия по политэкономии. Вот когда пригодились знания, которые она получила в жизни, в борьбе, а также в университетах Брюсселя и Парижа.

Некоторые лекторы приезжали на велосипедах из Парижа, другие поселялись тут же, в деревенских домах. В свободные минуты вспыхивает спор, слышатся шутки. Вечерами гурьбой отправлялись на прогулку, пели хором. И далеко по окрестным полям разносились слова старой песни: «Быстры, как волны, все дни нашей жизни...» А то располагались под скирдами, разговари-

вали о всякой всячнне или молча глядели на звезды, мерцавшие на чужом небе. Думали о России.

Инесса в Лонжюмо была не только одним из преподавателей — она была первым помощником Ленина н Крупской по органнзации школы н по ведению занятий. Теперь ее, наверное, назвалн бы завучем. Но одновременно она выполняла и административные и всякие нные функции. Словом, как всегда, не отказывалась ни от какого дела, если только оно шло на пользу. И хотя она вовсе не была столь уж общительно-оживленна, казалась скорее замкнуто-сосредоточенной, Инесса словно магнитом притягивала людей. Вероятно, потому, что никогда ни к чему не относилась равнодушно, всегда принимала все близко к сердцу.

В Лонжюмо к ней тоже тянулась большевнстская публика.

Ранней осенью программа школы была пройдена. Ученикн собиралнсь в Россию: там их ожидали практические революционные дела.

В Россию, на нелегальную работу, всей душой рвалась н Инесса. Однако ей пришлось повременить. Во-первых, в посылке людей из-за границы существовал известный план; н, во-вторых, надо было ради партии потрудиться еще здесь, в эмиграции.

Опять Париж. Опять кропотливая, черновая работа бок о бок с Лениным и Крупской, под каждодневным ленинским руководством. Энергичная организационная деятельность по созыву Пражской конференции. Окончательный разрыв с меньшевиками, очищение партни от оппортунистов. Подготовка партии к борьбе в новых условиях: к выпуску «Правды», к выборам в IV Государственную думу.

В Париж все чаще приходили сообщения о подъеме стачечного движения на российских заводах и фабриках, о разгроме ликвидаторов, о росте влияния большевиков. Как они воодушевлялн, этн первые ласточки грядущей революционной весны!

Накануне нового, 1912 года состоялось в Париже совещание представителей заграничных большевистских групп. В преддверии Праги, в порядке подготовки к VI Всероссийской конференции РСДРП.

В моих руках дорогая реликвия той поры — простенькая школьная тетрадка в зеленой обложке. На последней странице этой обложки отпечатана, как водится, таблица умножения, а на первой — от руки выведена надпись: «Совещание большевиков заграницы. С 27-го — 30-е декабря 1911 г. н. с. включительно».

Руководил совещанием Ленин; он открыл его, сделал доклад о положении в партии, многократно выступал. В списке участников — Александров (Семашко), Камский (Владимирский), Крупская, Инесса, Карпинская и ряд других.

Заседали по целым дням, перерыв — только для обеда. Прения были жаркие. Речь шла об организационных основах партии, о ее стратегии и тактике.

В тетради все это запротоколировано; заполнена она мелким, бисерным почерком.

В конце заседания 28 декабря, после докладов, выступлений и реплик, после ряда голосований и заявлений «в порядке ведения» была избрана «Резолютивная комиссия»: Ленин, Камский, Александров, Инесса. В основу работы комиссии лег написанный Лениным проект «Организация партийных с.-д. сил за границей и задачи большевиков». «Резолютивная комиссия», по-видимому, работала ночью; во всяком случае на следующее утро, как явствует запись в тетрадке, окончательный текст резолюции был прочитан, прокомментирован и принят (ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 1, ед. хр. 70).

Ленин тотчас же уехал в Прагу. Инесса в Пражской конференции не участвовала.

Но вот я читаю «Извещение о Всероссийской конференции РСДРП», его самые первые, начальные фразы: «Очередное дело, наконец, выполнено. Наша партия собрала свою конференцию, решила на ней все важнейшие вопросы, уже давно требующие разрешения, создала русский ЦК и вообще сделала самые энергичные шаги для восстановления разрушенного центрального аппарата партии» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7, Госполитиздат, 1954, стр. 226). И за этими так поразительно просто

звучащими словами: «Очередное дело, наконец, выполнено...» — я вижу и Инессу, ощущаю ее вклад в общее дело. Бессонные ночи и утомительную беготню по Парижу, темпераментные схватки с идейными противниками и самозабвенный труд для будущего.

На Парижском совещании заграничных большевистских групп была создана единая организация и избран ее комитет (КЗО). Пражская конференция утвердила Комитет заграничной организации. Инесса стала секретарем КЗО. Надо ли добавлять, что обязанности ее, и без того солидные, теперь выросли чрезвычайно.

Львиную долю времени, естественно, занимала переписка. Инесса регулярно шлет письма многочисленным корреспондентам, во многие города Европы.

В архивах находится только малая частица переписки секретаря КЗО — лишь то, что сохранилось. Однако, листая эти письма, вновь убеждаешься, как они многообразны. В них — информация и полемика, вопросы организационные и кадровые; она оповещает и спрашивает, излагает свое понимание событий и точку зрения оппонентов — и всегда с большевистских позиций. Прямо и правдиво, без умолчаний. Что и говорить, поучительная переписка.

Но зачем пересказывать, когда можно продемонстрировать в выдержках, которые я и приведу. Читатель сам обнаружит и почувствует характерные черты стиля писем Инессы — секретаря КЗО.

Вот она преподает урок большевистской тактики.

Письмо в Женеву, В. Карпинскому,— русская библиотека (для Ольги). На конверте — почтовый штемпель, из коего явствует, что прибыло письмо в Женеву 7 февраля 1912 года, то есть сразу же после Пражской конференции.

«Очень хорошо,— пишет Инесса,— что женевские тов. решили... порвать со впередовцами, жаль только, что они не решаются примкнуть к новой организации, и, признаться сказать, мотив, который мешает им это сделать (хотят узнать мнение плехановцев) крайне странен для большевика. Выходит, что для того, чтобы предпринять тот или иной шаг, они ждут директивы плехановцев? Дело, как кажется, должно бы обстоять иначе. Больше-

вики за границей, как наиболее последовательные партийцы, строят *партийную* организацию за границей для поддержки партийных центров и помощи партийной работе на местах и *стараются привлечь* к этому делу другие партийные элементы за границей. Не мы должны тянуться к ним, а наоборот».

За этим разъяснением следует указание, изложенное, правда, весьма тактично:

«Вы кажется, очень влиятельны в Женеве, и потому крепко надеюсь, что там восторжествует другое мнение» (ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 10-н, ед. хр. 36656, л. 1).

А вот второе письмо — неизвестному в Штутгарт, датированное 25 марта 1912 года. Оно носит явно выраженный информационно-пропагандистский характер.

Обстоятельно и неторопливо излагает Инесса суть выступлений большевиков на собрании социал-демократических групп Парижа. На собрании этом обсуждались итоги Пражской конференции и большевистским ораторам пришлось отражать наскоки всякого рода «критиков». Слово взял Ленин.

«...Ленин им ответил очень живой и интересной речью. Он указал всем этим заграничным группкам, которые совершенно оторваны от России и с российской работой не имеют ничего общего, все их бессилие, он им доказал как $2 \times 2 = 4$, что ни за ними, ни даже за ликвидаторами (по их собственному признанию в «Нашей заре») нет ровно ничего и что если они все умеют кричать и учинять склоку, то объединить что-либо или вообще что-либо создать они не умеют. За конференцией же идут все партийные элементы — и большевики и меньшевики-партийцы, существующие сейчас в России, и конференция вывела партию на дорогу, и в России сейчас нет никакого раскола, а есть лишь единая Р. С. Д. Р. П., объединившаяся вокруг конференции и созданного ею Ц. К. За заграничными же кружками и за ликвидаторами ничего сейчас нет, и потому с ними и толковать сейчас не о чем. Вот пусть-уж, если они хотят созвать другую конференцию, пусть попробуют, пусть создадут что-нибудь вместе с ликвидаторами. Тогда будет другое дело, тогда можно будет с ними потолковать, тогда посмотрим» (ЦПА ИМЛ, ф. 37, оп. 14, ед. хр. 36393, л. 4, 5 машинописной копии).

Когда вчитываешься в эти строки, чувствуешь, что Инессе удалось передать даже ленинские интонации.

Слышишь голос Владимира Ильича, его саркастический смех, его убийственную иронию. Видишь Ленина, наповал разящего врагов партии.

Обязанности секретаря КЗО не были четко очерчены. Не подлежит сомнению, однако, что среди них немалую часть составляли, так сказать, внешние сношения. Посещение всякого рода собраний и съездов, представительство на них, выступления. Кроме всего Инесса с благословения Владимира Ильича стремилась всячески укреплять связи с французскими социалистами — Ленин придавал этому большое значение.

...Нам посчастливилось: у Инны Александровны Арманд сохранилось колоритное свидетельство, отражающее эту сторону деятельности ее матери,— «моментальная» фотография с конгресса французских социалистов.

Лион, 1912 год. Среди бородатых толстяков и очкастых усачей, среди пожилых и молодых мужчин в лихо заломленных котелках, среди всех этих адвокатов и бочаров, портных и журналистов, металлистов и нотариусов, сидящих у столов, заваленных бумагами, в специфической обстановке европейского собрания социалистов, в самой гуще людской мы замечаем знакомую молодую даму в элегантно-модной шляпе.

— Слово предоставляется гражданке Инессе, товарищу Инессе. Она будет говорить от имени русских социал-демократов большевиков. Слушайте!

В номере «Юманите» от 19 февраля 1912 года, в отчете о Лионском конгрессе, несколько строк посвящено этому выступлению. Вот что записал хроникер «Юманите» (даю перевод с французского):

«Гражданка Инесса (Россия) заявляет, что она счастлива принять участие в работах конгресса в качестве представительницы Российской социал-демократической партии. Она благодарит французских товарищей за то, что они присоединились к протесту против содержания на каторге социал-демократических избранников. С каждым днем рабочий класс набирает все больше сил после страшных испытаний последних лет. Имевший недавно место социалистический и рабочий съезд показал пробуждение рабочего класса, оправившегося от ужасных кровавых ран, нанесенных ему в 1905—1909 гг. Резуль-

таты предстоящей борьбы при выборах в Думу покажут всю глубину этого пробуждения. *(Горячие аплодисменты.)*»

Следует пояснить: «социалистический и рабочий съезд», на который ссылается Инесса,— это Пражская конференция, VI Всероссийская конференция РСДРП. А для того чтобы ускорить пробуждение русского рабочего класса, она, Инесса, как и другие эмигранты-большевики, всей душой стремится на родину.

Ну ничего, ждать теперь остается недолго...

РАСПАХАННОЕ ПОЛЕ

Лето 1912 года застает Инессу... виноват, крестьянку Франциску Казимировну Янкевич в Петербурге. Наконец-то сбылось: партия направила ее на подпольную работу в Россию.

По дороге, прежде чем перейти границу, заехала на денек-другой в Краков. Туда только что перебрались, для того чтобы быть ближе к родине, Владимир Ильич и Надежда Константиновна. В краковском предместье Звежинце Инесса получила от Ленина последние напутствия, ее снабдили явками и связями, вместе обсудили план предстоящей работы.

Из Кракова Инесса завернула в Люблин: там обосновался Николай Васильевич Крыленко, к которому у нее было поручение от Ленина. Речь шла о налаживании перехода через границу для тех товарищей, которые поедут из России в Краков.

Но вот наконец и Питер.

Пусть об этом расскажет большевик В. Л. Малаховский (см. сб. «Памяти Инессы Арманд», стр. 94):

«Летом 1912 г. она появилась в Питере на горизонте передовых слоев пролетариата в качестве представительницы ЦК партии». Автор сообщает, что Инесса начинает оживленную работу «по завязыванию связей с кружками, сплачиванию, объединению их, направлению их деятельности, внедрению боевого духа в эти молодые, свежие силы...

Как живую, сейчас вспоминаю ее в плохоньких ботинках со стоптанными каблуками, и одетой далеко не по парижской моде».

В результате, как бы подводит итог Малаховский, «задвигались, зашевелились подпольные кружки, пополняемые новыми рабочими...».

Но это свидетельство, так сказать, общего плана. Некоторые, довольно яркие детали мы почерпнули в том же старом сборнике.

Мы узнаем о дискуссиях со впередовцами на болоте, за огородами Путиловского завода, о рабочих массовках — их устраивали по воскресеньям под видом грибных походов. О тайных собраниях, созываемых на подъездных путях, между заставами — Московской и Нарвской. О налетах конных жандармов. О жизни подпольщиков, полной лишений и тревог.

Но все невзгоды и опасности, выпавшие на их долю, померкли, когда они увидели, как оживают нелегальные организации.

Посланцы Ленина попали в Петербург в сложный период. Охранка после майских массовых стачек жестоко расправилась с петербургскими большевиками. Организация, конечно, жила, но надо было ее восстановить; требовалось претворить в жизнь решения Пражской конференции; следовало готовить избирательную кампанию — предстояли выборы в IV Государственную думу.

Нарвский пролетарский район стал базой большевиков. Удалось восстановить Петербургский комитет партии, а потом образовать и Северное областное бюро РСДРП. Инесса вошла в его состав.

Была у Инессы еще одна задача, поставленная Лениным,— он был недоволен тем, как на первых порах велась «Правда». Слишком уж неопределенна позиция газеты по отношению к ликвидаторам, ощущается примиренческий дух. Нет, для большевиков это не подходит; газета, которая отстает, погибла. Не бояться полемики, задирать, смело все договаривать до конца!

Вместе с членами Петербургского комитета и Северного областного бюро Инесса проводит специальное заседание редакции «Правды». Позиция газеты по отношению к ликвидаторам стала постепенно исправляться.

Труды Инессы не пропали даром. А. Сольц свидетельствует, что ее работа, хотя и велась всего несколько месяцев, оставила значительный след. А. Сольц пишет:

«Я попал в районы после нее, я нашел уже распаханное поле...» (сб. «Памяти Инессы Арманд», стр. 92). Разумеется, распахивала Инесса это поле не в одиночку.

Франциске Янкевич (Инессе Арманд) удалось продержаться недолго. Всего два месяца с небольшим. Напряжение было дьявольское, но это ее не смущало, а, наоборот, радовало: дорвалась до настоящего дела. Угнетало другое — жить в относительной близости от Москвы, от детей, от близких и не иметь возможности не то что их повидать, а даже узнать про них, сообщить о себе и получить от них весточку. Жизнь подпольщика трудна для каждого, но ей, матери, было трудно вдвойне.

Подъем партийной работы не ускользнул, понятно, от охранки. Провокаторы доносили о появлении новых людей, об их деятельности. Круг сжимался. Слежка за Францискою Янкевич усиливалась, и 14 сентября 1912 года она попала за тюремную решетку.

Обстоятельства, предшествующие аресту, достаточно подробно изложены в ...жандармском документе. Это — «Постановление» отдельного корпуса жандармов генерал-майора Иванова. Написано оно «1912 г. Октября 3 дня, в гор. С.-Петербурге».

Так вот, сей жандармский генерал, рассмотрев «сообщение Начальника С.-Петербургского Охранного Отделения от 27 сентября с. г. за № 16084, нашел, что из такового сообщения видно, что затихшая с весны 1912 г. партийная работа местных организаций фракции большевиков Р.С.Д.Р.П., в связи с событиями на Ленских приисках, забастовочным движением, охватившим почти все промышленные предприятия, и ввиду предстоящей предвыборной кампании в Государственную Думу 4-го созыва, заметно усилилась и выразилась в том, что в различных районах Петербурга стали возникать партийные группы...».

В одном из документов упоминается «известный охранному отделению, как энергичный партийный работник и организатор социал-демократических кружков среди рабочих Нарвского, Московского и Городского районов, бывший студент СПБ Университета Анатолий Михайлов Корелков».

Нас он сейчас интересует в связи с тем, что «при введении Охранным отделением наблюдения за Анатолием

Корелковым были установлены сношения его с женщиной, проживавшею по паспортной книжке на имя крестьянки Франциски Казимировны Янкевич и оказавшейся женою потомственного почетного гражданина Елизаветой Федоровой Арманд, которая, по сведениям Охранного Отделения, принадлежала к фракции большевиков-ленинцев и, имея партийные связи с центром означенной фракции, взялась организовать во всех районах С.-Петербурга большевистские группы и комитеты при всех, а также объединить все эти группы с помощью межрайонной большевистской комиссии. С этой целью она посещала разных лиц, принадлежащих к фракции большевиков, так и к другим фракционным течениям, убеждая их принять участие в подпольной работе и объединиться с другими районами» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 4, л. 1, 2, 3).

Не обошлось, видать, без осведомленного провокатора; едва ли с помощью одного «наружного наблюдения» охранке удалось бы все это узнать. Тем более, что ни при аресте, ни в первую неделю заключения Инесса Федоровна не открывала своего настоящего имени.

В руки полицейских, совершавших обыск на квартире Франциски Янкевич, попало тоже совсем не так уж много: две прокламации да часть печатной брошюры с материалами Пражской конференции.

Миновала промозглая петербургская осень, за ней пришла и ушла слякотная петербургская зима, а Инесса все томится в одиночной камере «предварилки». Режим здесь суров, здоровье ее расшатано: начинается легочный процесс, изнуряет кашель, а в перспективе — суд и, что того хуже, отправка по этапу в Мезень: за Инессой числится «должок» — почти год неотбытой ссылки.

На выручку приходит Александр Евгеньевич Арманд. Он начал хлопоты тотчас же, как только Инесса, простившись с именем Франциски Янкевич и открыв тюремщикам настоящее свое имя, смогла написать в Москву. Александр Евгеньевич навещает ее в тюрьме, обивает пороги жандармских канцелярий, пускает в ход свои связи — и добивается успеха. Тот же «отдельного корпуса жандармов генерал-майор Иванов» согласен отпустить Инессу до суда под залог.

Сумму залога жандармы заломили изрядную: пять тысяч рублей. По тем временам целое состояние. Александра Евгеньевича это не останавливает. Но Инесса в раздумье. Вправе ли она принять такую жертву? И представляет ли себе милый Саша, что деньги пропадут безвозвратно — ведь при первой же возможности она удерет за границу.

Все это, оказывается, Александру Евгеньевичу вполне ясно: характер Инессы ему достаточно знаком.

Деньги внесены. 20 марта подписано постановление: Арманд из-под стражи освободить.

Весну и лето 1913 года Инесса проводит с семьей. Для поправки здоровья едет с ребятами на кумыс в Ставрополь на Волге.

...Через несколько лет, уже во время войны, в письме к дочери из Швейцарии Инесса с умилением и грустью вспоминала те дни:

«Как Волга хороша!.. В Ставрополе самое сильное впечатление на меня произвело раннее утро. Я помню, когда мы с Сашей ходили встречать Федю. Вышли — было еще темно, а потом постепенно рассветало, и когда мы явились на пристань, уже совсем стало рассветать — и река, и небо были совсем розовые, такого необычайно нежного цвета. Ужасно люблю время, проведенное в Ставрополе!» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 25, л. 16).

Но вот подходит к концу недолговременная передышка, которую получила Инесса. Пора в путь.

Остается досказать финал истории с залогом. Он, разумеется, пропал. Об этом существует «определение Петербургской судебной палаты от 21 сентября 1913 года». В документе говорится, что дело Арманд было назначено к слушанию в особом присутствии на 27 августа, но обвиняемая «не явилась и объяснений о причинах, препятствовавших ее явке, не представила». Вывод: залог «обратить в доход казны».

К моменту суда Инесса Федоровна либо находилась уже по ту сторону русской границы, либо завершала последние приготовления перед ее переходом.

«Ужасно рады были мы, все краковцы, ее приезду» — слова эти принадлежат Н. К. Крупской, а относятся к Инессе Арманд. Появилась она в Кракове, вернее вблизи Кракова,— в предгорьях Высоких Татр, в местечке Поронин, в самый разгар августовского (летнего) совещания Центрального Комитета с партийными работниками. Хотя совещание это во всех документах именовалось августовским, да еще летним, так было сделано в целях конспирации. На самом же деле Ленин созвал его не летом, а осенью — не в августе, а в конце сентября.

Приехали большевики — депутаты Государственной думы, приехали работники партии из крупнейших пролетарских центров. О значении этой встречи лучше всего скажет официальное «Извещение» Центрального Комитета РСДРП, выпущенное вместе с резолюциями в 1913 году.

«Совещание сделало, что могло, чтобы дать ответ на все вопросы партийной жизни, стоящие перед нами»,— говорилось в этом документе. И дальше указано: «Путь намечен. Партия нашла основные формы работы в нынешнюю переходную эпоху. Верность старому революционному знамени испытана и доказана в новой обстановке и при новых условиях работы. Самое трудное время позади, товарищи. Наступают новые времена. Надвигаются величайшей важности события, которые решат судьбу нашей родины.

За работу же!» («КПСС в резолюциях», ч. I, стр. 308).

Чеканные слова «Извещения» — в составлении которого она, возможно, участвовала — так поразительно соответствовали душевному состоянию Инессы. После тюрьмы, после вынужденного отрыва от живого, революционного дела она рвалась к работе. Инессе выпало счастье стать в ту пору одним из близких и без колебаний верных помощников Владимира Ильича.

Здоровье Инессы, мы знаем, порядком подорвано петербургской «отсидкой», но энергии у нее не убавилось. Надежда Константиновна вспоминает, что Инесса, побывав в России, стала с еще большей страстностью относиться ко всем вопросам партийной жизни, вернулась еще более жизнерадостной и горячей.

Русские большевики жили в Кракове тесным товарищеским кружком. Очень много работали. Очень крепко были связаны с Россией, с международным рабочим движением. Разрабатывали теоретические вопросы и каждодневно влияли на практическую деятельность большевистских организаций.

Находясь в Кракове, Ленин стоял во главе революционной борьбы масс.

Свободные минуты — они выпадали не так-то уж часто — проводили вместе. Инесса не уставала рассказывать о своих ребятах, читала вслух их письма; от рассказов этих и от писем веяло теплом. Троих ребят Арманд Ленин и Крупская узнали в Париже и Лонжюмо. Теперь, заочно, Владимир Ильич и Надежда Константиновна еще больше привязались к дочерям и сыновьям Инессы.

Здесь уместно заметить, что теплую эту привязанность Ленин и Крупская сохранили до конца дней своих. После смерти Инессы ее дети постоянно чувствовали сердечную заботу и ласку Владимира Ильича и Надежды Константиновны.

Много гуляли. «Партия прогулистов» — так шутливо прозвали Ленина, Крупскую и Арманд их тогдашние краковские и поронинские товарищи-соседи.

Шагали, не зная устали, по душистым лугам на берегах Вислы, карабкались на крутые горные склоны Татр. Как чудесно дышится во время таких походов! Что может сравниться со светлой радостью этих часов общения с природой, когда и беседа течет непринужденно, и молчать легко, и думать плодотворно. В дружеском разговоре вырабатывается общая точка зрения по самым сложным вопросам, в споре выковывается истина.

Забегая вперед, скажу, что «партия прогулистов» не прекратила своего существования и в последующие годы. Прогулки помогали Ленину и его друзьям справляться с гигантской работой, которую взвалили они на свои плечи в те предреволюционные годы.

Навсегда сохранила Инесса воспоминания о краковских прогулках, о шелковисто-зеленой мураве и пряных запахах трав в привислинских лугах... И не только

сохранила, но запечатлела в своем литературном псевдониме.

Чуть позже будет рассказано об этом, а пока запомним, что луг по-польски — «бло́нь».

Как определить закономерности возникновения партийных кличек, псевдонимов? Что-то не попадались мне исследования на эту тему. А наверно, интересными были бы и поиски и находки.

Напомню замечание Н. К. Крупской о том, что Владимир Ильич в нелегальные времена придавал большое значение технике подпольных связей; он, в частности, советовал в конспиративных целях давать мужчинам женские клички, а женщинам, наоборот, мужские. Так Вацлав Вацлавович Воровский стал Жозефиной, Петр Гермогенович Смидович наречен был Матреной, а Лидия Михайловна Книпович получила известность в партии под кличкой Дяденька...

Иные имена возникали, по-видимому, произвольно, случайно; другие связаны были с временным местопребыванием, с характером человека. Каждый, кому знакома революционная биография Елены Дмитриевны Стасовой, согласится с тем, что ее партийное имя Абсолют словно рождено для этого человека.

И еще. Не всегда партийная кличка была живучей. Имена, прозвища легко сменялись, но вот одно закреплялось, шло за человеком из города в город, сопутствовало ему в сибирской ссылке и на чужбине. Утверждалось с годами и после победы Октября оставалось не только в истории КПСС — в повседневной жизни народа, в партийном обиходе. Федор Андреевич Сергеев? Подлинное имя революционера значилось лишь в документах и сохранилось только в них; зато простая кличка Артем навечно осталась в памяти и любви народной.

У Инессы Арманд были, разумеется, временные партийные клички, но не они, а имя ее — Инесса — стало широко известным в партии с дореволюционных лет. А после Октября председательствующие на собраниях или на митингах, объявляя очередного оратора, стали опускать фамилию Арманд, говоря просто: «Слово имеет товарищ Инесса». Потом переняла это партийная пресса.

В деловых бумагах, скажем в протоколах, также стали обозначать коротко: «Инесса»... И всякому было понятно, что речь идет именно о ней, Инессе Федоровне Арманд.

Ну как не подивиться волшебству языка нашего: чужеземное, испанское имя Инесса стало своим, близким для богородских ткачих и для тверских крестьянок. Потому, что полюбился человек.

Был у Инессы Федоровны и литературный псевдоним: Елена Блонина. Так подписывала она и публицистические статьи, и популярные массовые брошюры, и теоретические обзоры. Возникла же эта чуть вычурная фамилия в краковские времена. В честь душистых «блоней», лугов то есть. В память о дружеских походах «прогулистов».

Литературной деятельности Инессы мы посвятим специальное место. Сейчас лишь отметим, что в Кракове родился, очевидно, не только псевдоним, но и сам его обладатель, новый партийный журналист. Не исключено, что Инесса и раньше писала статьи, заметки (возможно, даже на заре своей общественной деятельности). Просто нам не удалось их обнаружить. В Кракове же Ленин, придавая колоссальное значение печатной пропаганде, любовно пестуя «Правду», не пропуская ни одного случая, чтобы выступить в ней,— Ленин требовал того же от своих единомышленников, помощников. Представляю, как он убеждал Инессу:

— Дорогой друг! Пустяки, ну, право, сущие пустяки, что вам прежде не приходилось сотрудничать в прессе! А теперь придется. Не боги горшки обжигают. Садитесь и пишите. Побольше революционного темперамента, а вам его не занимать стать. Пишите, это архиважно...

Первоначально предполагалось, что Инесса прочно обоснуется в Кракове. Она лелеяла мысль выписать сюда детей из Москвы, даже квартиру подыскивала. Но революционная целесообразность — высший закон, определяющий поступки большевика,— требовала переезда из Галиции в Париж. Надо было укрепить Комитет заграничных организаций.

До Парижа предстояло объехать несколько большевистских заграничных групп, выступить там с чтением рефератов, наладить связи.

Однако, прежде чем вместе с Инессой покинуть Краков, давайте послушаем музыку.

ПАТЕТИЧЕСКАЯ СОНАТА

Могучие и властные аккорды вступления. Порывистая, мужественная, полная борьбы музыка первой части. Свободная и плавная мелодия спокойной, как река, второй части. Радостная, полная движения третья часть. И вот — финал, краткий, энергичный. Это Восьмая, Патетическая, соната Бетховена. Бунтарское, проникнутое пафосом революционной борьбы молодое произведение молодого гения.

Прозвучали последние ноты. Руки пианистки еще лежат на клавишах, но теперь, после виртуозных пассажей и мощных аккордов, они покойны, недвижимы. Замерли и слушатели. Все еще во власти могучей, жизнеутверждающей музыки. В тесной кучке друзей — Ленин. Подперев подбородок рукой, он застыл в той же позе, в которой, не шелохнувшись, слушал любимую сонату. И сейчас, когда стихли звуки, Владимир Ильич не спешит расстаться с миром музыки, стряхнуть с себя ее очарование.

Играла сонату Бетховена Инесса.

Всю жизнь музыка была ее страстью. И если бы Инесса не стала профессиональным революционером, я думаю, могла бы стать выдающимся пианистом. Для этого имелись все предпосылки: талант и трудолюбие, вдумчивость и, главное, любовь.

Впервые сев за фортепьяно в шестилетнем возрасте, она до последних дней своих не могла равнодушно пройти мимо инструмента. Натура глубокая, сосредоточенная, неговорливая, за роялем находила она выход чувствам и переживаниям...

Кочевая жизнь отрывала Инессу от музыки. Давалось это нелегко.

В письмах, посланных из Швейцарии дочери Инне, то и дело встречаются упоминания о музыке:

«Мне жаль, что ты не учишься музыке, я уж как-то мечтала о том, как бы мы стали с тобой играть вместе — я на фортепиано, а ты на скрипке...»

«У меня будет фортепиано, и я этому радуюсь — очень, очень хочется играть, особенно в грустные минуты,— это так успокаивает и примиряет».

«А я, знаешь, была здесь на одном концерте — играл пианист. Он играл Бетховена, Шопена, Шумана. Я очень наслаждалась. Театр здесь неважный — в этом отношении приходится завидовать вам, но концерты очень хороши, и я хочу хоть ими пользоваться вовсю».

«Я, пока была в отъезде из Берна, совсем не играла, так как там не было фортепиано, а теперь опять играю. Сейчас играю Шуберта — одна его вещь мне сейчас очень нравится, вот я ее все и наигрываю» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1, 2, 4, 28).

Среди любимых композиторов Инессы обе дочери и сын называли Бетховена, Шопена, Листа, Рахманинова, Шуберта. Из произведений Шопена предпочитала мазурки.

Дети Арманд вспоминают: когда мама бывала в подходящем настроении и выдавался свободный вечерок, устраивали концерт «по заявкам». Каждый называл произведение, которое хотел бы послушать, и Инесса Федоровна безропотно выполняла заказы. Жаль, редко выпадали такие счастливые вечера...

Ленин очень любил музыку. По просьбе Ленина Инесса играла в Париже. В Кракове чаще, чем раньше, удавалось выкраивать время для самодеятельных музыкальных вечеров. Бывали и на концертах профессиональных исполнителей. Так, Инесса сагитировала Ленина, Крупскую и других послушать бетховенские концерты...

Позднее, во время войны, летом 1915 года, Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Инесса Федоровна какой-то период провели вместе в горной деревушке Соренберг. Поселились в дешевом отеле «Мариенталь». Ранним утром Ленин, отыскав в саду укромный уголок, усаживался за рукопись. Он писал большую статью «Крах II Интернационала», редактировал брошюру «Социализм и война». Крупская, устроившись поблизости, писала письма. Из открытых окон отеля далеко разноси-

лись в чистом горном воздухе звуки рояля. Инесса играла. Под эту музыку, вспоминает Надежда Константиновна, «особенно хорошо занималось».

Последний известный нам эпизод, связанный с музыкой в жизни Инессы.

1920 год. Кисловодск. В горах — перестрелка, в городе-курорте участились ночные тревоги. Группа коммунистов, попавших в эти неспокойные дни на кратковременный отдых в кисловодский санаторий, вечером собралась в гостиной. Тут же Инесса. Ее просят играть.

Предоставим слово П. Виноградской, чьи воспоминания включены в известный нам сборник 1926 года:

«Мы очень долго ее упрашивали. Она упорно не соглашалась. Наконец она села за рояль и стала играть нам Шопена, Листа и других классиков. Полились дивные звуки, и все мы сидели зачарованные... Инесса, сначала несколько смущенная, в дальнейшем сама увлеклась игрой и играла нам до поздней ночи... Никто из нас, даже знавшие ее близко в эти годы, не знал о том, что она играет так прекрасно».

«ХОРОШО ВЕДЬ! НАЛАЖИВАЕТСЯ ДЕЛО»

Где именно и в какой момент возникла эта мысль? В скромной краковской квартире Ульяновых на улице Любомирского или в просторной кухне деревенского поронинского дома Терезы Скупень, или во время прогулки по духовитым привислинским «блоням»? Собственно говоря, это не столь уж важно. Важно, что к концу пребывания Инессы в Кракове окончательно договорились насчет выпуска большевистского женского журнала. Массового легального журнала для русских работниц.

Инесса и Надежда Константиновна давно уже лелеяли такую мысль. Ленин подхватил и развил ее, придал организационную стройность, теоретическую глубину.

В борьбе за сплочение рабочего класса России под большевистским знаменем серьезную роль играло использование легальных возможностей. Проникновение в легальные организации, завоевание парламентской три-

буны, легальная печать. Чрезвычайно важно донести правдивое, горячее, революционное слово до массы женщин-пролетарок. Вот где таятся могучие резервы приближающейся революции. Поднять их, зажечь, вовлечь в борьбу!

Инесса давно — со времен своей юности — интересовалась и занималась женским вопросом. Помните ее переписку с английскими суфражистками? Бывали на ее пути и точки соприкосновения с русскими буржуазными женскими деятельницами. И в Париже завязывала она по поручению Владимира Ильича связи с французскими социалистками.

Но весь этот годами накопленный опыт убеждал: для завоевания большевиками глубинных женских пролетарских масс необходимы новые формы, иные методы. Ничего, кроме гневного презрения, не вызывали пышные слова буржуазных «равноправок»: богатые, благополучные дамы лили слезы о горькой женской доле, взывали к борьбе за одинаковые с мужчинами права, а на самом деле пуще огня боялись и прав этих, и борьбы за них. А во французской, да и в некоторых других европейских социалистических партиях бытовало мнение, что никакой особой работы среди женщин вести не следует.

Инессу равно приводили в бешенство как фальшивые словесные побрякушки «равноправок», так и отговорки социал-оппортунистов. Она была полностью согласна с Кларой Цеткин, которая уже много лет назад сформулировала задачу так: «Нам надо вести не специальную женскую агитацию, а социалистическую агитацию среди женщин».

Для этой цели русским большевикам необходим был журнал.

Вспоминает Анна Ильинична Елизарова:

«В декабре 1913 года я получила от брата, Владимира Ильича, жившего тогда в Кракове, письмо на английском языке. Он писал мне тогда на редакцию «Просвещения», на псевдоним Андрея Николаевича. Химические письма шли по другим адресам, чтобы не компрометировать редакции легальных органов, на этот же адрес

более конспиративное брат писал иногда по-английски. В этом письме Владимир Ильич давал мне мысль об организации журнала для работниц, советуя наметить подходящих лиц в редакцию, но прося до времени держать это в строгом секрете» (сб. «Памяти Инессы Арманд», стр. 13, 14).

Были сконструированы заграничная и русская части редакции журнала «Работница» (мы бы теперь сказали: редколлегии). За границей — Надежда Крупская, Инесса Арманд, Людмила Сталь, Злата Лилина. В Питере — русская часть редакции: Анна Елизарова, Конкордия Самойлова, Прасковья Куделли, Елена Розмирович, Лидия Менжинская. Труднейшая задача — скоординировать, объединить обе части, добиться единой точки зрения по поводу программы издания, не говоря уже об оценке отдельных материалов. Это в условиях-то ужасающей разобщенности — ведь, кроме переписки по почте или, весьма редко, с оказией, нет никаких других способов сношений. А переписка подвергается полицейской перлюстрации; надо обходить цензуру, порой прибегать к химии, к шифру.

Прибавьте ко всему этому постоянную опасность жандармских репрессий. Угроза закрытия с первых же шагов нависла над еще не родившимся журналом; перспектива оказаться за тюремной решеткой сопровождала русских редакторов «Работницы» на всем их пути. Вскоре события показали, что перспектива эта была весьма реальной.

Дела журнальные осложнялись еще и тем, что заграничную часть редакции тоже разделяли границы и расстояния. Крупская и Лилина жили в Кракове (тогда Австро-Венгрия); Сталь — в Париже, куда приехала и где поселилась Арманд.

Не успела Инесса обосноваться в Париже, как в очередном ленинском письме, среди других заданий прочитала напоминание: «*Беритесь* архиэнергично за женский журнал!» (Соч., изд. 4, т. 35, стр. 96). Как всегда, приняв решение, Владимир Ильич цепко и неотступно контролирует исполнение.

Инесса и Людмила архиэнергично берутся за дело. Письмо-напоминание Ленина датировано концом де-

кабря 1913 года. В начале января 1914 года парижские редакторы «Работницы» могли уже послать Крупской в Краков выработанный ими вариант программы первого номера журнала и воззвание к читателям.

Размахнулись широко. Инесса и Людмила считали необходимым, чтобы в номере были и передовая, и «политическая статья о Девятом января», и другая статья — «Профсоюзы и работницы», и литературный фельетон, и иностранный отдел, и хроника, и «гигиенические сведения» (советы врача), и даже детская сказка.

Людмила Сталь вспоминала впоследствии, как радовалась Инесса тому, что наконец-то представилась возможность работать непосредственно «для России». Расположившись в маленьком парижском кафе, где-нибудь неподалеку от Больших бульваров, две русские большевички часами обсуждали программу «Работницы». Вычерчивали макеты журнальных страниц, горячо спорили о названиях отделов и статей. «...Инесса мечтала о том, как мы будем получать из Питера сырые материалы, хронику женского движения, письма работниц, как мы будем приводить их в стройный литературный вид» («Коммунистка», 1921, № 12—13. Статья «Памяти Инессы Арманд»).

Придумать, как известно, нетрудно. Но как реализовать все эти замыслы?

Предложения Инессы Арманд и Людмилы Сталь вовсе не были беспочвенны. В перечне статей и отделов журнала рядом с тем или иным названием поставлены скобки. А в скобках обозначены предполагаемые авторы. Чаще всего: «берусь я», «напишу я» или: «возьмется Людмила», «напишет Людмила». Однажды: «Нам очень хочется, чтобы ты (то есть Надежда Константиновна.— *П. П.*) написала эту статью, и мы тебя об этом просим».

В другом письме, адресованном Н. К. Крупской, парижская «двойка» писала: «Хорошо, если бы ты разделила с нами адреса, нужные для редакции, так как тогда мы и переписку могли бы поделить и все не валилось бы на твои плечи. И не бойся, без общего согласия мы отсюда ничего не пошлем» (см. «Исторический архив», 1955, № 4, стр. 30).

Читаешь переписку между краковской и парижской «половинками» заграничной редакции «Работницы», и тебя не оставляет впечатление какой-то поразительной

деликатности во взаимоотношениях. И согласованности действий. Менее гладко шла работа в русской редакции. Условия тягчайшие — каждый час жди ареста. И характеры, по-видимому, полярные. И точки зрения на текущий момент не всегда совпадают.

По каким-то причинам «россиянки» (так называла Н. К. Крупская русскую часть редакции) не хотели считаться с мнением «парижанок». Надежда Константиновна в своем письме от 29 января (11 февраля) 1914 года убеждала Анну Ильиничну: «В Париже очень дельная публика. Людмилу ты знаешь. Другая — еще более принципиально выдержанный человек и все, за что берется, делает хорошо» (см. «Исторический архив», 1955, № 4, стр. 36).

Затем взаимоотношения наладились. 21 января (3 февраля) 1914 года Е. Ф. Розмирович извещала Крупскую: «Конституцию, которая предложена из Парижа, мы здесь приняли с небольшим добавлением» (см. там же, стр. 34).

Наконец первый номер «Работницы» 23 февраля (8 марта) 1914 года вышел в свет. Вышел, несмотря на то что незадолго до его выпуска арестовали почти всех членов редакции. По счастливой случайности избегла ареста лишь Анна Ильинична Елизарова.

В затемненном зале микрофильмов Ленинской библиотеки я кручу ручку аппарата, и на маленьком экранчике проходят передо мной страницы «Работницы». Одна за другой, будто их перелистываешь.

Незатейливо оформление журнала, да и в содержании не чувствуется особого блеска или журналистской выдумки. Все до чрезвычайности просто в номерах журнала — «самого младшего пролетарского собрата «Правды», как назвала сама себя «Работница». Но простота эта куда дороже иной красоты!

В номерах «Работницы» помещены две статьи Инессы: «Избирательные права женщин» и «Работница и 8-часовой рабочий день». Первая подписана «Елена Блонина», под второй — та же фамилия, но с опечаткой: «Блошина»... Несколько неподписанных статей тоже, повидимому, принадлежат перу Инессы.

Горячо беспокоилась она о том, чтобы после ареста Конкордии Самойловой и других власть в редакции не захватили «примиренки или даже хуже», чтобы «затеянное нами дело не перестало быть нашим»... Много сил потратила, раздобывая деньги на издание, налаживая пересылку материалов...

Вклад «парижанок» в выпуск «Работницы» очень значителен. Пересылая в Париж номер 3 журнала, Владимир Ильич поздравил Инессу и Людмилу с удачей. «Хорошо ведь! Налаживается дело»,— писал Ленин (см. «Исторический архив», 1955, № 4, стр. 26).

Всего вышло семь номеров «Работницы»; три из них были конфискованы. Номер восьмой так и не увидел света — вновь по причинам, «от редакции не зависящим». Накануне мировой войны, в июле 1914 года, царское правительство окончательно расправилось с «Работницей». Журнал был закрыт.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Вот и опять Брюссель. Но на этот раз бельгийская столица не показалась Инессе ни тихой, ни провинциальной. Куда там! Брюссель, в ее теперешнем восприятии, бурлит, хотя на самом деле город мало изменился за пять лет отсутствия Инессы. Зато изменилось ее настроение.

Она бродит по знакомым улицам, разгоряченная, захваченная борьбой, готовая отражать удары, нет, сама наносить их.

Расскажем, однако, все по порядку.

Лето 1914 года застает Инессу Арманд в Далмации, на побережье Адриатического моря. Здоровье расстроено, мучает кашель. Сказалось сидение в треклятой петербургской «предварилке», ослабила и парижская гнилая зима. Словом, врачи выгнали на юг, на отдых.

Отдых, правда, весьма относительный. Инесса деятельно готовится к Международному женскому социалистическому конгрессу, намеченному на август в Вене. Готовит к конгрессу доклад. Пишет для «Работницы». Ведет обширную переписку. Но свободные часы проводит

с детьми — их она выписала из России, приехало четверо из пятерки,— и какое счастье быть с ними вместе, заботиться о них, отдавать огромную, нерастраченную материнскую любовь!

Тут-то и застало Инессу поручение В. И. Ленина.

Международное социалистическое бюро — исполнительный орган II Интернационала — давно намеревалось вмешаться в «русские дела». Вандервельде, Каутского и К° тревожили успехи большевиков в рабочих массах России, решительная война Ленина с ликвидаторами, оппортунистами и примиренцами всех мастей, создание боевой, революционной партии нового типа. Всего этого вожди II Интернационала боялись как черт ладана... Троцкий и Алексинский, бундовцы и кавказские ликвидаторы, разные группки и группочки (Ленин в письме к Инессе обозвал их всех вкупе достаточно ясным и определенным словцом: «шваль!») апеллировали к лидерам II Интернационала: пора, дескать, положить предел действиям Ленина.

Каутский предложил устроить совещание российских социал-демократов. Якобы для обмена мнений. По сути же, для «объединения» на меньшевистско-ликвидаторской базе.

Соотношение сил в русском рабочем классе было определенно в пользу большевиков; соотношение сил на Брюссельском «объединительном» совещании — такое название получило оно потом в истории нашей партии — складывалось против большевиков. Различные оппортунистические, главным образом эмигрантские, группки требовали мандатов на совещание, настаивали, чтобы их считали «самостоятельными» течениями в русской социал-демократии.

Может быть, вообще отказаться от участия в Брюссельском совещании?

Нет, Центральный Комитет партии решил принять бой — послать в Брюссель делегацию, разоблачить ликвидаторов перед лицом международного социалистического движения, добиться их капитуляции.

Задача перед делегацией поставлена не из легких. Но когда, спрашивается, большевики искали пути, чтобы были протоптанней и легче?!

Ленин пишет И. Арманд:

«По поручению Центрального Комитета обращаюсь к тебе с просьбой согласиться войти в делегацию. Расходы на поездку оплатим. Подробнейшую тактику выработаем... Ты хорошо знаешь дела, прекрасно говоришь по-французски, читаешь *Правду*... Мы еще не решили и не составили делегацию: *ищем*. Все предварительные переговоры пока. Но времени мало. Надо ОЧЕНЬ спешить!!» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, ед. хр. 3295).

Неизвестно, что именно отвечала Инесса. Но, судя по следующему письму Владимира Ильича, она отказывалась от поручения. Не потому — я в этом уверен,— что уклонялась от боевого дела или страшилась ответственности. Потому, вероятно, что сомневалась в своих силах.

Новое письмо Ленина датировано 6 июля:

«Дело, видишь ли, в том, что *крайне* важно, чтобы хотя основной доклад был прочтен д е й с т в и т е л ь н о с т о л к о м. Для сего безусловно необходим *прекрасный* французский язык,— прекрасный,— ибо иначе впечатление будет ноль,— *французский,* ибо иначе $^9/_{10}$ при переводе *пропадет* как раз для Исполнительного Комитета, *на который и надо повлиять*... Конечно, кроме прекрасного французского нужно *понимание сути дела* и такт. Кроме тебя *никого нет*. Посему прошу, изо всех сил прошу согласиться хотя бы на день...» (там же, ед. хр. 3296).

После того как ЦК утвердил делегацию (в нее вошли И. Арманд, М. Владимирский и И. Попов), через несколько дней Ленин счел необходимым еще раз поднять дух Инессы, укрепить ее боеспособность:

«Я уверен, что ты из числа тех людей, кои развертываются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту,— и посему упорно *н е в е р ю* пессимистам, т. е. говорящим, что ты... едва ли... Вздор и вздор! Не верю! Превосходно ты сладишь! Прекрасным языком твердо их всех расшибешь, а Вандервельду не позволишь обрывать и кричать. (В случае чего протест формальный ко *всему* Исполнительному комитету и угроза уйти, + письменный протест всей делегации.)» (Соч., изд. 4, т. 35, стр. 108).

В этих письмах сказывается не только мудрость Ленина — вождя партии, но и его замечательный педа-

гогический талант. Как прозорливо видит он человека, точно нацеливает его, окрыляет доверием.

Ленин по тактическим соображениям в Брюссель не поехал. Но он написал обстоятельнейшие «Доклад ЦК РСДРП и инструктивные указания делегации ЦК на Брюссельском совещании». Документы эти занимают в ленинском томе сорок страниц убористого печатного текста!

Мы здесь кратко коснемся только ленинских инструктивных указаний. Они делятся на четыре части. Дважды — «Заметки Privées» (т. е. частные); третий, небольшой раздел озаглавлен «Не в доклад», и четвертый — без названия. Владимир Ильич дает делегации и тактические установки, и практические советы, и разнообразные рекомендации. Как бы незримо присутствуя на совещании, он предусматривает всевозможные ловушки на пути наших товарищей и парирует удары, которые может им нанести противник.

Ну, например:

«Если будет сделана попытка (все равно, кем-нибудь из МСБ или из противников) «отвести» или *отодвинуть* данные о нашем большинстве, объективные данные, то обязательно попросить слово для формального заявления от имени всей делегации для формального протеста такого содержания...» (дальше дается текст заявления.— *П. П.*) (Соч., изд. 4, т. 20, стр. 496).

Приведем еще две памятные заметки Ленина:

«За опубликование протоколов конференции бороться *изо всех сил,* внеся *письменный* протест при отказе (если откажут вообще, требовать опубликования резолюций наших — *мы все равно опубликуем* — и *контрреволюций...*)» (там же, стр. 500).

«Примирительные» формулы надо *потщательнее записывать* (это — главное), затем немножечко критиковать и — • — отклонять все» (там же, стр. 502).

В письмах Ленин подробно учил Инессу, как вести полемику. «Они не любят,— указывал Владимир Ильич,— когда мы цитируем резолюции. А это лучший ответ: я де пришла сюда главным образом, чтобы передавать *оформленные,* партийные решения нашей рабочей партии. «Кто интересуется этими решениями, вот

я расскажу одно из них»» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, ед. хр. 3321).

Далее имеются указания, на какие решения партии надо сослаться. Мало того, Ленин предусматривает, как, «вероятно, поставит вопрос» Роза Люксембург; какими резолюциями отбивать возражения Каутского; как объясняться с французами...

Делегация получила прямую директиву: никаких компромиссов! Идти на окончательный и бесповоротный разрыв с ревизионистами и центристами. Делегация была до зубов вооружена и подготовлена Лениным. И делегация действовала в точном соответствии с мудрыми его инструкциями.

Неправильно было бы, однако, полагать, что делегатам отводилась лишь «исполнительская» роль. Всего ведь даже Ленин не мог предусмотреть. А обстановка, в которой действовали Инесса с товарищами, была накаленной. На совещании присутствовали представители одиннадцати различных групп — от меньшевиков-ликвидаторов до троцкистов. И лишь одна-единственная латышская делегация поддерживала большевиков. За «судейским» столом восседали признанные вожди II Интернационала, чей «авторитет» казался непоколебимым. Вандервельде, Каутский и другие ратовали за беспринципное «объединение», пытались «примирить», уговорить, что «расхождений по существу-то и нет»... Атаку вели также и с другого фланга: всячески умаляли значение большевистской партии, изображали дело так, что она, дескать, и влияния-то среди русских рабочих не имеет. И тут же делали решительный поворот: а ежели даже имеет, то это не меняет дела...

Вандервельде так прямо и заявил: не допущу, чтобы все было сведено к цифрам и доказательствам, за кем большинство. Инесса приняла вызов.

Ах, вас не интересует статистика! Это потому, что вы закрываете глаза на объективные факты. Но ведь они убийственны для ликвидаторов. Они наглядно показывают, что большинство рабочих России стоит на стороне большевиков. Вот, взгляните, сводка: данные, характеризующие действительное соотношение сил большевиков, ликвидаторов и прочих групп. Вот цифры! И пускай

другие делегации тоже заговорят сейчас языком цифр. Уклоняются? Так ведь ясно же: им невыгодно прибегать к цифрам — сразу видно, за кем идут массы!

Пришлось выдержать борьбу, прежде чем огласить на совещании доклад ЦК РСДРП,— всякие маневры предпринимались, чтобы заглушить ленинский голос. Не вышло. 17 июля, на утреннем заседании, Инесса прочла доклад. Прочла на прекрасном французском языке!

Еще несколько раз поднималась Инесса на трибуну. Она критиковала, невзирая на лица, и международных и российских оппортунистов; она решительно защищала ленинскую линию. И что же? Наступательная тактика увенчалась успехом. Соглашателям, хотя их было подавляющее большинство, пришлось «занять оборону».

Каутский — на то он и Каутский! — внес резолюцию. Уклончивая, дипломатичная, она все же, по существу, поощряла русских ликвидаторов. Опять сыр-бор разгорелся: несмотря на уговоры и угрозы, делегация ЦК РСДРП наотрез отказалась участвовать в голосовании.

В общем, эффектно задуманное брюссельское «комедийное действо» не принесло успеха его постановщикам. Нашла коса на камень.

Инесса с честью выполнила ответственное поручение. «Ваше поведение на конференции,— писал Ленин руководителю делегации,— было правильное, и вы оказали большую услугу партии» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, ед. хр. 3340. Пер. с франц.).

Принято было и официальное решение ЦК РСДРП. Оно гласит:

«ЦК выражает благодарность делегации ЦК на Брюссельской конференции за умелое и энергичное отстаивание партийной линии. ЦК просит коллегию делегатов выбрать одного представителя для доклада на съезде или конференции РСДРП в августе 1914 г.» (*В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 25, стр. 427).

Но в августе ни съезд, ни конференция собраться не смогли. В августе грянула война.

ТРИДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Конечно, тридцать — число в известной мере округленное. Точнее, тридцать один месяц. Речь идет о работе Инессы под непосредственным руководством Ленина во время первой мировой войны. Месяцы эти провела она в Швейцарии и частично во Франции. А работа охватывала многие и многие страны.

В Музее революции СССР есть красочная схема «Интернациональные связи В. И. Ленина в годы первой мировой войны». Из Швейцарии стрелки бегут в Париж, Лондон, Амстердам, Нью-Йорк, Вену, Софию, Стокгольм, Рим, Берлин, Христианию и еще в ряд городов, вплоть до маленького черногорского Цетинье... И в том, что те стрелки протянулись так далеко, есть весомая доля Инессиного труда.

Н. К. Крупская писала в «Правде» 24 сентября 1930 года, что Инесса Арманд в годы войны находилась «в первых рядах борцов против II Интернационала, против вождей, изменивших делу рабочего класса.

Она была правой рукой Ильича в его борьбе на международном фронте, принимала самое активное участие в выработке всех резолюций, переводах документов на английский и французский языки, вела переписку, завязывала связи».

К этому надо добавить публичные рефераты, прочитанные Инессой, ее выступления на международных конференциях, статьи, которые она написала, переговоры, которые она вела от имени и по поручению Ленина. И множество всякой другой подчас незаметной, но необходимой работы.

Мне уже не раз на протяжении рассказа приходилось вслух удивляться: как это удавалось Инессе справиться с такой работой? Поразительно, как много сделано ею и в военные годы. Размышляя над причинами этого, я прихожу к выводу, что к обычным для нее талантливости, работоспособности, трудолюбию, энергии и, если хотите, жертвенности надо прибавить непосредственное

ленинское руководство. Ленин умел зажигать! Поручать, требовать, проверять исполнение.

С первых выстрелов, прозвучавших на полях сражений, развалился II Интернационал. Его декларации оказались пустой фразой, его лидеры — социал-оппортунисты превратились в социал-шовинистов. Вандервельде и Плеханов стали оголтелыми оборонцами; Каутский и Троцкий, центристы, дипломатично прикрывали свои взгляды примирительными словесами, оговорками и оговорочками. В этой обстановке только Ленин, большевики выступили против течения, под лозунгами интернационализма.

5 сентября 1914 года, вечером, Ленин и Крупская приехали из Галиции в Берн. А на следующий день в пригородном лесу Ленин прочитал небольшой группке русских большевиков, нашедших пристанище в Берне, свои «Тезисы о войне». Вещи были названы своими именами: война определена как грабительская, империалистическая; социал-патриоты во всеуслышание наименованы изменниками. Выдвинута была важнейшая революционная задача: превратить войну империалистическую в войну гражданскую.

Большевики-ленинцы, оказавшиеся на швейцарском «островке», вокруг которого бушевало пожарище, начали свою героическую борьбу против войны, за мир и социализм. Инесса, мы знаем, шла в первой шеренге бойцов.

Поначалу важно было отмежеваться от социал-предателей, заклеймить их и пошире оповестить партийные организации в России и за границей о взглядах революционных марксистов на войну. Среди первоочередных мер, намеченных Лениным,— статьи, брошюры, публичные выступления, письма и т. д.— значился и реферат Инессы.

В краткой приписке В. И. Ленина к письму Надежды Константиновны, посланному В. А. и С. Н. Карпинским из Берна в Женеву 21 ноября 1914 года, читаем: «...В виду подлой националистической агитации Плеханова *очень* прошу налечь изо *всех* сил на устройство

реферата Инессы на *французском* языке: «разные течения среди русских социалистов по отношению к войне»» (Ленинский сборник XI, стр. 119).

Обратите внимание: на французском языке. Значит, выступление планировалось не для русской эмигрантской аудитории, а для швейцарских и французских социалистов. Тотчас же после краха II Интернационала Ленин начал длительную и упорную, невидную и тяжелую собирательскую работу. Подготовку к созданию III Интернационала. Для этого чрезвычайно важно распространение большевистских идей в международном масштабе. И важно установить побольше интернациональных связей.

Хочется отметить одно обстоятельство. Подобно великому своему учителю и другу — Ленину, И. Ф. Арманд не чувствовала себя чужой на чужбине.

Ленин в эмиграции — в Швейцарии, во Франции, в Польше — всегда входил в местные дела, в рабочую среду, водил дружбу с простыми людьми. Ленин всегда был тесно связан с местными социалистами, беседовал и спорил с ними, пропагандировал свои взгляды. Инесса в Бельгии, во Франции, в Швейцарии жила не как эмигрант, работающий лишь для своей партии. Нет, она была французским, швейцарским борцом. Близко сходилась с местными социалистами, близко к сердцу принимала их нужды. Участвовала в их деятельности. И наряду с этим ни на миг не отрывалась от родной почвы, не переставала быть русским социал-демократом, большевиком.

Очень болезненно переживала Инесса ужасы войны. Кругом так много горя! Осиротели тысячи матерей, овдовели тысячи и тысячи жен. На этом страшном фоне — она сознает — кажутся незначительными ее горести: одиночество, тоска по родине, боль, вызванная разлукой с детьми. Человек до чрезвычайности чуткий, восприимчивый к чужой беде, она борется сама с собой, беспощадно подавляет малейшие проявления слабости, меланхолии.

Умонастроения Инессы отражаются в ее переписке с дочерью Инной. Из Швейцарии кружным путем идут

торопливые письма в Россию, проходят военную цензуру и все же доносят до нас мысли и чувства их автора. Вот несколько кратких отрывков:

«...Война создает положительно невыносимую атмосферу! А я ведь еще из более счастливых матерей, которые никого не потеряли. И все же, говорю откровенно — невыносимо» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 25, л. 27).

«Сейчас поселилась на Hertenstein-ском озере. Природа здесь красивая, но с какой радостью променяла бы ее на наш березовый лесочек... Занимаюсь довольно много. Это все же то, что всего лучше поддерживает и спасает» (там же, л. 31).

«Нынешний год, с его ужасными и вместе с тем великими событиями, способен вышибить без всякого остатка легкомыслие из самых легкомысленных голов. Ну, а у нас с тобой вовсе уж не такие легкомысленные головы, а пожалуй, наоборот — головы, несколько склонные к серьезным размышлениям. И, прежде всего, не находишь ли ты, что величие развернувшихся мировых событий не дает возможности каждому отдельному человеку замкнуться в собственную скорлупу. Эти события похожи на какой-то могучий водоворот, который с неудержимой силой не может не втянуть всех, показывая наяву людям, как тесно их личные интересы связаны с общими их интересами» (там же, л. 13, 14).

Отсюда вывод: прочь всякую тоску-печаль! Ко всем чертям интеллигентское самокопание и унылое нытье! Работать! Не покладая рук работать, чтобы...

Об этом «чтобы» довольно прозрачно говорится в еще одном письме:

«В связи с новым годом разные пожелания приходят в голову — и не знаю, хочется ли тебе того же, что хочется мне, думаю, что да. (Мне хочется войны, но не такой, какая происходит сейчас.)» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 26, л. 50).

О какой такой «войне» мечтала Инесса, понятно всякому. За исключением, пожалуй, растяпы-цензора, проштемпелевавшего письмо...

Вернемся, однако, к работе Инессы. Попробуем составить хотя бы перечень — только самый краткий перечень, заведомо не претендующий на полноту,— дел, про-

деланных Инессой Арманд на протяжении тридцати месяцев.

Участие в конференции заграничных большевистских групп. На конференции, которая состоялась в феврале 1915 года в Берне, была избрана в новый КЗО (Комитет заграничных организаций).

Подготовка и участие в Международной социалистической женской конференции. Созыву этого первого во время войны интернационального форума Инесса отдала много сил. (Мы более подробно расскажем про это, а также про состоявшуюся вслед за женской Международную конференцию социалистической молодежи в следующей главе.)

Подготовка и участие в Циммервальдской международной конференции, которую Ленин назвал первым шагом в развитии интернационального движения против войны.

Специальная «командировка» во Францию для сплочения сил циммервальдской левой. (Эта поездка и работа, которую удалось тогда провести Инессе, заслуживают, думается, также особого рассказа.)

Участие в Кинтальской международной конференции.

На минутку прервем наш перечень, чтобы сообщить некоторые подробности.

На конференцию, созванную в апреле 1916 года в горной деревушке Кинталь, Инесса Арманд (Петрова) прибыла с мандатом от парижской группы рабочих-интернационалистов. Таков один из ощутимых результатов ее парижской «командировки».

В моих руках — открытка с горным пейзажем. Почтовый штемпель свидетельствует: «Рейхенбах. 28 IV. 16». Две фразы, наспех набросанные карандашом, Инесса адресует дочери: «На несколько дней нахожусь здесь в очень хорошеньком местечке. Вообще сюда вернулась только совсем недавно, потому и не писала так долго» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 25, л. 53).

Под словами «очень хорошенькое местечко» она разумеет Кинталь. А открытка послана дочери в самый разгар конференции.

После же ее окончания Инесса направила в Париж подробнейшее письмо-сообщение на французском языке.

Судьба этого послания небезынтересна. Оно попало в руки заграничных агентов царской полиции, подвизавшихся во Франции, и было переслано в Петербург, в департамент полиции, со специальной сопроводительной запиской заведующего заграничной агентурой Красильникова. Как явствует из той записки, Инесса Арманд адресовала свое письмо французским социалистам, но сперва его передали «в русскую социалистическую среду Парижа для ознакомления, так как в Париже еще не был получен официальный отчет о конференции» («Красная летопись», 1926, № 2, стр. 161).

Продолжим теперь наш перечень.

Переводы. С русского — на французский, английский. С иностранных языков — на русский. Переводы устные, на разного рода конференциях, собраниях и совещаниях. Переводы письменные — от текущей оперативной переписки до пухлых рукописей. Трудоемкая это штука, что понятно всякому, кто хоть немного знаком с техникой перевода. В письмах Ленина, Крупской, других большевиков то и дело встречаются фразы, вроде: «Засадить надо Инессу за перевод», «Инесса перевела», «Пусть возьмется Инесса переводить»... И думается, если бы собрать воедино все переведенное Инессой за те тридцать швейцарских месяцев, объем оказался бы огромным. Одной переводческой работы с лихвой хватило бы иному товарищу, чтобы целиком заполнить его дни. У Инессы же это была лишь часть трудов, и не самая большая...

Чтение. В балансе ее времени книги всегда занимали изрядное место. В Швейцарии особенно. Причем не просто чтение, а работа над книгой.

Раскроем письмо, посланное в феврале 1915 года из Берна в Женеву, Ольге Карпинской. В конце, как водится, постскриптум:

«За книги большое спасибо. Книга Овсянико-Куликовского называется: «Детство, отрочество и юность». № 4129. Буду вам очень благодарна, если захватите с собой. Мне так же очень хотелось бы получить: 1) Каутского. Колонизация и политика, и 2) Его же. Торговые договоры и торговая политика. Продержу их недолго. Вы знаете, что читаю очень быстро и возвращаю аккуратно» (ЦПА ИМЛ, ф. 456, оп. 1, ед. хр. 27496, л. 1).

В письмах к дочери в Россию, чуть ли ни в каждом,— поручение: достать литературу.

То в общей форме: «...выходят в России интересные новые книги и сборники, направления, которому я сочувствую,— если бы кто мог за ними следить и высылать при выходе и эти книги» (ЦПА, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 25, л. 36).

То в виде списка. В одном из писем перечислено пятнадцать названий, которые дочь должна поскорее послать. Среди этой литературы — и кадетские сборники и немарксистские книжки о войне (вроде А. Берр «Германская опасность» или кн. Е. Трубецкой «Война и мировые задачи России»), экономические труды и т. п. (там же, л. 52).

Для чего Инессе понадобились книги такого рода? Ответ на этот вопрос мы получим, когда впишем в наш перечень литературную работу.

Вот рукопись популярной статьи «Кто будет платить за войну». Она набело переписана Инессиной рукой на четырех полулистах линованой бумаги. Речь идет о налогах, прямых и косвенных, о военных доходах и расходах. Написано весьма доходчиво, по-ленински доказательно.

Известно, что в тот же период Инесса Арманд усердно трудилась над брошюрой о семье, любви и браке (к этой ее работе мы еще обратимся). Известны и другие ее журналистские выступления. Но вот любопытный «секрет»:

«Хочется еще заняться писанием нескольких рассказов, которые у меня сейчас в голове, но это маленькая слабость, в которой я сознаюсь только тебе одной...» (из письма дочери Инне в Москву из Берна. ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 25, л. 19).

Рассказы, по-видимому, так и не увидели света: не смогла Инесса Федоровна выкроить времени, чтобы написать их.

Чего еще не хватает в нашем перечне?

Публичных выступлений. Начиная с чтения платных рефератов перед небольшой квалифицированной аудиторией и кончая выступлениями на массовых митингах (к примеру, на праздновании Международного женского дня, Женева, март 1915 года).

И разумеется, переписки. Речь идет о введенной в си-

стему посылке писем. Писем-информаций, писем-инструкций. О переписке как методе пропаганды, оповещения и организации.

Закончим эту главу, обобщив слова Людмилы Сталь и других товарищей, близко знавших Инессу:

— Никто никогда не слыхал, чтобы она отказывалась от какой бы то ни было работы, сколь бы буднична, тяжела или опасна ни была та работа. Никто и никогда!

О ТОМ, КАК ТКАЛАСЬ ТКАНЬ

С первых дней войны волны шовинистического угара затуманили головы лидеров международного социализма. Разлетелись как дым все заверения и клятвы в верности социалистическим идеалам, все обещания и призывы крепить интернациональную солидарность. Все пошло прахом — и солидные резолюции, и торжественные манифесты.

В старой книжке французского автора я наткнулся на любопытную «классификацию» социал-предателей: «Социал-патриоты большинства и меньшинства, социал-империалисты, социал-пацифисты, социал-конфуционисты и социал-идиоты...» Довольно зло, но справедливо!

Немногие устояли против мутного шовинистического дурмана. Ленин выискивает этих немногих стойких, завязывает связи, протягивает им братскую руку поверх окровавленных границ. II Интернационал бесславно умер — жить будет новый, III Интернационал!

Очень трудная задача. Нити невероятно непрочны, они то и дело обрываются. Борцов преследуют, осыпают градом угроз, эти угрозы претворяются в жизнь — все тщетно. На путь борьбы с империалистической войной становятся все новые круги революционных борцов.

Инесса, по образному выражению Н. К. Крупской, «ткет первую ткань международной связи». С благословения Ленина она вступает в переписку с женщинами-социалистками. Прежде всего, с Кларой Цеткин, которая была в числе немногих лидеров германской социал-демократии, оставшихся верными революционному знамени. Инесса пишет в Англию, в Италию, в Скандинавские страны. Через Людмилу Сталь и Серафиму Гоп-

нер — русских большевичек, оставшихся в Париже, устанавливает связи с французскими социалистками-интернационалистками.

О чем идет речь? Сплочение левых социалисток, ради чего упорно трудится Инесса, кроме пропаганды большевистских взглядов имеет и ближнюю, прямую цель. Хорошо бы созвать неофициальную международную конференцию левых социалисток-интернационалисток, собраться вместе, обменяться мнениями, выработать общую точку зрения. Как бы это было здорово, пробить брешь в стене, которую война воздвигла между социалистами воюющих стран. И кому, как не женщинам — матерям, женам, сестрам и невестам солдат,— кому, как не им, поднять свой голос против вселенской бойни, развязанной империалистами. Пускай только то будет не сладко-елейный пацифистский щебет, а громкий и резкий голос революционного протеста.

Инициативу берет на себя редакция русской «Работницы», вернее, ее заграничная часть. Еще до войны, с начала 1914 года, шла подготовка к международной конференции социалисток. Возглавляла ее организацию Клара — секретарь Международного женского бюро, а Инесса готовила доклад о русских делах, вела организаторскую работу. Война все это приостановила. Теперь настало время возобновить организацию. Условия сложились новые, платформа для общения совсем иная, но «фирма» старая, так удобнее.

В архивном фонде хранится написанный рукой Инессы на французском языке черновой набросок обращения редакции журнала «Работница» к социалисткам о сплочении левых элементов и созыве международной женской конференции. Относится этот документ к ноябрю — декабрю 1914 года (ЦПА ИМЛ, ф. 456, оп. 1, ед. хр. 29358).

К тому же времени относится, по-видимому, и письмо на французском языке от имени журнала «Работница». Адресовано оно, судя по всему, Кларе Цеткин. «Мы были счастливы,— писала Инесса,— в эти тяжелые и тревожные времена, когда многие социал-демократы, и даже испытанные, отказываются от социализма, вновь найти Вас на своем посту. Как хотели бы мы пожать Вам руку!»

А чуть подальше Инесса без обиняков ставит вопрос: «Не думаете ли Вы, что было бы очень полезно созвать *неофициальную* конференцию *женщин — левых социалисток?»* (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 27. Пер. с франц.).

2 января 1915 года Клара Цеткин шлет ответ на письмо Инессы. Да, связи левых социалисток необходимы. И международная конференция, о которой печется Инесса, хотя трудности очень велики, весьма по душе Кларе Цеткин. Но...

«Под конец маленькое замечание. Вы были весьма неосторожны, написав откровенно... Ваше письмо было вскрыто и прочитано военными властями. Между Германией и заграницей разрешаются только незапечатанные письма на немецком языке. И существует достаточно признаков, которые заставляют полагать, что моя переписка находится под особым наблюдением. Итак, Вы должны писать конспиративно. Я Вам пошлю официальное незапечатанное письмо, где отклоню Вашу идею о конференции, как совершенно неосуществимую. Не удивляйтесь этому, причину Вы поймете. Если будете писать по поводу конференции, говорите о ней, как о семейном торжестве, концерте или увеселительной поездке. В ближайшее время пришлите мне открытку, сообщающую, что Вы чувствуете себя хорошо. Это будет означать, что Вы получили мое письмо» (ЦПА ИМЛ, ф. 456, оп. 1, ед. хр. 29361. Пер. с франц., стр. 3, 4).

Так Инессе преподан был предметный урок конспирации. В оправдание ее хочу только заметить, что Инесса Федоровна была опытным конспиратором-подпольщиком; промашку же допустила, наверное, потому, что не учла военных условий: введения жесткой цензуры и т. п.

Но так или иначе, а урок пошел ей впрок.

Следующее большое письмо, посланное Инессой Кларе Цеткин, целиком посвящено предстоящей... свадьбе. Инесса спешит сообщить, что перед «молодой парой открываются самые радужные перспективы радости и счастья, и, хотя мы опасались, что семья будет против этого брака, он напротив, завоевывает всеобщие симпатии и все наши родственницы выражают свои наилучшие пожелания жениху и невесте и обещают приехать на свадьбу». Далее идет миленькая болтовня о французской кузине, которая обязательно хочет присут-

ствовать на венчании и шьет для этого «красивое платье розовато-лиловатого цвета»; о другой кузине — из Голландии, о некой тете Адельгейде, о подругах и пр. Инесса высказывает надежду, что дело завершится «премилой и превеселой свадьбой» и ее, дескать, не след откладывать: «Всякое промедление, мне кажется, было бы во вред. Чем скорей, тем лучше».

Тут и дальше по тексту Инесса несколько сбивается с тона, но зато концовка письма полна прелестных женских пустячков. Корреспондентка Клары Цеткин извещает адресата о таких важнейших делах, как стирка жабо и кружевных воротничков, за которую она вынуждена приняться сама, так как боится доверить прачке свои красивые кружева, о том, как трудно их гладить, и т. д. (ЦПА ИМЛ, ф. 456, оп. 1, ед. хр. 29365. Пер. с франц.).

Я мысленно представляю Инессу поздним вечером в ее комнатке на тихой бернской улице — Дроссельвег, 23. Вот отходит она от письменного столика, устало щурит глаза, а на похудевшем лице блуждает довольная улыбка. Уф, нелегко сочинять подобную белиберду, да так, чтобы было в ней полно тайного смысла. Кажется, что письмо удалось: цензура пропустит, а Клара поймет. Но главное, «свадьба» действительно налаживается, вот в чем гвоздь.

На пути к конференции пришлось преодолеть много преград, изрядно потрудиться. Самую тяжелую ношу взвалили на себя Крупская и Арманд и тащили ее очень дружно. Многочисленные письма показывают, как тщательно обсуждались вопросы организационные и тактические, как быстро достигалось взаимопонимание, как четко шла работа.

Нет нужды приводить здесь выдержки из писем, характеризующих обстановку перед созывом конференции. Дадим все же одну цитату. Из Берна в Женеву шлет Инесса краткое письмецо Ольге Равич (Карпинской). Предлагает Ольге добиваться мандата на конференцию.

«Во всяком случае,— говорится в письме,— если бы вы не попали на конференцию как представительница от

Женевы, то приезжайте *непременно* — будете присутствовать как делегатка от России. Приезжайте *непременно.* Целую вас и непременно жду» (ЦПА ИМЛ, ф. 456, оп. 1, ед. хр. 27502).

Ну как не обратить внимание на это трижды повторенное и дважды подчеркнутое слово — «непременно». Чувствуется беспокойство Инессы о составе конференции: ведь от того, кто соберется, зависит, что скажет этот международный форум. Зависит успех или неуспех всего дела.

Опасения Инессы не были беспочвенными. Это показала конференция.

Двадцать девять делегаток от семи стран съехались в Берн и заседали с 26 по 28 марта 1915 года. Тут присутствовали представительницы воюющих держав — Англии и Германии, Франции и России; были швейцарки, голландки и полячка. И было очень радостно, что социалистки собрались вместе, находят общие слова осуждения войны, совместно призывают к миру. Да, самый факт созыва международной женской социалистической конференции — явление многозначительное и многообещающее. Но мыслимо ли ограничиться только резолюцией общего характера, пацифистскими призывами к миру, только осуждением войны?! А ведь именно так ставит вопрос большинство делегаток конференции.

И даже Клара Цеткин занимает «серединную», примиренческую позицию, идет на уступки пацифисткам, пуще всего боясь обострить отношения. (Ленин резко критиковал позицию К. Цеткин, называя пошлостью страх перед социал-шовинистами, считая «огульное объединительство» опасным и вредным для движения. Надо заметить, что Клара Цеткин позднее излечилась от своего примиренческого недуга.)

Лишь четыре русских большевички да поддержавшая их твердую позицию польская делегатка упорно отстаивали ленинские взгляды на войну и на мир.

Точка зрения большевичек: никаких умолчаний, никаких обтекаемых формулировок, способных «устроить и наших и ваших». Высказать все до конца. Заклеймить социал-предателей. Призвать трудящихся к превращению войны империалистической в войну гражданскую.

Проект резолюции, написанный Лениным и предложенный ленинцами, звучал вполне твердо: «Пролетарии всех стран имеют одного только врага, своего классового врага — класс капиталистов». Резолюция призывала работниц, чтобы свое страстное желание мира они воплотили в борьбу за социализм, и намечала программу этой борьбы.

Инесса выступила в защиту резолюции. «Мы, социал-демократы, примыкающие к ЦК,— заявила она,— считаем, что теперь должен быть выдвинут лозунг гражданской войны и что рабочее движение переходит в новую фазу...» Она доказывала, что мира можно добиться лишь революцией, что только социализм принесет избавление от войн (см. «Исторический архив», 1960, № 3, стр. 108).

Большевички остались в одиночестве. На компромисс они не пошли, а конференция не решилась пойти за ними. Но несомненно последовательная, принципиальная борьба ленинцев сыграла большую идейно-воспитательную роль. Резолюция меньшинства была занесена в протокол и опубликована. Конференция приняла воззвание-манифест к трудящимся женщинам всего мира.

Манифест начинался вопросом: «Пролетарка, где твой сын, твой муж?..»

Прошло несколько дней, и в том же Бернском народном доме собралась Международная конференция социалистической молодежи. Среди делегатов от десяти стран двое представляли русских большевиков: товарищ Инесса и товарищ Егоров, мандат которым был выписан лично Лениным. И руководил делегацией лично Ленин.

По словам одного из участников, на юношеской конференции «с трагичной идентичностью» повторилась ситуация, только что встретившаяся на конференции женской. Столкнулись две точки зрения. Расплывчато-пацифистская: «Не хотим ни войны, ни оружия, мы хотим мира для рабочих!» — и предельно четкая ленинская: «Превратить войну империалистическую в войну гражданскую!»

Председательствовавший на конференции Вилли Мюнценберг вспоминал впоследствии, что доклад о положении в России сделала Инесса, что русские товарищи

горячо отстаивали свою резолюцию по вопросу о войне и резко критиковали резолюцию, устраивающую большинство. Они требовали заострения пункта, направленного против ревизионистов.

Сам Мюнценберг не шел тогда с Лениным — он занимал центристскую позицию. На конференции резко обозначился водораздел между примиренцами и последовательными интернационалистами. Грозил конфликт. Выход из него был найден, когда делегаты большевиков встретились с руководителями конференции на квартире Ленина.

Договорились. Был принят общий манифест, а большевистскую резолюцию включили в протокол и обнародовали.

...Ровно через два года, в апреле 1917 года, в Петрограде Ленин написал брошюру «Задачи пролетариата в нашей революции». В главе «Положение дел в социалистическом Интернационале» после тончайшего анализа различных течений международной социал-демократии дана следующая оценка: «...не легко быть интернационалистом на деле в эпоху ужасной империалистической войны. Таких людей мало, но *только* в них — вся будущность социализма, *только* они — *вожди масс,* а не развратители масс» (Соч., изд. 4, т. 24, стр. 58).

Читая эти ленинские слова, я стараюсь воссоздать мысленно облик Инессы — посланца Ленина на первых международных конференциях. И с гордостью думаю о том, как много и как полезно поработала она для сплочения «интернационалистов на деле» — последовательных революционных борцов за мир, за коммунизм.

ПАРИЖСКАЯ КОМАНДИРОВКА

Опять вернемся к первым дням войны.

Только-только попав в Швейцарию, Инесса начинает заботиться о... паспорте. Очевидно, предстоят какие-то поездки, а для них необходим «чистый» документ. Его пообещали добыть Карпинские; и вот Инесса 24 августа 1914 года шлет из Лозанны письмо Ольге Карпинской, сообщает приметы «той особы», которая ждет паспорта.

Итак, приметы: «Она довольно высокого роста, довольно худая, у нее белокурые волосы (темно-белокурые), зеленые или серые глаза, длинный нос, рот обыкновенный, цвет лица сейчас загорелый, обыкновенно довольно белый».

Стоп. Не автопортрет ли перед нами? Не перед зеркалом ли он писался?.. А тут еще приписочка к письму: «Да, между прочим, если интересующая вас особа должна приехать в Женеву, то напишите — она приедет» (ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 10, ед. хр. 27493).

Хлопоты с паспортом по каким-то причинам затянулись. 24 февраля 1915 года Инесса, уже из Берна, бьет тревогу: «Паспорт очень и спешно нужен». Потому она убедительно просит Ольгу Карпинскую поторопиться и повторяет: «Паспорт очень нужен» (ЦПА ИМЛ, ф. 456, оп. 1, ед. хр. 27496).

Наконец-то вот она в руках, зелененькая книжица — русский заграничный паспорт, выданный с соблюдением всех правил «в Баку февраля 17 дня 1911 года» для свободного проезда за границу дочери отставного майора Софии Николаевне Поповой. На листках книжки — штампы всевозможных виз и регистраций. Выцветшее фото владелицы с ее собственноручной подписью: «S. Popoff».

На фотографии — Инесса.

Этим паспортом она пользовалась, как о том свидетельствуют ее товарищи по швейцарской эмиграции, до самого отъезда в Россию весной 1917 года.

«Мадемуазель Софи Попова» в Париже. Как он изменился, любимый город! Война наложила свой отпечаток и на внешний вид Парижа и на облик парижан. Нет прежней, искрометно-веселой толпы, лица людей сосредоточены, на многих траур... Все это до слез трогает Инессу. Но нет времени ни для того, чтобы предаваться воспоминаниям, ни тем паче — для того, чтобы унывать.

Инесса приехала сюда с ответственным ленинским поручением. Приехала после Циммервальдской конференции и перед Кинтальской. Для укрепления связей с французскими социалистами. Для того, чтобы распространить идеи циммервальдской левой среди французских рабочих. Для помощи парижской группе большевиков,

Первым долгом надо было наладить издание литературы, что в военных условиях — это понятно каждому — сложнейшее дело. Инесса перевела на французский язык ленинскую работу «Социализм и война». Теперь предстояло издать брошюру, да так, чтобы цензура не наложила на нее свою лапу. С помощью французских товарищей и русских эмигрантов-наборщиков несколько тысяч экземпляров ленинской книги вышли в свет; «Социализм и война» попала на фабрики и заводы Парижа.

Типографским способом, на шапирографе, а то и на пишущей машинке размножались антивоенные большевистские листовки, статьи из левых газет и журналов, специально написанные листки. Рассылка двадцати пяти машинописных копий нужной статьи была уже событием, о котором Инесса извещала Ленина и Крупскую. А выпуск на французском языке тысячи экземпляров резолюций циммервальдской левой иначе как подвигом не назовешь.

Однако еще больше труда и нервов, чем издательская деятельность, требовала деятельность организаторско-пропагандистская. Та, что скрыта под общей фразой: завязывание связей.

Сохранилось несколько писем Инессы из Парижа, адресованных В. И. Ленину и Н. К. Крупской в Швейцарию. Открытой почтой и тайно, например в корешке книги, Инесса информирует о своих успехах и неудачах, советуется, просит инструкций. В этих письмах (их обильно цитирует Надежда Константиновна в известном нам сборнике «Памяти Инессы Арманд») то и дело попадаются такие сообщения:

«...Успела здесь перевидать людей видимо-невидимо... Последние два-три дня только и делала, что переходила от одного свидания к другому».

«За последние дни столько новых впечатлений и встреч, что голова идет кругом».

«Устаю, правда, здорово, утомляют дела, и, например, сегодня ждала свидания 4 часа».

Она взялась за французских «циммервальдийцев» Мерргейма и Бурдерона. На конференции они примкнули к левой, но, увы, оба не были борцами. И Артур Мерргейм — секретарь национальной федерации металлистов и Альбер Бурдерон — «папаша Бурдерон», как его звали

в партии, секретарь федерации бочаров — были далеки от ленинских позиций. Один из историков метко окрестил их «бессильными краснобаями».

Важно было хотя бы на первых порах использовать влияние Мерргейма и Бурдерона, поддержать в них боевой дух, не дать скатиться в пацифистско-центристское болото. Одновременно необходимо было искать и находить новых людей, воспитывать и объединять настоящих борцов.

Бурдерон и Мерргейм, вернувшись из Циммервальда, учредили в Париже Комитет по восстановлению международных связей. Инесса вошла в этот комитет в качестве представителя большевиков. Ей пришлось здорово повоевать за ленинскую линию... Эти нерешительные, половинчатые «революционеры», больше всего на свете опасающиеся раскола; ох уж эти пужливые оппортунисты, до чего же они ненавистны Инессе! Вот-вот готова она взорваться, поднять бучу, но сдерживается, берет себя в руки и снова начинает планомерную осаду. Агитирует, объясняет, разоблачает хитроумные маневры приспособленцев, вносит поправки в проекты резолюций.

Можно ли, однако, ограничиться внутрикомитетской борьбой? Нет, конечно. Инесса пишет В. И. Ленину: «В итоге первых моих впечатлений думаю, что сверху, т. е. через мерргеймовский комитет, едва ли можно будет сделать что-либо в короткий срок. И потому будем усердно посещать его собрания и сделаем там что можно, но надо искать других путей — попытаться действовать снизу» (сб. «Славные большевички». М., Госполитиздат, 1958, стр. 84).

Такая тактика вполне отвечала ленинским установкам. Инесса начинает действовать снизу. В первую голову — среди оппозиционно настроенной (по отношению к шовинистическому руководству) социалистической молодежи департамента Сены. Именно тут нащупала Инесса уязвимое место социал-патриотов. И добилась присоединения к циммервальдской левой департаментской организации социалистической молодежи. Потом в одной из парижских секций профсоюза механиков оказалось «несколько отличных парней», согласившихся выслушать Инессу и принявших резолюцию в духе циммервальдской левой. Затем была пробита брешь в профсоюзе портных, еще одна брешь — в профсоюзе землекопов.

Кропотливую, малозаметную, изнуряющую, порой опасную работу Инессы и сегодня помнят и поныне чтят французские коммунисты. Морис Торез отмечает в статье «Октябрь указал нам путь»: «...Циммервальдская левая также начала обретать почву во Франции. Главным образом благодаря усилиям Инессы Арманд, которая была связана непосредственно с Лениным, идеи левой проникли в ряды Федерации социалистической молодежи департамента Сены, в парижские профсоюзы механиков и металлургов, в организации землекопов и портовых рабочих» («Вопросы истории КПСС», 1957, № 3, стр. 87).

Устанавливаются связи и во французских войсках. Инесса вынашивает проекты специальных изданий для солдат; советуется по этому поводу с Лениным, высказывая мнение, что такую же работу одновременно следовало бы вести и в германской армии. Нити большевистской антивоенной пропаганды проникают в лазареты, в лагеря военнопленных, в казармы русского корпуса, дислоцированного во Франции.

Поражают масштабы работы, которую Инессе удалось провести за недолгий срок парижской командировки. И здесь, разумеется, была она организатором, работала вместе с товарищами — с большевиками, жившими тогда в Париже: Людмилой Сталь, Серафимой Гопнер, Т. Людвинской и другими,— вместе с французскими друзьями.

Характерно, что, кроме того, сумела она, получив читательский билет в Национальную библиотеку, вволю порыться в ее каталогах, посидеть над книгами.

Покинула Париж «мадемуазель Софи Попова» лишь перед самой Кинтальской конференцией — в конце апреля 1916 года.

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ, СОВЕТЧИК, ДРУГ

Мы помним: в 1904 году Инесса прочла только что вышедшую в свет ленинскую работу «Шаг вперед, два шага назад». И накрепко усвоила ленинскую мысль: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации».

Личное знакомство состоялось спустя пять лет в Париже.

С того дня и до последнего вздоха вся жизнь Инессы Арманд освещена дружбой Ленина.

Инессу по праву можно назвать верной ученицей Владимира Ильича. Помогая Ленину, являясь его переводчиком и секретарем, разъездным агентом и информатором, выполняя тысячи больших и малых его поручений, она стала одним из наиболее доверенных товарищей Ленина. Старая большевичка Т. Ф. Людвинская в недавно вышедших воспоминаниях формулирует это так: «Ленин не раз дает Инессе поручения, выполняя которые она проникается ленинским духом борьбы и становится виднейшим членом нашей партии» («Исторический архив», 1962, № 4, стр. 157).

Инесса постоянно и серьезно училась у Ленина.

Училась читать книги и разговаривать с людьми; полемизировать с идейными противниками и выслушивать друзей; выступать публично и оттачивать формулировки партийных документов.

Училась прямоте и честности во взаимоотношениях, непримиримости ко всякого рода приспособленчеству и приспособленцам, умению проникать в души людские и завоевывать эти души.

Училась ленинскому стилю работы и жизни, мышления и борьбы.

Но вот что характерно: индивидуальность Инессы не растворилась, не пропала. Она преклоняется перед гением революции, не теряя ни самостоятельности, ни прямоты. Она идет вслед за Лениным, всегда сохраняя достоинство борца, способность к самостоятельному анализу. Она не страшится спорить с Лениным, хотя признает его безусловное превосходство и в теоретических вопросах и в практических революционных делах. Его советы дают ей возможность разобраться в обстановке, увидеть перспективы движения, точно нацелить удар. Его доверие окрыляет. Тем не менее она готова отстаивать свои взгляды на тот или иной предмет, защищать их, дискутировать — и отступает, только убедившись в своей неправоте.

И еще. Изучая жизнь и деятельность Инессы Федоровны Арманд, вникая в ее письма, в различные документы, в воспоминания родных и друзей, автор этой

книги никогда не мог обнаружить у своей героини ни зазнайства, ни лукавства, ни притворства. Быть может, лишь чрезмерную скромность да в иных случаях излишнюю прямолинейность.

Ленин очень ценил Инессу. Она была другом Надежды Константиновны, близким человеком в семье Ульяновых. Но прежде всего она была преданнейшим работником партии, до конца верным единомышленником, твердокаменным большевиком. Владимир Ильич гордится успехами Инессы, радуется ее удачам. Он всегда готов прийти на помощь, поддержать, подсказать.

Зимой 1917 года Инесса прочитала в городах романской (французской) Швейцарии несколько рефератов для местных социалистов. Темы — наиболее жгучие темы современности: о войне и революции, о защите отечества и пацифизме, о демократии, подлинной и мнимой... То было поручение Ленина. И Владимир Ильич внимательно следил за подготовкой рефератов, не жалея сил, помогал их автору.

«Вчера был Ваш реферат, и я нетерпеливо жду известий, как сошло»,— пишет он Инессе в Кларан 22 января 1917 года. Чуть дальше в том же письме Ленин возвращается к вопросу о реферате:

«Я думаю, Ваш вчерашний реферат Вам бы следовало рассматривать, как *репетицию*, и подготовить его повторение в Женеве и Лашодефоне: над этой темой стоит поработать и реферировать о ней *не* раз. Польза будет швейцарцам громадная. Пишите *детальнее, как* Вы ставили вопрос, *какие* аргументы выдвигали, что́ Вам возражали и т. д.» (Соч., изд. 4, т. 35, стр. 221).

Спустя неделю Владимир Ильич шлет Инессе необходимые ей газетные вырезки, взятые «только до субботы», и просит: «верните (мне) ***тотчас*** после реферата» (там же, стр. 223). А еще через несколько дней считает необходимым похвалить Инессу: «Очень рад был Вашему письму. План Вашего реферата мне очень нравится. Непременно советую повторить его...» И дальше дает детальные рекомендации, как и чем следует дополнить план (см. там же, стр. 226).

Если же Инессе случалось сделать неверный шаг, Ленин — порой мягко, а порой и резко, но всегда без обиняков — указывает на ошибку, настойчиво доби-

вается, чтобы она поняла, в чем именно заключается суть ошибки, каковы ее причины и следствия и как лучше ее изжить. Притом — ни менторских поучений, ни окриков. Деликатно, откровенно и свободно.

По образному выражению французского биографа И. Арманд Жана Фревиля, Ленин словно протягивает Инессе руку, помогая преодолеть трудный и опасный переход...

Из обильной переписки Ленина с Инессой Арманд (в одном лишь тридцать пятом томе Сочинений В. И. Ленина помещены двадцать три письма, адресованных Инессе) приведем здесь еще несколько выдержек. Для примера. Для показа того, как Ленин направлял деятельность Инессы, как помогал формировать ее мировоззрение.

Инесса давно вынашивала идею написать брошюру для работниц по вопросам брака и семьи, любви и взаимоотношения полов. Словом, по волнующим, «проклятым», извечным вопросам. Хотелось дать на них ответ с марксистских позиций, ответ современный, революционный.

Книжка должна быть популярной, но тема весьма сложна, так как вопрос совершенно не разработан и путаница в нем большая. Инесса составляет план будущей брошюры (он нам известен по письмам Владимира Ильича), пытается систематизировать материал, придать ему некую стройность, марксистски обосновать. И совершает ошибку, выдвинув требование «свободы любви». То ли недодумала, то ли отдала дань модной в те годы терминологии.

В двух письмах — от 17 и от 24 января 1915 года — Ленин из Берна рецензирует составленный Инессой план брошюры. Письма эти спокойны, немногословны, но вполне определенны.

Первым долгом Владимир Ильич советует составить план поподробнее, а то многое в нем неясно. «Одно мнение,— пишет Ленин,— должен высказать уже сейчас:

§ 3 — «требование (женское) свободы любви» советую вовсе выкинуть.

Это выходит действительно не пролетарское, а буржуазное требование». Далее Владимир Ильич перечисляет десять параграфов-«оттенков» того, что можно понимать под требованием «свободы любви», и доказывает,

что лишь первые два из них — свобода от материальных расчетов и свобода от материальных забот — важны для пролетариата. Что же касается остальных восьми параграфов, то «сие есть не пролетарское, а буржуазное требование» (Соч., изд. 4, т. 35, стр. 137—138).

На первое ленинское письмо последовал ответ Инессы: она стремится отстоять свой взгляд. Ленин незамедлительно шлет второе, более обстоятельное письмо. Он камня на камне не оставляет от концепции «свободной любви», объясняя, почему именно отвечает она буржуазным «запросам».

«По поводу Вашего плана брошюры я находил,— пишет Ленин,— что «требование свободы любви» неясно и — независимо от Вашей воли и желания (я подчеркивал это, говоря: дело в объективных, классовых отношениях, а не в Ваших субъективных желаниях) — явится в современной общественной обстановке буржуазным, а не пролетарским требованием.

Вы не согласны.

Хорошо. Рассмотрим дело еще раз» (Соч., изд. 4, т. 35, стр. 139).

Далее идет терпеливое рассмотрение по пунктам, обоснованный разбор, решительное отвержение ошибочных положений. Эта ленинская аргументация стала основополагающей в вопросах коммунистической нравственности. А вывод в письме таков:

«Право же, мне вовсе не полемики хочется. Я бы охотно отбросил это свое письмо и отложил дело до беседы. Но мне хочется, чтобы брошюра была хороша, чтобы из нее никто *не мог* вырвать неприятных для Вас фраз (иногда *одной* фразы довольно, чтобы была ложка дегтю...), *не мог* Вас *пере*толковывать. Я уверен, что Вы и здесь «против воли» написали, и посылаю это письмо только потому, что может быть Вы обстоятельнее разберете план в связи с письмами, чем по поводу бесед, а ведь план вещь очень важная» (Соч., изд. 4, т. 35, стр. 141).

Инесса брошюры не написала. Сейчас трудно сказать, что послужило тому причиной. Ясно лишь одно: ленинская критика опровергла ее доводы, писать же, не считаясь с мнением Ленина, она не могла.

К ноябрю и декабрю 1916 года, к январю 1917 года относятся несколько ленинских писем, посланных им

Инессе из Цюриха в Сёренберг и Кларан. В этих письмах Ленин с удивительным терпением разъясняет своему корреспонденту правильный взгляд на проблему защиты отечества. И решительно отвергает толкование этой актуальной проблемы, изложенное Инессой с нарушением принципа историзма.

Посмотрим, как Ленин объясняет:

«*Вообще* же говоря, мне сдается, что Вы рассуждаете как-то немного односторонне и формалистично. Взяли *одну* цитату из «Коммунистического манифеста» (рабочие не имеют отечества) и хотите как будто без оговорок применять ее, *вплоть до отрицания национальных войн.*

Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» (Соч., изд. 4, т. 35, стр. 200).

Оспаривая неправильное толкование высказываний Энгельса, взятых Инессой вне зависимости от исторических условий, Владимир Ильич объяснял: «Нет. Нет. Энгельс *не* непогрешим. Маркс *не* непогрешим. Но за указание их «погрешностей» надо браться иначе, ей-ей, совсем иначе. А то Вы 1000 раз неправы» (там же, стр. 214).

Через некоторое время в другом письме читаем: «Насчет защиты отечества. Мне было бы архинеприятно, если бы мы разошлись. Попробуем еще спеваться» (там же, стр. 215). И Ленин опять с величайшим терпением, без устали разъясняет, дает «материал для размышлений».

Он непримирим, когда речь идет о вещах принципиальных. Тут он бывает просто резок: «Ваши нападки на Энгельса, по моему убеждению, верх неосновательности. Извините за откровенность: надо много посерьезнее подготовиться, прежде чем так писать! Иначе осрамиться легко — предупреждаю entre nous, по-дружески, с глазу на глаз, на случай, что Вы когда-либо в печати или на собрании *так* заговорите» (там же, стр. 218).

Но в других письмах, после весьма решительных, а порой и сердитых слов, Владимир Ильич не забывает справиться о здоровье Инессы, крепко пожать руку своему оппоненту, узнать, не нужны ли ей книги, или снабжает письмо таким постскриптумом:

«А на лыжах катаетесь? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам — обязательно. Хорошо на горах зимой! Прелесть и Россией пахнет» (там же, стр. 210).

Письма Ленина к Инессе неизменно носят дружеский характер. Дело не в том, разумеется, что каждое письмо Владимира Ильича начинается с неизменного «Дорогой друг!» (иной раз русское обращение заменяется английским: «Dear friend!»),— дело в существе писем. Не могу припомнить ни одного случая, когда бы Владимир Ильич отказался от стремления «спеваться»; он всегда готов найти общий язык, растолковать. Не могу также припомнить и такого случая, когда бы Инесса упорствовала в своих ошибках. Спорит, доказывает, мобилизует всю свою эрудицию, чтобы отстоять свои взгляды,— и принимает, может быть не сразу, но принимает, к руководству и исполнению ленинскую трактовку, ленинскую точку зрения, ленинские установки. И не потому, что Ленин подавлял ее, а потому, что Ленин убеждал ее.

Так было и в теоретическом вопросе об отношении Энгельса к войне. Объективности ради напомним, что учение о войне еще разрабатывалось Лениным в то время, когда он вел с Инессой переписку на эту тему. Вскоре Инесса, убежденная Владимиром Ильичем, признала правоту его взглядов.

Так случилось — один раз — и в годы Советской власти. По вопросу о Брестском мире Инесса заняла неправильную позицию. В марте 1918 года на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов она оказалась в числе тех делегатов, кто воздержался при голосовании о ратификации мирного договора. Не поняла тогда гениальной ленинской тактики компромисса. Вернее, уразумела не сразу. Но ошибки своей не углубила и скоро, как это явствует из писем к дочери, признала полную правоту Ленина.

Письма Ленина всегда проникнуты теплой заботой об Инессе. В этой связи здесь уместно остановиться на нескольких записках Владимира Ильича, посланных Инессе Арманд в феврале 1920 года.

То была трудная зима.

Завьюженная, застуженная, заметенная снегом Москва. Голодная, погруженная в темноту. Но живая. На-

пряженная, ощетинившаяся, трудовая. Устремленная вперед.

Инесса хворает. Об этом узнал Владимир Ильич — и вот из Кремля на Неглинную (ныне Манежную) улицу, в квартиру Арманд, одна за другой приходят торопливые записки.

В первой Ленин просит Инессу черкнуть два слова о здоровье: телефон не работает, поэтому приходится писать. А телефон «я велю починить». Вторая записка более подробна. Ленин сообщает о болезни Надежды Константиновны, у нее высокая температура; нездоров и сам Владимир Ильич: «Только что встал и не выхожу». Потому не может он выполнить поручение жены и навестить Инессу. И Ленин просит сообщить, не надо ли ей чего для лечения. Просит сообщить откровенно. В следующей, третьей по порядку, записке Ленин осведомляется, был ли у Инессы доктор и что тот сказал. Дважды подчеркивается, что следует точно выполнить все предписанное врачом. И вот четвертая записка:

«16—17 февраля 1920.

Выходить с t 38° (и до 39°) это прямо сумасшествие. Настоятельно прошу Вас не выходить и дочерям сказать *от мѐня,* что я прошу их следить и *не выпускать* Вас

1) до *полного* восстановления нормальной температуры

и 2) до разрешения доктора.

Ответьте мне на это непременно точно.

(У Надежды Константиновны было сегодня, 16 февраля, утром 39,7, теперь вечером 38,2. Доктора были: жаба. Будут лечить. Я *совсем* здоров).

Ваш Ленин.

Сегодня, 17-го, у Надежды Константиновны уже 37,3».

Едва ли требуются какие-либо комментарии к этим запискам (они опубликованы в XXXV Ленинском сборнике, стр. 108—109). Прибавим к ним относящуюся к тому же периоду еще одну записку Владимира Ильича.

«Дорогой друг!

Итак, доктор говорит, воспаление легких.

Надо архиосторожной быть.

Непременно заставьте дочерей звонить мне (12—4) ежедневно.

Дорогой друг!

Итак, доктор говорит, воспаление легких.

Надо <u>архиосторожной</u> вдвое.

Непременно заставьте дочерей звонить мне (12-4) ежедневно.

Напишите <u>откровенно</u>, чего не хватает? Есть ли дрова? Кто топит?

Автограф письма В. И. Ленина
Инессе Арманд

Март 1920 года

Напишите откровенно, чего не хватает?

Есть ли дрова? Кто топит?
Есть ли пища? Кто готовит?

Компрессы кто ставит?

Вы уклоняетесь от ответов — это не хорошо. Ответьте хоть здесь же, на этом листке, ПО ВСЕМ ПУНКТАМ.

Выздоравливайте!

Ваш Ленин.

Починен ли телефон?» (См. «Известия», 21 апреля 1962 г.).

Четырехкратные подчеркивания и дотошное стремление узнать мельчайшие обстоятельства быта заболевшего товарища обусловлены не только обычной для Владимира Ильича внимательностью и заботливостью, но и тем, я думаю, что он слишком хорошо знал, с кем имеет дело. Знал Инессу, ее способность к самозабвению.

В последние годы, в Советской России, эти свойства ее характера проявились особенно широко. Ярый враг каких бы то ни было привилегий, она не допускала — ни для близких своих, ни тем паче для себя — ни малейших поблажек, ни мельчайщих послаблений. Мне кажется, что в чем-то Инесса даже перебарщивала: уж слишком пренебрегала своим здоровьем, своими удобствами. Всю себя, без остатка, отдавала работе.

Девиз ее был четким и ясным: «Звание коммуниста налагает много обязанностей, но дает лишь одну привилегию — первым сражаться за революцию».

Как же отвечала Инесса на теплую заботу своего Великого Друга?

Вот открывок из письма Инессы, посланного ею дочери Инне в Астрахань, где осенью 1918 года молодая коммунистка вела работу в Красной Армии. Листики, вырванные из блокнота и торопливо исписанные карандашом.

«Мы все здесь были очень потрясены,— пишет Инесса,— покушением на Ленина. Теперь он уже совсем поправился и уже работает. Хотя кость, конечно, еще не заросла. На массы, да и даже на нас всех это событие имело громадное влияние — оно как-то еще крепче и теплее сплотило нас, а что касается Ленина, то мне кажется, что и мы все и сами массы еще лучше поняли, как он

нам дорог и как он необходим для дела революции — мы все, лучше, чем когда-либо, поняли, какое великое значение он имеет для нас» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 29).

Так злодейское покушение на Ленина, ранение Владимира Ильича, несчастье, пережитое народом, побудило Инессу сформулировать свое отношение к Вождю, Человеку, Другу.

ДОМОЙ!

...Ленин послал Инессе из Цюриха в Кларан, где она жила, совсем маленькое письмецо. Послано оно было 15 марта 1917 года и начиналось, как обычно, с обсуждения текущих практических дел. Но им — выпуску очередного листка — посвящалось лишь несколько первых фраз, а дальше шло ошеломляющее известие: в России революция. Цюрихские газеты поместили об этом телеграмму. «Коли не врут немцы, так правда,— писал Владимир Ильич, стараясь сохранять спокойный тон. Но тотчас же дал волю нахлынувшим чувствам.— Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно.

Я *вне* себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!» (Соч., изд. 4, т. 35, стр. 237).

Февральская революция совершилась, царское правительство было низложено. Естественно стремление Ленина — быстрей домой, в гущу событий, к рабочим массам!

Владимир Ильич и его товарищи — русские большевики, эмигранты в Швейцарии — потеряли покой. Спят и видят родину. Скорей, скорей ехать!.. Однако не так-то просто попасть в Россию. Правительства Англии и Франции наотрез отказываются пропустить русских эмигрантов-интернационалистов. Оба эти правительства боятся Ленина, боятся большевистской антивоенной пропаганды. Тогда возникает план проезда через Германию.

Заграничная коллегия Центрального Комитета большевиков принимает решение возвращаться через Германию. Вилли Мюнценберг, на которого мы уже однажды ссылались, вспоминает: «Ленин взвесил все политические

последствия, какие могла бы иметь поездка через Германию, и предвидел использование этого факта со стороны фракционных противников. И, тем не менее, он все время повторял: «Мы должны во что бы то ни стало ехать, хотя бы через ад!»» («С Либкнехтом и Лениным». М. — Л., 1930, стр. 147).

Через швейцарских социалистов ведутся переговоры. Они затягиваются — какая пытка ждать! Инесса в эти дни с Лениным и Крупской. Она решила бесповоротно: поступить так, как поступят ее друзья.

Фриц Платтен, швейцарский социалист, берется уладить дело, ведет переговоры с германскими властями.

Но вот согласие получено. По предложению Ленина представители французских, немецких, польских и швейцарских социалистов составляют так называемый протокол, в котором во всеуслышание одобряют шаг, предпринимаемый большевиками,— другого пути у русских товарищей нет!

Анри Гильбо — француз, один из тех, кто скрепил протокол своей подписью, рассказывал потом: «Мы все вместе поужинали в Народном Доме (в Берне.— *П. П.*), а затем в полночь направились в заваленную газетами и бумагами комнату... Арманд прочитала протокол сперва на немецком языке, потом на французском и затем передала его мне. Я подписался и передал документ Лорио...» (*А. Гильбо.* Владимир Ильич Ленин. Л., 1925, стр. 159).

То было в ночь с 6 на 7 апреля. 8 апреля Ленин написал «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». В тот же вечер в Бернском народном доме, где собрались все отъезжающие, письмо получило их единодушное одобрение. Вместе с другими Инесса от души посылает прощальный братский привет швейцарским товарищам, с которыми ей довелось немало поработать за эти годы.

9 апреля все отъезжающие собрались в Цюрихе, пообедали в ресторане «Цюрингер хоф». Пора и на вокзал. В 15 часов 10 минут поезд трогается. Прощай, Швейцария!

Расставание обычно порождает грусть, обычно, но только не сейчас... Сейчас три десятка русских эмигрантов — все население вагона, которому предстоит совершить дальнее и опасное путешествие, охвачено величайшей радостью. Едем домой! Навстречу бурям и грозам

пролетарской революции. Едем вместе с вождем революции, с Лениным! Торопись паровоз,— мы едем домой, к своей партии, к своему народу!

Уже в вагоне, но еще на территории Швейцарии все участники подписали заявление о том, что им известны условия, на которых поездка разрешена, что они будут подчиняться всем распоряжениям руководителя поездки Платтена, что им известны сообщения об угрозах Временного правительства объявить проезжающих через Германию государственными изменниками и что всю политическую ответственность за эту поездку каждый берет исключительно на себя. Под этим документом подписалась и Инесса Арманд. Вот ее решительный росчерк. Среди подписей Ленина и Крупской, Григория Усиевича и Елены Кон, Михи Цхакая, Равич и других.

Историческая встреча на площади перед Финляндским вокзалом в Петрограде 3 (16) апреля 1917 года. Людское море; транспаранты и красные знамена, колышущиеся над толпой; феерический свет прожекторов с Петропавловской крепости; броневики; почетный караул кронштадтских моряков; рабочие картузы и кепки, солдатские папахи и матросские бескозырки, взлетающие в воздух... До слез волнующая атмосфера встречи революционным народом любимого вождя революции.

Инесса и не пытается скрыть свои слезы. Ради этого, ради таких минут поистине стоит жить!

Ленин — на броневике. Взметнув руку, Ленин восклицает:

— Да здравствует социалистическая революция!

И многотысячная толпа внимает слову вождя.

(Потом эти мгновения будут запечатлены в многочисленных произведениях живописи и скульптуры, на монументальных панно и на ленте кинематографа. Потом. Но теперь Инесса, тесно сжатая толпой, запоминает эту картину ликующей площади и этот ленинский силуэт, четко выписанный на фоне серого петроградского ночного неба. Запоминает на всю жизнь.)

Медленно трогается броневик. За ним двинулись автомобили, в которых разместились приехавшие. Вслед за ними «вся толпа массою пошла за мотором до дворца Кшесинской, где митинг и продолжался» — так гласил отчет в «Правде», опубликованный через день, 5 (18) апреля.

Еще одна петербургская ночь. Вернее, чуть брезжущее утро — четыре часа утра. В зале звучат мощные аккорды «Интериационала» — только что закончилась VII Всероссийская (Апрельская) конфереиция партии. Первая конференция, которую большевики смогли провести легально в России. Конференция, прииявшая леиинский план борьбы за перерастаиие революции буржуазио-демократической в революцию социалистическую.

Инесса — делегат Апрельской партийной конфереиции. Вместе с другими делегатами оиа проголосовала за лииию партии, иамеченную Леииным.

ПРАВДА И ЖИЗНЬ — ЗА НАС!

Слово предоставляется... Хотя повременим миiутку, сперва процитируем нужное иам место воспоминаиий, а уж потом расскажем, кому они прииадлежат. Итак:

«...Мы столкнулись с ней в переполиеииом рабочими и солдатами Екатеринииском зале Таврического дворца. В этой кипящей толпе, строгая и как будто холодная, оиа пламенно отстаивала лозунги немедленной социалистической революции. Я попытался несколько охладить ее. Но иет — она оказалась «заряжениой» на все сто процеитов. С этим зарядом оиа уехала в Москву, там всеми силами готовила Октябрь и увидела его торжество».

Цеииое свидетельство, не правда ли? Напечатано оно в сборииĸе «Памяти Инессы Арманд» (стр. 38), а прииадлежит Л. Камеиеву. Капитулянт, предавший партию в дни Октября, ои иевольно расписался в собствеином оппортунизме («пытался иесколько охладить ее»!). Нас, однако, иитересует не постыдная «осторожность» Каменева — привлекает иас революциониая пламеиность Иiессы.

В момент крутого перелома, в марте — апреле 1917 года, далеко не все деятели большевистской партии сумели правильно определить свое отношение к Временному правительству, к войне. Инесса шла вместе с Лениным, твердо защищала ленинский курс на социалистическую революцию.

19—21 апреля (2—4 мая) в Москве собралась областная конференция Центрально-промышленного района РСДРП(б). Инесса, выступив в прениях, отстаивала Апрельские тезисы Ленина, призывала неустанно разоблачать деятельность Временного правительства, «так как оно контрреволюционно по самой своей природе». Протоколист так записал слова Инессы об отношении к войне: «Я стою за братание в траншеях и настаиваю на том, чтобы в это братание вложить определенное содержание, а именно: каждый должен обратить свое оружие против собственного правительства» («Пролетарская революция», 1929, № 10, стр. 148, 163).

После Апрельской конференции Инесса переехала в Москву. Вполне естественно горячее стремление матери жить вместе со своими детьми. Что же касается живого революционного дела, то и в Москве его не занимать стать.

Без промедления Инесса берется за работу.

Первым долгом — это выступления на партийных собраниях по текущему моменту: обоснование и защита исторических Апрельских тезисов Ленина, сплочение московских большевиков.

Очень скоро Инесса становится популярным оратором и лектором партии — ее знают в районах, на заводах и фабриках, заявки на ее выступления все чаще приходят в Московский комитет.

В мае МК РСДРП(б) открыл курсы для подготовки агитаторов и пропагандистов. По курсовой программе, напечатанной в газете «Социал-демократ», три лекции посвящаются истории Интернационала. А лектор — Инесса.

А вот извещение в органе МК партии «Социал-демократ» от 25 мая:

«В пятницу 26 мая, в 7 час. веч., лекция товар. Инессы на тему «Работница и классовая борьба». Плата за вход 10 коп., для членов клуба бесплатно. Сбор поступит в пользу с.-д. рабочего клуба. Запись в члены РСДРП, 8-я Сокольничья, д. № 31».

В среду, 31 мая, как сообщает газета, такую же лекцию Инессы устраивает уже не Сокольнический, а Рогожско-Басманный комитет большевиков...

О многом говорят незатейливые эти извещения — доносят до нас неповторимый аромат эпохи, обогащают знанием деталей.

Побывала она в Пушкине. Но не для того, чтобы предаваться лирическим воспоминаниям (хотя, несомненно, нахлынули и воспоминания). Для того, чтобы подбросить горючего в костер революции.

Николай Петрович Буланов вспоминает, как в апреле 1917 года Инесса Федоровна Арманд предложила ему организовать Совет рабочих депутатов. «Инесса рассказала, как ехала вместе с Лениным из эмиграции, как их не пропускали и как приехали. После ее приезда я связался с Петром Шабановым (он участвовал с Фрунзе в Иваново-Вознесенске). Организовали с ним Совет рабочих депутатов».

То же подтверждает Аграфена Дмитриевна Курбанова: «Вожаками были Н. П. и П. П. Булановы, которые имели связь с Инессой Арманд. От женщин я прошла в фабричный комитет. Там были эсеры, меньшевики. Мы с Булановым — за большевиков. Буланов говорит: «Надо организовать Совет. Велела Арманд Инесса». (Записи рассказов старых пушкинских рабочих хранятся в Государственном историческом музее — ф. 433, ед. хр. 34.)

В июне 1917 года Москва выбирала городскую думу. По списку № 5 — большевистскому списку — среди других была выдвинута кандидатура Инессы.

Вся официальная кадетско-эсеровская пропаганда обрушила мутные потоки лжи и клеветы, вылила ушаты грязных чернил на большевистских кандидатов. Вот один лишь образчик — заметка в «Русском слове» от 25 июня:

«...Люди из безопасного далека приехали к нам, когда свершилась революция.

На готовое.

В запломбированных немецких вагонах.

Что же, скажем гостям: приходите, берите наше добро, владейте, распоряжайтесь!

Да не будет этого позора!

Не допустит этого Москва.

Не голосуйте за список № 5!»

Не помогли, однако, никакие подлые ухищрения. Двадцать три гласных были избраны в городскую думу по списку большевиков. Среди них рядом с Ольминским, Скворцовым-Степановым, Штернбергом, Подбельским и другими испытанными бойцами партии место на депутатской скамье заняла Инесса.

Большевики-депутаты пользовались всяким подходящим — а иной раз и неподходящим! — поводом, чтобы найти применение думской трибуне: разоблачали лицемерие кадетско-эсеровских краснобаев, отстаивали большевистскую муниципальную программу.

В этой обстановке борьбы Инесса чувствовала себя словно рыба в воде.

Летом 1917 года Инесса входит в Исполнительную комиссию Московского комитета партии. После июльских событий в Петрограде, когда реакция перешла в наступление, а меньшевики и эсеры окончательно переметнулись в лагерь контрреволюции, состоялось расширенное заседание МК партии с активом, с представителями районов. Докладчик — товарищ Инесса клеймит позором буржуазию и социал-предателей, затеявших подлую травлю Ленина; она призывает пролетариев Москвы поддержать революционный Петроград.

В те же тревожные июльские дни написана заметка «Почему буржуазия клевещет на большевиков». Автор объясняет:

«Чем преданнее социалист рабочему делу, тем сильнее клевещет на него буржуазия. У нас в России представителями революционного социализма являются большевики с Лениным во главе. Нигде, может быть, ненависть буржуазии, клевета и травля не достигали таких размеров, как у нас сейчас в России». Особенно ненавистен буржуазии Ленин, продолжает автор, «тов. Ленин уже около 25 лет находится во главе нашей партии и все время являлся самым последовательным и самым самоотверженным борцом за рабочее дело. К тому же он является крупнейшей теоретической и политической силой. Вот за все это и ненавидят его и русская и международная буржуазия».

Далее говорится, что большевики «сумеют разъяснить массам истинную причину всей этой травли и, невзирая

ни на что, будут стойко продолжать свою великую борьбу. Правда и жизнь за нас, и в итоге победим все-таки мы».

Эта заметка представляется мне хорошим образцом революционной публицистики; веет от нее спокойствием и силой, хотя н написано в трудный момент.

Под заметкой буквы: «Ел. Б.»

Постойте, так ведь это Елена Блонина — Инесса Арманд. И напечатана заметка в журнале «Жизнь работницы» — новом двухнедельном органе Московского областного бюро РСДРП. В журнале, который летом 1917 года стал выходить благодаря стараниям и под редакцией двух большевичек — Инессы Арманд и Варвары Яковлевой.

Рождение журнала потребовало от Инессы немалых усилий, и организационных, и редакторских. Игра, однако, стонла свеч: надо было всколыхнуть массу работннц, а для этого следовало говорнть с ннми на большевистском языке. А для этого, в свою очередь, лучшим средством был, разумеется, печатный орган...

Один из номеров «Жизни работницы» — второй, помеченный 15 июля 1917 года, лежит на моем столе. Журнал без обложки, шестнадцать страниц сплошного текста.

Каково же содержание журнала? Номер, который я держу в руках, открывается статьей Ел. Блонниной «О наступленни». Напечатаны: первая часть статьн Н. Крупской «Быть ли школе орудием порабощення или орудием освобождения народа?», статья Н. Мещерякова «Что ждет работницу после войны», «Мысли работннцы о дороговизне», хроника, корреспонденции. И приведенная выше заметка «Почему буржуазия клевещет на большевнков».

«Жизнь работницы» существовала несколько месяцев. Осенью 1917 года выход журнала прекратился. Тогда встални уже другне, новые задачи.

Созданне Инессой журнала «Жнзнь работницы» связано с прямым ленинским указаннем. Владимир Ильич не раз говорил о большом значении для революции женскнх пролетарских масс. Почти тотчас же после возвращения из эмиграцнн, в апреле, Ленин беседовал на эту тему с Александрой Коллонтай, предложил ей набросать план работы среди женщнн и обсудить его с видными деятельницами женского движения.

Звеном этого плана несомненно был и московский журнал, и комиссия по агитации и пропаганде среди работниц, которую по докладу Инессы создало Московское областное бюро партии большевиков в августе 1917 года. Инесса, разумеется, вошла в эту комиссию.

Но еще раньше она выполнила одно боевое партийное поручение, связанное с работой среди женщин. Это было в апреле 1917 года, когда Инесса только-только перебралась из Петрограда в Москву, только-только стала входить в партийную жизнь. Дело в том, что в это время в Москве с большой помпой проводился Всероссийский женский съезд. Созвала его буржуазная «Лига равноправия женщин», а по сути, съезд был одним из пропагандистских мероприятий Временного правительства.

Ох, Инессе хорошо известен — еще с давних пор — весь букет демагогических ухищрений поборниц равноправия. Они толкуют о надклассовости женских интересов: бесправны, дескать, все — и жена фабриканта, и работница... Всем женщинам следует объединиться для борьбы с мужчинами... И всякое такое прочее. Так пусть Инесса отправляется на съезд в качестве наблюдателя, пусть понаблюдает, а потом и выскажется со всей большевистской прямотой. Нельзя позволить безнаказанно околпачивать трудовых женщин.

Произошло то, что и должно было произойти. После горячей речи Инессы группа делегаток съезда, работниц, демонстративно покинула зал заседаний.

Так большевички испортили «равноправкам» всю обедню...

В трудах и борьбе миновало то грозовое лето. Инесса Арманд — это можно заявить вполне определенно — очень многое сделала для успеха Октябрьского восстания в Москве. Но самой ей участвовать в сражениях не пришлось. Осенью заболел туберкулезом Андрюша, младший сын, и Инесса Федоровна вынуждена была, взяв отпуск, увезти его из Москвы. Вернулась же в самый разгар Октябрьских боев.

Ухали пушки на Вóробьевых горах; юнкерские цепи залегли на Остоженке; в синематографе «Художествен-

ный», что на Арбатской площади, разместился белогвардейский штаб... Заревом полыхало ночное московское небо. После пяти дней боев белогвардейские мятежники были разбиты наголову. Октябрьские знамѐна взметнулись над Москвой.

КАЖДАЯ МИНУТА ТЕБЕ, РЕВОЛЮЦИЯ...

Революция победила. Революция продолжается. Большевики взяли власть. Они должны ее закрепить. Предстояло уничтожить старую государственную машину, вместо нее создать новый аппарат народной власти. Организовать управление, овладеть командными высотами, отбить все вылазки врагов.

Рассказывают следующий эпизод, связанный с деятельностью Инессы Арманд. Партия поручила ей выступить на губернском съезде Советов крестьянских депутатов. И не только выступить, но и добиться перелома в настроении делегатов. Поручение не из легких, если учесть, что большинство делегатов-крестьян находились тогда (в декабре 1917 года) под сильным влиянием правых эсеров. Инесса энергично повела линию на откол наиболее сознательной части делегатов; эсеры были отстранены от руководства съездом, с ними осталось только отъявленное кулачье.

Через несколько дней состоялся губернский съезд Советов. И здесь Инесса, член президиума съезда, яростно сражается с эсеровско-меньшевистским крылом, и здесь большевики добиваются победы.

Инесса избрана в губернский исполнительный комитет и в президиум губисполкома, где работает около двух лет. Ее избирают членом ВЦИК. А по партийной линии — членом губернского комитета партии и его бюро.

Раскрыв номер газеты «Социал-демократ» от 30 ноября (13 декабря), мы обратили внимание на два извещения.

Первое: «В воскресенье, 8 декабря, в Глухове, в 12 часов дня, близ города Богородска, в помещении С. Р. Д. в ком. № 1 созывается Богородская Уездная Конференция всех организаций Р. С. Д. Р. П. (большевиков) данного уезда с представительницей М. О. К.

т. Инессой. Богородский Уездный К-т просит товарищей с мест прислать своих представителей».

И второе, приглашающее на большой социалистический митинг, устраиваемый Пресненским райкомом партии 2 декабря. Темы выступлений таковы: «Наше отношение к Учредительному собранию», «Борьба за мир», «Значение рабочего контроля». В списке ораторов — Инесса Арманд.

Это лишь малая толика работы, которую повседневно выполняла Инесса. В дополнение к основным обязанностям.

О них я расскажу чуть позднее. А теперь лишь подчеркну, что каждая минута ее жизни, каждый ее шаг были без остатка подчинены интересам революции.

Всевозможные поручения росли словно снежный ком. Отказа не было, даже если задание Инессе и не совсем по душе. Надо! — вот девиз.

Дочери вспоминают, что мать очень уставала. Поздно вечером заявлялась домой, измученная настолько, что слово вымолвит с трудом. Улыбнется ласково, закусит чем бог послал (а «посылал бог» в те времена пищу весьма скудную, чаще всего картошку в мундире, сваренную усовершенствованным способом: в самоваре) — и на боковую... Лишь однажды Инесса Федоровна, поддавшись минутной слабости, пожаловалась дочкам: «Мостовую мостить и то, наверно, полегче...» А с утра опять заторопилась, застучала стоптанными каблучками: «Ну, я, девочки, побежала!..»

Еще одно дело, организованное и проведенное Инессой. Я говорю о школе советско-партийной работы, которую создало в Москве областное бюро партии весной 1918 года. «Можно с полным правом сказать,— пишет старая коммунистка Александра Петровна Дорогова, заведовавшая этой школой,— что московская губернская партшкола 1918 года была предшественницей и зачинательницей системы партийно-советского просвещения» (ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, ед. хр. 272).

Инессе чрезвычайно полезен был опыт ленинской школы в Лонжюмо. Потому-то, возможно, и выпала на

ее долю эта обязанность. Но так или ииаче, а повозиться со школой пришлось. Помещение иашли быстро — в бывшем особняке Рябушииского на Спиридоновке. И общежитие для слушателей устроили, и питание организовали. Сложнее оказалось с программой: ведь опыт-то был только дореволюциоииый. Тогда готовили подпольщиков, а сейчас — кадры партии, находящейся у власти.

Инесса составила обширную программу. Я обнаружил ее в фоидах Московского окружкома партии (ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 7). В программе занятий — двадцать один курс, начиная с таких дисциплин, как методы исторического материализма и основы политической экоиомии, и коичая изучеиием приемов пропаганды и чтеиия лекций. Среди лекторов — Мещеряков, Ярославский, Ломов, Акулов. Два цикла лекций взялась прочитать Инесса — «Жеиский вопрос» и «История рабочего движения в Западиой Европе».

Но Алексаидра Петровна Дорогова (мне удалось ее разыскать в Москве, и оиа дополиила свои письменные воспоминаиия иекоторыми колоритными подробностями) рассказывает, что Инесса иередко заполияла «окна» в расписании заиятий. В то иеспокойное время случалось это часто: отсутствовал то одии, то другой из преподавателей, и все по уважительным причинам — мобилизации, экстреиные вызовы, тревоги.

Заиималась Инесса и составлением учебного плаиа, и подбором лекторов. Да и вообще, чуть что приключится — заведующая школой, совсем юная в ту пору девушка, бежит к Ииессе: «Товарищ Ииесса, голубушка, выручайте». И выручала.

Около пятидесяти молодых коммунистов из уездов Московской губернии и из примыкающих к Москве губерний прошли курс школы. То был первый выпуск.

Следующий выпуск ие состоялся: школу объедииили с курсами инструкторов-агитаторов при ВЦИК. А потом организовался и Коммуиистический университет имени Свердлова — зиамеиитая «Свердловия». Между прочим, Инесса и там вела преподавательскую работу. Но сейчас нам особеиио приятио установить, что она причастна к созданию самой первой по времени кузницы партийиых кадров. И ие просто причастна — была ее оргаиизатором.

Поздний вечер. В комнате полутемно — лампочка светит тускло-тускло. В комнате холодно — топлено едва-едва. У письменного стола, заваленного бумагами, книгами, газетами,— Инесса Федоровна. Она погружена в чтение. Рядом, на кровати, крепко спит юная Варя Арманд — дочка, студентка Вхутемаса.

Но что за толстый том в руках Инессы, что так сосредоточенно штудирует она, превозмогая усталость?

Годовые отчеты Подольского завода швейных машин компании «Зингер». Балансы Коломенского паровозостроительного. Приходо-расходные сметы орехово-зуевских фабрик Викулы Морозова. И прочую цифирь, характеризующую торгово-производственную деятельность промышленных предприятий Московской губернии за минувшие годы.

Как действовали капиталисты? Каковы тайные пружины их хозяйствования? Что следует решительно отбросить, а что можно на деле применить, создавая новый аппарат управления экономической жизнью страны? Аппарат принципиально новый, невиданный в истории, советский.

Точной даты мы не знаем, но, очевидно, то было в марте 1918 года — Инесса Арманд получила новое назначение: председателем Московского губернского совета народного хозяйства. Сложное и ответственное дело поручила ей партия.

Миновал период, который В. И. Ленин красочно назвал периодом «красногвардейской атаки на капитал». Командные высоты экономики были захвачены рабочим классом. Экономическое сопротивление капиталистов было подорвано, рабочий контроль за промышленностью — первый шаг к социализму — был установлен. Предстояло сделать второй шаг — «перейти к рабочему регулированию производства» (В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 27, стр. 226), «к рабочему управлению промышленностью в общенациональном масштабе» (В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 28, стр. 120).

Опыта, разумеется, не было. И брать его неоткуда.

Разруха, неимоверные трудности снабжения предприятий сырьем и оборудованием, развал финансирова-

ния и планирования, саботаж специалистов, катастрофическое падение производительности труда и трудовой дисциплины — вот обстановка, в которой начал свою деятельность Мосгубсовнархоз. Его председателю пришлось напрячь всю свою волю, мобилизовать все свои знания, использовать все организационные навыки.

В Московском областном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства обнаружены документы, характеризующие работу совнархоза с самых начальных его шагов. Посмотрим протокол первого пленарного заседания Мосгубсовнархоза, которое состоялось 25 апреля 1918 года. Присутствовали представители двадцати семи уездных Советов, рабочие контролеры и представители уездных совнархозов. Председательствовала на пленуме и основной доклад сделала товарищ Инесса.

Краткая запись протоколиста дает представление о содержании доклада:

«Теперь только, после Октябрьской революции, начинается собственно организация народного хозяйства в сущности на социалистических началах (так, теперь только происходит национализация производства, социализация земли и т. п.). Несмотря на разруху, Советская власть не только существует, но и начинает налаживать хозяйство. Докладчица находит, что ни одна власть в мире не могла бы этого сделать, кроме правительства рабочих и беднейшего крестьянства. Для регулирования хозяйственной жизни Московской губ. теперь создан Губ. Совет Нар. Хоз-ва. Он, с одной стороны, должен иметь живую связь с местами, с другой — действовать в постоянном контакте с высшими хозяйственными организациями...» (МОГАОР и СС, ф. 2076, оп. 1, арх. № 2, св. 1, л. 2).

Листая протоколы пленарных заседаний и президиума губсовнархоза — они собирались часто в те свои первые весну и лето,— убеждаешься, какие поистине титанические усилия требовались, чтобы навести элементарный порядок в хозяйстве.

За какую отрасль хозяйства ни примись — приходится начинать буквально с азов.

На одном из первых заседаний Мосгубсовнархоз слушает информационный доклад «о положении дела снабжения Московской губернии сельскохозяйственными

орудиями». И приходит к выводу: «Недостаток сельскохозяйственных машин огромный».

В другом случае докладывает Подольск: «Фабрично-заводская промышленность замирает, много фабрик сократили производство, особенно текстильных... Из имеющихся 5—6 цементных заводов... ни один не работает».

Сегодня президиум совнархоза обсуждает возможности рационального использования пищевых отбросов, завтра принимает решение: «Немедленно взять на учет имеющийся кожевенный материал и готовые сапоги, если таковые имеются». Надо поскорее обуть красноармейцев, однако меланхолическое добавление — «если таковые имеются» — достаточно ясно показывает, сколь дефицитная вещь — сапоги.

За какое же звено ухватиться, чтобы потянуть всю цепь? Организационный вопрос занимает на первых порах главное место в деятельности председателя совнархоза. Крайне важно выработать необходимые организационные формы, наметить и распределить сферы влияния, способы контроля и управления.

Вот, к примеру, «порядок дня» одного рядового заседания президиума Совнархоза — от 17 мая 1918 года: «1. О персонале. 2. Об отделе сельскохоз. машиностроения. 3. О продовольствии для общественных работ. 4. О работе отделов М.Г.С.Н.Х. 5. Текущие дела» (МОГАОР, ф. 2076, оп. 1, арх. № 2, л. 23).

На этом заседании, как явствует из протокола, произошел один мелкий, но примечательный эпизод. Высший Совет Народного Хозяйства «предлагает в качестве Уполномоченного» некоего т. Рогожинского. Обсудив это, президиум губсовнархоза решает: «Т. Рогожинского оставить в качестве техника отдела с.-х. машиностроения; сообщить В.С.Н.Х., что штаты утверждаются Губ.С.Н.Х. самостоятельно, и предложить ему не практиковать назначения уполномоченных» (там же).

Не знаю, как читателям, а мне за этой записью представилась Инесса, так сказать, во весь рост: ее характер, хватка, умение отстаивать свои позиции.

В этой связи следует подчеркнуть, что председателю Совнархоза пришлось изрядно повоевать, чтобы определить права и обязанности руководимого ею советского учреждения. На эти права покушались сверху — главки ВСНХ, которые стремились самостоятельно распоря-

жаться национализированными предприятиями, и снизу — местные органы власти, которые тоже считали себя полновластными хозяевами «своей» промышленности. Да тут еще дополнительные трудности в создании аппарата совнархоза, в привлечении специалистов — им почему-то установили ставки более низкие, чем в других учреждениях.

Председателю приходится «подкручивать гайки». Все в том же протоколе, от 17 мая 1918 года, при обсуждении работы отделов записано: «Т. Инесса находит неудовлетворительной постановку дела в большинстве Отделов С.Н.Х. и предлагает для интенсификации работы завязать связь с низами, создать Контрольный аппарат» (МОГАОР, ф. 2076, оп. 1, арх. № 2, св. 1, л. 24).

Опора на актив, связь с массами — в этом ключ к решению задачи, только так можно поднять народное хозяйство. И Инесса неустанно выискивает людей, бережно подбирает старых специалистов, готовит новые, советские кадры.

Чрезвычайно важно поднять на заводах и фабриках дисциплину труда. Ну, а если стремишься к этому на подведомственных предприятиях, наведи порядок в собственном доме. И когда кое-кто из членов президиума губсовнархоза стал манкировать своими обязанностями, Инесса прибегает к решительным мерам. 2 октября 1918 года принято постановление: «Опоздавшие на заседание более чем на 15 минут и не явившиеся на заседание подвергаются штрафу в размере 25 р.» (МОГАОР, ф. 2076, оп. 1, арх. № 2, св. 1, л. 93).

Сегодня такая мера выглядит курьезно, но тогда пришлось, по-видимому, перейти от уговоров к более сильно действующему средству.

Не следует, однако, думать, что Инесса была в губсовнархозе чем-то вроде своеобразного политкомиссара, что она лишь разъясняла и направляла, только «прокладывала курс»... Нет. Знакомство с документами убеждает в другом.

Президиум совнархоза 28 июня 1918 года обсуждает доклад Инессы о фабрике, которая принадлежала Французскому анонимному обществу. «Докладчица указывает, что фабрика отстала в работе и что требуется большой ремонт котлов, трубопроводов и т. д. Также недостаток в электрической энергии» (там же, л. 41). На том

же заседании выслушано еще одно сообщение Инессы — о чугунолитейном заводе «Земгор».

Оба эти доклада сделаны безусловно на основе личного изучения. Инесса в ту пору нередко выезжала на предприятия, в уезды. Тесно была связана с рабочей массой, знала ее настроения. Руководила конкретно.

В 1918 году и в начале года девятнадцатого совнархозу бесспорно принадлежит главное место среди многочисленных обязанностей Инессы. То была основная работа.

Кстати, получала она за нее тысячу рублей в месяц — такой же оклад полагался всем членам президиума, заведующим отделами и прочим ответственным работникам совета народного хозяйства губернии. Справка, обнаруженная мной в архиве, свидетельствует, что помимо этой тысячи Инесса Арманд имела также «право на первую категорию классового пайка» (МОГАОР, ф. 2076, оп. 1, св. 5, ед. хр. 40, л. 2).

Воспользовавшись этой справкой, снова подчеркну: была Инесса щепетильной до крайности, не давала себе ни малейшей поблажки, потребности свои ограничила, доведя их до минимума. И бывало, «бегала в свой совнархоз» в худых башмаках, да и впроголодь...

Усилия не пропали даром. Не только учет, не только подсчет ресурсов и не только создание руководящего аппарата промышленности можно отнести к заслугам совнархоза. Хотя и эта работа была чрезвычайно трудной. «...При благоприятной конъюнктуре мы можем приступить уже к непосредственной деятельности»,— заявила Инесса, отчитываясь в делах совнархоза на заседании исполкома Московского губернского Совета в январе 1919 года (МОГАОР, ф. 680, оп. 4, ед. хр. 212).

Думается, что Инесса, делая это заявление, проявила излишнюю скромность. Несмотря на то что конъюнктура была отнюдь не благоприятной — разруха, голод и холод, гражданская война, саботаж,— промышленность губернии оживала. Стучали ткацкие станки, ковалось оружие, добывался торф, в остывших вагранках разгоралось пламя; в селах вспыхивали электрические лам-

почки, позднее получившие в народе поэтическое наименование — «лампочки Ильича».

Каждый шаг брался с бою. Каждый пуд железа или воз торфяной крошки, каждая штука шинельного сукна или бязи на солдатские рубахи производились с неимоверным напряжением. Но то были ощутимые плоды коллективного, свободного труда, первые результаты социалистического хозяйствования. Как дóроги были они председателю губсовнархоза!

Выходившая в Москве на французском языке газета «Третий Интернационал» в номере от 12 января 1919 года поместила статью «Год советского труда». Речь шла о результатах национализации промышленности в Советской России, о том, что уже сделано для централизованного руководства народным хозяйством молодой республики. Автор приходит к выводу: «Не все еще выполнено, но мы уже сделали большой шаг к социализму... Так канула в вечность старая аргументация буржуазии о том, что пролетариат никогда не сумеет организовать производство» (цит. по журн. «История СССР», 1958, № 4. Пер. с франц.).

Автор — Инесса Арманд. Она с полным правом могла заявлять о крахе старой аргументации буржуазии. Потому, что помогла пролетариату организовать производство.

...Когда сегодня мы с гордостью подытоживаем работу могучей передовой социалистической промышленности, когда вчитываемся в реальные показатели семилетки, когда вдумываемся в чеканные строки Программы построения коммунизма — мы с благоговением вспоминаем тех, кто закладывал фундамент нынешней индустриальной мощи Советского Союза. И среди них — Инессу. Труд ее вознаградился сторицей!

У ПРОЛЕТАРИЕВ ОДНО ЗНАМЯ — КРАСНОЕ!

По неширокой в ту пору Тверской улице с пригорка вниз течет могучая людская река. Минует узкую горловину Иверских ворот и выплескивается на Красную

площадь, разливаясь по ней безбрежным весенним половодьем.

Демонстрация трудящихся Москвы в день первой годовщины Октябрьской революции — 7 ноября 1918 года.

В шеренгах рабочих, в солдатских рядах, в шумных группах молодежи не сразу увидишь небольшую колонну иностранцев, объединившихся в Федерацию иностранных коммунистических групп при ЦК РКП(б). Разные судьбы привели их в Москву — тут и бывшие военнопленные, и бывшие воины союзнических армий, и иностранные рабочие, и лица так называемых интеллигентных профессий — учителя, гувернантки, художники... Иностранные коммунисты-интернационалисты, они участвуют сегодня в праздничной манифестации со своими русскими братьями. Годовщина Октября — это всеобщий праздник, праздник пролетариев всего мира. И цели у всех едины, и знамя у всех одно — красное знамя революции.

Притом надо отметить, что воспринимать последнюю фразу следует не только символически, но и буквально. Вот шагают французские товарищи — члены недавно созданной коммунистической группы. В тех же шеренгах — немцы. Плывет, колышется над колонной алый стяг. На одной стороне полотнища — призывный лозунг, начертанный по-французски: «Да здравствует социальная революция во Франции!», на другой стороне знамени — подобный же немецкий текст.

На Красной площади, открывая в тот день мемориальную доску борцам Октябрьской революции, Ленин произнес горячую прочувствованную речь. Перед памятником октябрьским борцам он звал дать «клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран» (Соч., изд. 4, т. 28, стр. 148—149).

30 августа 1918 года «Правда» напечатала извещение, приглашавшее на собрание «всех товарищей, говорящих на французском и английском языках и сочувствующих нашим идеалам». То есть идеалам коммунизма.

В тот печально памятный день Ленин был ранен — после того как выступил на заводе бывшем Михельсона. Английские и французские интернационалисты, собрав-

шиеся в клубе III Интернационала, что на Воздвиженке, не знали еще о предательском выстреле эсерки Каплан, о покушении на жизнь вождя революции. Но они отчетливо сознавали свой долг: всеми доступными силами и средствами защищать пролетарскую революцию и ее героический аванпост — Советскую Россию.

Менее чем через неделю, 4 сентября, состоялось второе собрание. Решили разделиться на две группы — французскую и английскую. Секретарем французской коммунистической группы единодушно избрали Жанну-Мари Лябурб.

Француженка-учительница, жившая в России, она была испытанной и пламенной большевичкой. Это она, Жанна Лябурб, еще в августе советовалась с Лениным по поводу организации группы и заручилась полным одобрением Владимира Ильича. Судьба Жанны Лябурб, как известно, сложилась трагически. Полугода не прошло после описываемых событий — и славная героиня французского народа пала от руки наемников французского капитала. Была расстреляна в Одессе, где вела подпольную революционную работу в войсках интервентов. То случилось весной, 2 марта 1919 года. А сейчас, осенью, отважная Жанна с энтузиазмом берется за сплочение французских товарищей, оказавшихся в Москве.

На собрании 4 сентября выступила Инесса. Вместе с Жанной Лябурб и другими товарищами она вошла в состав временной комиссии, «имеющей целью редактирование газеты». Так гласит протокол собрания, хранящийся в фондах ЦПА ИМЛ (ф. 17, оп. 4, ед. хр. 104).

Да, группа сразу же, без долгих сборов и споров, решила выпускать газету на французском языке. И название придумали тотчас же — «Социалистическая революция». А о целях и задачах издания нам лапидарным языком расскажет документ — письмо по поводу будущей газеты, направленное в ЦК РКП(б):

«*Программа* (речь идет о программе газеты.— *П. П.*) — программа Российской Коммунистической Партии.

Цели: 1) осведомление рабочих Франции, Бельгии и Швейцарии о Русской Революции;

2) агитация на фронте среди французских солдат в России;

3) организация живущих в России французских, бельгийских и швейцарских пролетариев.

Выход — один раз в неделю, по воскресеньям.

Число страниц: — 4.

Тираж: — 10 000 экз. ...

Способы распространения: 1) Российская миссия в Швейцарии; 2) оперативный штаб на фронте; 3) розничная продажа через контрагентство (печати) ЦИК; 4) подписка» (л. 8).

Далее шла смета. Тут нельзя не обратить внимания на скромные штатные наметки группы. Испрашивается следующий штат редакции: редактор, корректор, экспедитор, машинистка и два курьера. Вот и весь аппарат.

Спустя несколько дней, 16 сентября, член редакционной комиссии И. Арманд докладывала в ЦК РКП(б), что «материал для очередного номера и вся подготовительная работа по изданию газеты сделана. Название газеты переименовано: «Третий Интернационал» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 104, л. 10).

Первый номер газеты вышел в октябре 1918 года, а всего было выпущено шестнадцать номеров. Инесса Арманд была не только ее соредактором, но и одним из активнейших авторов.

О газете французских интернационалистов, издаваемой в Москве, упоминал в своем докладе на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов В. И. Ленин.

Не следует, однако, думать, что участие Инессы во французской коммунистической группе ограничивалось лишь редакционно-издательской деятельностью да публицистическими выступлениями по экономическим и международным вопросам. Известно, что она выступала на собраниях и собеседованиях по вопросам теории и тактики революционного движения. А когда возникали споры, когда участники группы расходились во мнениях, что случалось нередко (состав группы был довольно пестрым и по теоретической подготовке, и по жизненному опыту, и по возрасту), Инесса была признанным арбитром. Знали, что ее устами говорит партия.

В. И. Ленин всегда был внимателен к делам французской группы, направлял ее деятельность. И хотя прямых свидетельств этого я не обнаружил, беру на себя смелость сказать: работая во французской группе, Инесса выполняла ленинское поручение.

ЕЩЕ ОДНА ПОЕЗДКА ВО ФРАНЦИЮ

В марте 1919 года в Москве собрался I (учредительный) конгресс Коммунистического Интернационала. Делегат французской коммунистической группы Жак Садуль участвовал в работе конгресса.

В марте 1919 года «Правда» поместила траурное извещение о гибели Жанны Лябурб, расстрелянной наемниками французского капитала. А делегаты VIII съезда РКП(б) почтили вставанием память героической коммунистки.

Инесса не присутствовала на конгрессе Коминтерна, не участвовала в работе съезда партии. Ее не было в Москве. Инесса отбыла в командировку.

В моих руках — большой желтоватый плотный бумажный лист. Сверху крупно оттиснут герб — с серпом, молотом и снопами. Вокруг герба затейливо вьется надпись: «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика».

Это дипломатический паспорт № 1003, выданный в Москве 4 февраля 1919 года и подписанный «по уполномочию Народного Комиссара по Иностранным Делам» Л. Караханом. И хотя по нумерации число выданных паспортов перевалило уже за тысячу, мне представляется, что документ, который я благоговейно разглядываю, является одним из самых первых «дубликатов бесценного груза». Нетрудно представить себе, с какой опаской («как бритву обоюдоострую») брали в руки эту советскую «паспортину» чиновники и пограничники капиталистических государств...

Текст паспорта на русском и французском языках гласит:

«Объявляется всем и каждому, что предъявитель сего Российская Гражданка Елизавета-Инесса Арманд отправляется в качестве члена Миссии Всероссийского Общества Красного Креста во Францию.

Ввиду этого Совет Народных Комиссаров просит все Правительства дружественных Народов и предлагает всем российским военным, гражданским и общественным установлениям, а также должностным лицам оказы-

вать ей всяческое содействие, предоставляя возможность свободного и кратчайшего проезда».

На обороте французского текста имеются визы — французская и финская, а также два штампа, позволяющие точно определить время этой заграничной командировки Инессы: «Явлен в Белоострове при отъезде 8 февраля 1919» и «Явлен в Белоострове при приезде 15 мая 1919» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 6, л. 1, 2).

Обнаружен также и еще один документ, добавляющий некоторые данные о поездке Инессы: «Удостоверение» Центрального Комитета Российского Общества Красного Креста. В нем говорится, что Инесса Арманд «является Членом Миссии Российского Общества Красного Креста в Международной Комиссии Попечения о русских воинах во Франции» (там же, л. 3).

Ее товарищем по поездке, другим членом миссии Красного Креста был Дмитрий Захарович Мануильский. До Октября 1917 года он длительное время жил во Франции, в эмиграции, хорошо владел языком и разбирался во французской политической обстановке. Словом, советская миссия была вполне подготовлена к выполнению своих обязанностей.

В чем же, однако, эти обязанности заключались?

Правительство молодой Советской республики было глубоко озабочено судьбой тысяч солдат царской армии — личного состава так называемого Русского экспедиционного корпуса,— задержанных во Франции после окончания первой мировой империалистической войны. Вызволить их, помочь возвратиться на родину — вот, по-видимому, одна из первейших задач миссии. Есть основания полагать, что Инесса Арманд и Дмитрий Мануильский имели также партийное поручение: завязать связи с французскими социалистами, донести до трудовой Франции правду о Советской России и собрать правдивую информацию о современном состоянии французского революционного и рабочего движения.

Жан Фревиль — французский автор, на книгу которого об Инессе уже доводилось ссылаться, несколько дополняет наши скудные сведения о задачах и делах миссии. При содействии датского Красного Креста между Советским правительством и правительством Франции

велись переговоры об обмене заложниками, военными и гражданскими арестованными. Правительство Клемансо, пишет он, особенно пеклось об освобождении задержанных в Москве офицеров французской военной миссии под командованием генерала Ляверня. На них Клемансо изъявил желание обменять задержанных во Франции русских революционеров.

Делегация на пароходе прибыла в Дюнкерк. Но лишь только сошли на французскую землю, начались преследования, проволочки, притеснения. Советских делегатов незаконно задержали в Мало-лэ-Бен, установили за ними наблюдение, всячески препятствовали их работе.

Жан Февиль так заключает эту главу своей книги:

«Но что могли стоить все эти жалкие хитрости, если положить их на весы истории? Инессу грубо задержали в Мало-лэ-Бен, а в Дюнкерке летом 1920 года забастовали докеры; они бастовали, чтобы помешать отправке оружия в Польшу, воевавшую с Советской Россией. Инессе не позволили передвигаться по Франции, но идеи, которым она служила, быстро распространялись среди французских рабочих; несмотря на запреты и рогатки, наследники французских коммунаров становятся на сторону русских коммунистов».

Возвратившись в Москву, Инесса и Мануильский докладывали о своей поездке на собрании французской коммунистической группы. Жаль только, что протокол этого собрания не обнаружен.

Тут мне подумалось: какая интересная задача возникает перед историками, советскими и прогрессивными французскими,— исследовать обстоятельства поездки Инессы, пролить свет на этот небольшой, но яркий эпизод советско-французских взаимоотношений! Задача увлекательная и благородная.

ЕЛЕНА БЛОНИНА

Статья называлась «Перспективы революции во Франции», а напечатана была в журнале «Коммунистический Интернационал», в номере 3, вышедшем в июле 1919 года. Автор — Ел. Блонина.

Таким образом, статью Инесса написала, вернувшись в Москву, в результате поездки.

На шести столбцах большого журнального формата дается подробный спокойный и весьма четкий разбор современного положения во Франции. Статья свидетельствует о точном знании предмета, об умелом марксистско-ленинском анализе обстановки. Никакой патетики, ни малейшей трескотни!

Прочитаем несколько строк. Ну, вот эти, например:

«Измученные пятилетней войной, рабы французского империализма начинают предъявлять свои счета.

А счета тяжелые. Полтора миллиона убитых, столько же искалеченных. Разрушенная промышленность, около миллиона безработных (мартовская цифра, когда демобилизация не была проведена и наполовину), финансовый крах.

С каждым днем рабочие сознают все определеннее, что надеяться они могут только на самих себя...»

Оборвем, однако, цитату. И приведенного отрывка достаточно, чтобы уловить публицистическое дарование автора.

Елена Блонина — плодовитый публицист. Десятки (возможно, до сотни) статей написаны ею. Несколько популярных брошюр. Произведения, различные по объему и жанру, даже пьеса. Выступать в печати, пропагандировать большевистские взгляды и идеи, неустанно разъяснять решения партии, непрестанно вести разговор с массовым читателем Инесса считала для себя совершенно обязательным. В этом отношении, как и во всем, она старалась следовать примеру Ленина.

Первые известные нам статьи Инессы опубликованы в «Работнице» 1914 года. С той поры месяц от месяца, год от года накапливалось журналистское мастерство, оттачивалось перо большевика-литератора. Тщетно, однако, было бы искать в писаниях Инессы словесные красоты или лирические отступления. Она всегда деловита, старается писать покороче и, главное, проще, в расчете на самую массовую аудиторию.

Когда листаешь статьи Елены Блониной, одну за другой, в хронологическом порядке, явственно виден рост. И не только количественный. Хотя бывали периоды, когда она писала очень много и печаталась очень часто. К примеру, в 1919 году. В «Правде», в специальной

«Страничке работницы», одним из организаторов которой Инесса была, регулярно появлялись материалы Е. Блониной. И в других изданиях, выходили и отдельные брошюры. А в 1920 году, когда организовался журнал «Коммунистка», где Инесса была членом редакционной коллегии, а по существу, мастером на все руки, она выступала и того чаще. В номерах «Коммунистки» насчитывается по две, а то и по три ее статьи.

Вот маленький печатный листик, немногим крупнее листка отрывного календаря,— начало и конец статьи, подписанной «Е. Блонина» и озаглавленной «Вечное в марксизме». Статья, приуроченная к столетию со дня рождения К. Маркса, начинается так:

«В день 1-го Мая союз металлистов манифестировал по улицам Москвы с портретом Карла Маркса, пьедесталом которому служил огромный глобус, повитый красной лентой. Это была чудесная эмблема того всемирного значения, которое приобрело имя Маркса за сто лет...» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 14, л. 110).

Красочное начало, не правда ли? Но куда чаще автор берет сразу, как говорится, быка за рога:

«Сейчас одной из важнейших задач момента, если не важнейшей задачей, является организация труда на новых началах...»

«Вопрос о волостном делегатском собрании крестьянок вызвал на последнем Всероссийском совещании губернских организаторов по работе среди женщин очень оживленную дискуссию».

Это начальные фразы, которыми открываются статьи Ел. Блониной в журнале «Коммунистка» № 1—2. И дальше в тексте, несмотря на длинные периоды, все предельно ясно, четко, только, пожалуй, чуть суховато.

Быть понятой всеми, дойти до каждого, даже до самого малоподготовленного читателя,— эту цель ставила перед собой Инесса, выступая в печати.

Ее брошюра «Почему я стала защитницей Советской власти?», выпущенная Госиздатом в 1919 году, выдержала несколько изданий, ее переводили на языки народов нашей Родины. Брошюра построена в виде вопросов

темной, забитой работницы; ей дают объяснения то Иваи, рабочий-активист, то белокурая женщнна в красном платке — делегатка.

Когда теперь чнтаешь эту кннжку, иные места (и вопросы, и разъяснения) кажутся несколько наивными, кое-где есть стилнзация, порой режут глаз простонародиые словечки. Но прн всем при том книжка берет за жнвое. Представляешь себе, как вместе с выведениой автором работницей прозревалн н становились защнтницами Советской власти тысячи н тысячи работинц, читавших книжку. Недаром ведь Н. К. Крупская дала этой книжке Инессы высокую оцеику: «Брошюра является образцом того, как надо писать популяриые брошюры: просто н горячо» («Коммунистка», 1920, № 5).

Просто н горячо написаиа и следующая брошюра Е. Блониной «Работницы в Интернационале». В ней — трн главы, каждая посвящена Интернационалам: Первому, Второму, Третьему. А в конце — прямое обращеине к читателям, подобно прнзыву, обращенному к слушателям: «Работницы, примыкайте же скорей к III, Коммунистическому Интериационалу!» (М., ГИЗ, стр. 46).

Журиалистская работа Инессы Арманд ждет своего исследователя. Не сомневаюсь в том, что вдумчивое изучение ее статей н брошюр, их разбор н анализ былн бы чрезвычайно полезны для новых поколений советскнх журиалнстов. А Елеиа Блоинна должна занять свое место в нсторни революциоииой публнцистикн. Место, прннадлежащее ей по праву.

В литературном творчестве Ииессы особняком стоит пьеса «Деннкницы». Вериее, рукопнсь пьесы, так как сама оиа, по всей видимостн, не была нн напечатана, ни поставлена.

Чериыми и краснымн чериилами на четвертушках листа, иной раз с обеих сторон, выпнсаиы моиологи н дналогн, массовые сцены и авторские ремарки... Бумага была тогда дефнцитной, н часть рукописн помещена иа чистой стороне машинописных материалов — какой-то лекционной программы. Нас это нитересует потому, что иа одном из листнков имеется дата составлеиия про-

граммы: «XI — 19 г.» Значнт, работа над пьесой может быть отнесена к 1920 году — последнему году жнзни Инессы? Но ведь то был для нее год до предела уплотненный, загруженный до отказа. Год, когда она буквально падала от усталостн. Может быть, пьеса пнсалась во время болезни, в феврале? Илн позднее — осенью, в Кнсловодске, когда смерть уже подкрадывалась к Инессе? По-видимому, так оно и есть. Не умея сндеть без дела, она отдыхала за работой.

В пьесе есть элементы подлинной драматургии, столкновенне характеров, выведены тнпы людскне. Но конечно, пьесу «Деннкннцы» следует воспрнннмать лншь как пробу пера.

Сражаясь за революцию, за торжество коммуннзма, Инесса старалась пользоваться оружием различного калнбра и разной силы боя.

ГОСПОЖА СВОЕЙ СУДЬБЫ

Только в новом обществе, при соцнализме, предсказывал Август Бебель, женщнна станет госпожой своей судьбы. Это бесспорное теоретическое положенне следовало претворнть в жизнь теперь, когда свершилась Октябрьская революция.

Женский вопрос всегда, с первых же шагов на общественном попрнще живо ннтересовал Инессу. Вспомннм: начнная от благотворительного общества и кончая Международной конференцней социалнсток, начнная от дореволюционной «Работннцы» и кончая московской «Жизнью работнннцы», выходнвшей накануне Октября.

Она была многогранна, Инесса Арманд. Партия направляла ее на самые разлнчные участкн, н всюду она труднлась самозабвенно, с жаром, с талантом. Но красной нитью через всю ее сознательную жнзнь проходнт революцнонная работа в женских трудовых массах. Работа среди женщнн как неотрывная часть общей, партийной.

Леннн учнл, что успех революции зависнт н от участня в ней миллионов женщнн. Значнт, надо вовлечь работннц н крестьянок в полнтическую жизнь, раскрепостнть нх, сделать подлинными госпожамн своей судьбы... Трудная задача.

Инесса была одной из тех, кто взялся за решение этой задачи. Вместе с другими выдающимися большевичками — Надеждой Крупской и Александрой Коллонтай, Конкордией Самойловой и Клавдией Николаевой, с другими товарищами — она все силы свои, все знания отдает воспитанию советской женщины.

Вы, надеюсь, обратили внимание на то, что в предыдущей главе, посвященной журналистской деятельности Инессы, большинство выдержек взято из статей и брошюр, обращенных к женщине. Это не случайно. Женской теме принадлежит в ее литературном творчестве львиная доля. Равно как и в устных выступлениях — публичных лекциях, митинговых речах, докладах на всякого рода совещаниях.

И председатель совнархоза, приезжая на фабрику, собирает в кружок работниц, узнает про их житье-бытье, про их бабьи горести, рассказывает, объясняет. И докладчик из Москвы, сойдя с трибуны, не спешит восвояси, а идет в рабочие семьи, в общежития. Долго течет беседа — отодвинув в сторону кружку с жиденьким морковным чаем, Инесса рассказывает слушательницам о текущем моменте, о перспективах революции, о прошлом и будущем. Главное — о будущем.

Настоящий коммунист всегда массовик. Массовиком Инесса была в полной мере. Потому-то трудно подчас проложить водораздел между ее совнархозовской и ее губкомовской работой, между руководством курсами и работой во французской коммунистической группе. Все это было ее партийной деятельностью. Но сейчас мы хотим проследить, как складывалась женская работа Инессы.

Осенью 1918 года ЦК партии решил созвать Всероссийский съезд работниц и крестьянок (в некоторых источниках он именуется Всероссийским совещанием). Созыву съезда предшествовала серьезная подготовительная работа, в частности две женские конференции в Москве — городская и губернская, в апреле и в июне 1918 года. В этих конференциях и во всей подготовке Инесса приняла деятельное участие.

Работница Е. Почуфарова вспоминала:

«Перед Всероссийским съездом работниц и крестья-

нок была проведена подготовительная кампания по всей России.

На Московской губернской конференции была выделена специальная комиссия из 15 человек во главе с Инессой, Коллонтай, на которую и была возложена подготовка к съезду...

Комиссия разбилась на три секции... (Инесса, нам это известно из других источников, вошла в секции организационную и литературную.— *П. П.*) Через несколько дней мы все, члены комиссии, разъехались на места» («Работница», 1923, № 11).

Несколько позже комиссия, о которой рассказывает Е. Почуфарова, превратилась в бюро по созыву съезда, действовавшее при Секретариате ЦК РКП(б). Инесса и Коллонтай были главными организаторами этого бюро, а руководил ими Яков Михайлович Свердлов.

Сохранились протоколы заседаний бюро. Мы узнаем из них, что Инессе было поручено сделать на съезде программный доклад «Задачи работницы в Советской республике», и второй доклад (на секции) — «Работница в хозяйстве народном и хозяйстве домашнем». Узнаем также, что Инесса написала предсъездовскую листовку, обращенную «к домашним служащим» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 12).

Предоставим опять слово Е. Почуфаровой. Она рассказала о том, как завершилась подготовка съезда:

«Мы предполагали, что будет человек пятьсот, а приехало 1147 женщин, большинство работниц.

1147 женщин — кто они? Как они отнесутся? Эти вопросы встали перед комиссией, когда она увидела море женских голов. Досталось нам! Надо было всех разместить, накормить» («Работница», 1923, № 11).

В то голодно-холодное время хозяйственно-бытовые проблемы естественно заботили бюро по организации съезда. Но неизмеримо больше волновал вопрос, который в приведенной выше статье сформулирован так: «Кто они?»

Ведь Советская власть существовала всего только год, и предстояла лишь первая встреча «с морем женских голов»... Кто же они, эти женщины? Осознали ли свои классовые интересы или пребывают еще во власти религиозных предрассудков и семейного гнета? Становятся свободными строительницами нового общества

либо по-прежнему коснеют в темноте и невежестве?..

Вечером, перед открытием съезда, Инесса пришла в 3-й Дом Советов, где разместились делегатки. Обходя комнаты, она знакомилась с приезжими: некоторые крестьянки были в домотканых сермягах, в лаптях; и работницы одеты-обуты немногим лучше — в старых мужниных гимнастерках, в разбитых сапогах, а то и в туфлях на веревочной подошве. Истощены, измучены. А глаза горят. Инесса вглядывалась в глаза делегаток, дружески толковала с ними — общий язык находился быстро,— и на душе становилось покойно: работница и крестьянка безоговорочно стоят за новую жизнь, за новую власть. За родную Советскую власть.

Ход съезда это полностью подтвердил.

Колонный зал Дома союзов — совсем недавно здесь было Благородное собрание — переполнен. Повсюду, в креслах партера, за малиново-бархатными барьерами лож, на хорах,— труженицы, которые стали госпожами своих судеб. Но сколько еще надо сделать, чтобы судьба каждой была светлой и счастливой! Какая гигантская предстоит работа!

...Идут прения по докладу Инессы. В протоколе зафиксирован следующий любопытный инцидент. Делегатка от Петроградского союза работниц питания (фамилия не указана) провозглашает:

«Привет тов. Ленину, благодаря которому мы прибыли на съезд, и всем труженикам ЦК, которые все дни и ночи думают о свержении буржуазии. Нас послали тысячи и ждут, что мы принесем от Съезда. Нам предстоит великая задача привезти им свет и сказать, что женщина свободна. Привет Всероссийскому съезду, тов. Ленину и всем вам, женщины» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 13, л. 15).

Судя по записи, речь не шибко грамотная и не слишком деловая. Зато от души. Из зала, однако, неслись реплики, оратору мешали говорить. Тогда председательствующая — Клавдия Николаева «вносит предложение не прерывать оратора возгласами, если он говорит не по докладу. Большинство выступает перед таким собранием первый раз, у нас только первый съезд работниц и надо давать каждой высказываться» (там же).

Второй доклад Инессы был заострен и целенаправлен против... печного горшка и корыта. По мнению докладчика, эти атрибуты домашнего хозяйства тянут женщину назад, делают ее домашней рабыней. Войну — домашнему хозяйству, которое лишает тружениц восьмичасового рабочего дня, препятствует им стать революционерками и коммунистками. А что же взамен горшка и корыта? Что предлагает докладчик? Надо повсеместно создать общественные кухни и столовые, центральные прачечные, мастерские для штопанья платья, артели для чистки и т. д.

Если отбросить некоторый «перехлест», свойственный периоду военного коммунизма (например, предложение «отменить единичные кухни»), тезисы Инессы звучат вполне актуально и сегодня. А ведь шел тогда восемнадцатый год — начинался второй лишь год Новой Эры. И то, что стало для нас повседневностью — ну, скажем, домовая кухня или районная прачечная,— в ту пору звучало фантастично. И кой-кого из делегаток страшило.

Еще больше испугали предложения, содержавшиеся в другом докладе — об охране материнства и младенчества. Ясли, детские сады — все это было так непривычно и все это пугало своей новизной. У некоторой части делегаток предложение вызвало бурную реакцию: «Не отдадим своих детей!»

Я вспоминаю этот эпизод, чтобы ввести читателя в неповторимую атмосферу того времени. И еще, чтобы вновь подкрепить мысль, высказанную ранее: какая гигантская предстояла работа! Работа воспитания.

Что же касается политического настроения делегаток, то оно было вполне ясным: трудящаяся женщина прочно стояла, как тогда говорили, на платформе Советской власти. Особенно очевидным это стало, когда на съезде выступил Ленин.

Утро 19 ноября. Четвертый день заседает съезд. На трибуне — очередной оратор... Вдруг по залу прокатывается гул: Ленин! Он неожиданно появился в президиуме и скромно занял место, стараясь быть не очень на виду. Куда там! Зал бушует весенней грозой, все вскакивают со своих мест, лавиной устремляются к трибуне. Вот он, любимый Ильич, едва оправившийся после

ранения, похудевший, осунувшийся, но живой. Вот он среди нас!

«Молча постояв несколько минут,— вспоминает старая большевичка Александра Васильевна Артюхина,— Владимир Ильич поднял руку, призывая делегаток к спокойствию. Когда все заняли свои места, В. И. Ленин начал говорить.

Навсегда запечатлелись в наших сердцах замечательные слова Владимира Ильича: «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия». При этих словах все делегатки в едином порыве поднялись с мест, всеми овладело глубокое волнение, радость, восторг» (сб. «Женщины в революции». М., Госполитиздат, 1959, стр. 32).

Скупые записи протокола дорисуют картину: когда Ленин закончил речь, ему долго хлопали, запели «Интернационал». Слышались возгласы: «Да здравствует т. Ленин. Да здравствует второй Карл Маркс»... У выхода т. Ленина приветствуют делегатки-крестьянки, которым он пожал руки и сказал: «В вашем лице я пожимаю руки всей крестьянской бедноте».

После ухода т. Ленина съезд долго не может успокоиться (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 13, л. 63).

Глубоко растроганная, счастливая, участвовала Инесса в незабываемой встрече с Владимиром Ильичем. Какую всепоглощающую радость приносит такое полное единение народа со своим вождем! И как хочется работать и работать, чтобы еще более упрочить это единение!

Теперь — еще один отрывок их воспоминаний, на этот раз посвященный самой Инессе. Рассказывает старая коммунистка, делегатка витебских работниц Елизавета Коган-Писманик:

«Большое место в памяти и сердце заняла Инесса Арманд. Худенькая, тихая, она зябко куталась в серый платок, покрывающий ее плечи. Темные волосы[1] закру-

---

[1] Читатель, который знал, по нашим рассказам, Инессу золотистой блондинкой, вправе подумать, что здесь допущена ошибка. Однако это не совсем так. Дочери вспоминают, что мамины волосы в последние годы жизни заметно потемнели. А на некоторых фото Инесса Федоровна кажется и вовсе темноволосой.— *П. П.*

чены на затылке узлом, большие проницательные и добрые глаза ее заглядывали прямо в душу. Неутомимая революционерка, она постоянно была окружена делегатками и отвечала на их многочисленные вопросы. На съезде Инесса Арманд говорила о роли партии в раскрепощении женщин. Каждый, кто предан революции, кто не хочет возврата к ненавистному старому, говорила она, должен войти в ряды нашей Коммунистической партии» (сб. «Женщины в революции», стр. 192).

Закончился съезд. С энтузиазмом было принято приветствие Ленину, партии и Советскому правительству:

«Клянемся нашей пролетарской Октябрьской революции, что сумеем оправдать возлагаемые на нас надежды правительством трудового народа и все возьмемся за строительство новой, коммунистической жизни» (сб. «Женщина в революции», стр. 33).

Вскоре Инесса написала дочери в Астрахань: «А женский съезд прошел у нас с большим подъемом, и теперь, если бы было побольше у нас агитаторш, можно бы хорошо работать» (ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 31, л. 2).

Съезд удался. Предстояло крепко потрудиться, чтобы работница и крестьянка молодой Советской республики стала настоящей госпожой своей судьбы.

ПРОПАГАНДА ДЕЛОМ

Вернувшись в мае 1919 года из поездки во Францию, Инесса целиком отдается работе среди женщин. Последние полтора года ее жизни могут быть по праву названы «женотдельскими». Хотя и раньше — мы знаем — эта сторона революционного движения и партийной работы близко интересовала Инессу.

После Всероссийского съезда работниц и крестьянок была организована при ЦК РКП(б) Комиссия по пропаганде и агитации среди женщин.

В протоколе первого заседания сказано: «Комиссия утверждена ЦК РКП в следующем виде: тт. Коллонтай, Инесса и Мойрова, как литературная коллегия, т. Голубева, как секретарь» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 18, л. 1).

На других заседаниях горячо обсуждались структурные и организационные вопросы, инструкции, как должны работать местные комиссии. В протоколе заседания 16 января 1919 года записано решение: «Инструкцию утвердить в том виде, в каком она представлена т. Инессой, и передать для окончательного утверждения т. Свердлову» (там же, л. 5).

Позднее Комиссия при ЦК партии была реорганизована в Отдел по работе среди женщин, а местные комиссии — в женотделы. Первая заведующая Женотделом ЦК РКП(б) — товарищ Инесса.

Ее деятельность на этом посту многогранна и разнообразна. Первым долгом был продуман и хорошо налажен организационный аппарат. В «Правде» была создана «Страничка работницы», этому примеру последовали другие газеты. Печать звала, будила, учила жить по-новому. Печать распространяла передовой опыт, поднимала активисток на щит, травила негодное.

Перо Елены Блониной было в эти годы почти полностью отдано женской теме.

Но пропаганда словом теснейшим образом связана в женотделах с пропагандой делом. «Пропаганда — дело» — излюбленный конек Инессы.

На VIII конференции РКП(б) в декабре 1919 года Инесса говорила о привлечении работниц к советской и партийной работе, о делегатских собраниях. Это, сказала она, то, что мы называем пропагандой делом.

Делегатские собрания — удобная и емкая форма партийного влияния на массу беспартийных женщин — детище Инессы. Она (по словам некоторых товарищей, вместе с Конкордией Самойловой) нашла и разработала структуру, взаимосвязи, права и обязанности делегатских собраний. Для тысяч и для миллионов тружениц эти собрания стали первой подлинно массовой школой общественной деятельности.

Делегатка в красном платочке — одна из близких сердцу примет той эпохи. Когда мы говорим о первых годах революции, перед мысленным взором непременно пройдут суровый красноармеец в буденновском шишаке, комиссар, закованный в кожу, и работница в кумачовой косынке — улыбчивая и непримиримая, озорная и сосредоточенная, женственная и непреклонная. Делегатка! Помните Маяковского?

Идут
от станков,
от земли и от кадок,
под красный
платок
заправляя прядь.
Сотни тысяч
баб-делегаток
выбраны
строить и управлять.

Под руководством Инессы прошло два Всероссийских совещания губернских организаторов по работе среди женщин: в октябре 1919 года и в марте — апреле 1920 года. На первом из этих совещаний она сделала два доклада (об участии женщин в партийной и советской работе и об их работе в профессиональных союзах); на втором ее доклад озаглавлен так: «Ближайшие очередные задачи».

Об этих совещаниях и докладах я вспоминаю для того, чтобы подчеркнуть роль Инессы в разработке форм и методов женской работы партии. То было не так-то просто. Приходилось, в частности, вести разъяснительную работу на два фронта — бороться с недооценкой участия женщин в строительстве социализма и одновременно — с тенденцией обособлять женотделы и делегатские собрания, отрывать их от общепартийной работы.

В письме, направленном дочери Инне в Астрахань, читаем: «Скверно, что у вас там существуют отдельные женские профсоюзы. Это совершенно не по-большевистски. Мы всегда выступаем против сепаратных женских организаций, так как ведь наша цель — объединить, сплотить пролетариат, не разъединять пролетариат по признаку пола, национальности и пр. Так что действуй в этом смысле» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 29, л. 2, 3).

Журнал «Коммунистка», одним из инициаторов и редакторов которого явилась Инесса, задуман был как организационный, методический и теоретический орган; при его посредстве Центральный отдел по работе среди женщин руководил местами. Журналу, первый номер которого вышел летом 1920 года тиражом тридцать тысяч экземпляров (что было немало в то время), отдала

Инесса много времени и душевных сил. «Она организовала этот журнал, поставила его на рельсы, но самой ей мало пришлось поработать в нем»,— писала Н. К. Крупская, вспоминая об Инессе в номере 5 «Коммунистки» за 1925 год.

...В комнатах Женотдела в доме Центрального Комитета партии на Воздвиженке всегда было людно. Женотделки из губерний отбирали литературу и программы, получали инструкции, обсуждали текущий момент; с фронтов приезжали представительницы красноармейских частей и подразделений — политотделки в солдатских шинелях; делегатки с заводов и фабрик приходили приглашать на митинги, искали учителей для ликбеза, общественных обвинителей для показательных «политсудов». Появлялись горянки в ярких национальных одеждах.

Все требовали указаний, советов, письменных и устных, книг и газет. Все шумели, спорили, судачили. Все с утра до вечера теснились у стола Инессы.

В этой своеобразной обстановке она чувствовала себя превосходно. Успевала посоветовать и научить, объяснить и пожурить. Ухитрялась писать.

Иногда, правда, становилось невмоготу; тогда, схватив неоконченную рукопись, чернильницу и перо, Инесса убегала в Румянцевскую библиотеку. Там пускай хоть нетоплено, но зато уж тихо.

Но так случалось лишь изредка. Обычно — Инесса на людях, в общении с людьми, в людском круговороте.

Е. Ривлина, сотрудница Центрального отдела работниц, вспоминала, как в октябре 1919 года пришла к ним в отдел группа курсантов Центральной школы инструкторов-агитаторов. Посещение носило учебный характер — курсанты попросили ознакомить их со структурой и работой женотделов. В отделе в тот час шло редакционное заседание. «Мы рассматривали,— пишет автор,— материал, приготовленный для очередных «Страничек» в «Правде» и «Бедноте», и вырабатывали план обеих «Страничек». Товарищ Инесса предложила посетителям (их было человек 8) принять участие в нашем заседании, и мы продолжили работу. Через полчаса я, к удивлению своему, заметила, что товарищу Инессе удалось вовлечь посетителей в обсуждение материала, и, когда

мы окончили всю работу, курсанты очень благодарили за доставленный им наглядный урок...» Автор подчеркивает затем, что это прием, характерный для Инессы — «учителя-пропагандиста» (журн. «Коммунистка», 1921, № 16—17).

И тут налицо пропаганда — дело!

ВЫСТРЕЛЫ В ГОРАХ

Лето 1920 года. По поручению партии Инесса Арманд вместе с Жаком Садулем — членом французской коммунистической группы в Москве — принимала Марселя Кашена и других посланцев революционной Франции, приехавших в Советскую Россию. Шагали по московским улицам, вели нескончаемые беседы, спорили.

— Вот так, друзья, мы живем. Трудно живем, голодно. Но весело. Терпим лишения, ведем жестокую войну со всем старым миром — зато строим, создаем мир новый. И потому счастливы. Глядите во все глаза, дорогие товарищи, задавайте любые вопросы. Рады будем помочь в познавании коммунистического строительства.

Инесса была делегатом II конгресса Коммунистического Интернационала; пришлось ей, по старой памяти, переводить и речи. В те жаркие летние дни на ее долю выпала еще одна нелегкая обязанность — организация Международной конференции коммунисток.

Эту конференцию решили устроить, воспользовавшись конгрессом Коминтерна,— тотчас же после окончания конгресса собрать делегаток, обсудить с ними насущные вопросы женского движения, договориться о согласованных действиях. Дело непростое, особенно если учесть, что созывалась первая такая конференция. Да еще если учесть, что в некоторых партиях, чьи представительницы приехали в Москву, никакой работы среди женщин не велось. Предстояло не только выработать единую линию, не только договориться — первым долгом предстояло познакомиться.

Клара Цеткин, общепризнанный лидер революционных женщин мира, приехать не могла; Александра Коллонтай была больна; на худенькие плечи Инессы легла тяжелая ноша.

Перед конференцией вышла ее книжка «Работницы в Интернационале»; в «Коммунистке» появилась ее постановочная статья «Формы международной организации и коммунистические партии».

Это, так сказать, вклад Елены Блониной, литератора. А товарищ Инесса, та была на Международной конференции коммунисток и организатором, и докладчиком, и оппонентом, и переводчиком, и дипломатом, и гидом, и даже завхозом, наконец, Единой во многих лицах.

Удивительно ли, что к концу конференции Инесса, как вспоминала Н. К. Крупская, «еле держалась на ногах. Даже ее энергии не хватило на ту колоссальную работу, которую ей пришлось провести» (сб. «Памяти Инессы Арманд», стр. 33).

Конец августа 1920 года. Инесса вместе с младшим сыном, шестнадцатилетним Андрюшей, приехала в Кисловодск. Прибыла «одиночным порядком и согласно приказа Наркома т. Н. А. Семашко направлена на лечение в одну из санаторий».

Так гласит отношение «отдела лечебных местностей» Наркомздрава от 17 августа. А на обороте этой бумажки надпись: «Явлена и зарегистрирована в Комендантском Управлении г. Кисловодска 22/VIII 20 г. за № 555» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 31, л. 7).

Много трудов положили товарищи и родные, пока не сагитировали Инессу отдохнуть да подлечиться. Хотя и дошла она до крайнего предела утомления, едва ли удалось бы убедить ее поехать на Кавказ, если бы не Андрюша: состояние здоровья мальчика тревожило мать.

Людмила Сталь — давний товарищ Инессы, оказавшаяся в Кисловодске, свидетельствует: «Инесса приехала такая усталая и разбитая, такая исхудавшая... Ее утомляли люди, утомляли разговоры. Она старалась уединиться и по целым вечерам оставалась в своей темной комнате, так как там не было даже лампы» («Коммунистка», 1921, № 12—13).

«Это был какой-то запой одиночества!» — восклицает один из мемуаристов. А другому врезалась в память молчаливая Инесса — стройная высокая женская фигура на фоне кавказских скалистых гор...

К этому всему следует прибавить авторитетное свидетельство доктора И. Ружейникова, жившего в одной даче с Армандами: «Сильно истощена и нервно крайне расстроена».

Несколько слов о кисловодских санаториях того времени. По правде говоря, санатории были тогда понятием весьма относительным. Никакого, даже отдаленного сравнения не выдерживали они с современными нам здравницами-дворцами, со всемирно известными минераловодскими «фабриками здоровья». Дачи, наспех приспособленные, наскоро подремонтированные. Иногда — лишенные элементарных удобств.

Читатель, надеюсь, обратил внимание на только что приведенный отрывок из воспоминаний Л. Сталь: в комнате, где поселилась Инесса с сынишкой, не было лампы. Да что лампа! Подушки и той не оказалось! Пришлось Инессе ее специально выхлопатывать. И питание было, разумеется, не ахти какое, и медицинское обслуживание.

Молодая Советская республика не могла еще уделить курортам ни достаточных средств, ни подготовленных кадров. Обстановка в стране оставалась сложной — черный барон и белополяки, тиф и голод, всевозможные банды, мятежи и заговоры. На Кавказе тоже было совсем неспокойно. Где-то вблизи Кисловодска орудовал белогвардейский «десант» полковника Назарова. В горах бесчинствовали бандитские шайки. Горное эхо доносило раскаты артиллерийской стрельбы; то и дело слышались выстрелы. По ночам гудела сирена — то по тревоге созывали коммунистов в сторожевое охранение...

В такой обстановке кисловодские курортники ухитрялись «отдыхать и немножко подкармливаться». Вот и Инесса, как быстро она стала поправляться! Покой и режим, солнце юга и горный воздух сотворили чудо: Инесса воскресла.

Она совершает прогулки, музицирует, азартно «болеет» на крокетной площадке. И подумывает уже о возвращении в Москву. Впереди такая уйма дел!

Много писем Инессы, в больших или малых отрывках, а то и целиком, вмонтировано в эту повесть. Еще больше, конечно, перечитано автором. Но это письмо (вернее, записку, набросанную химическим карандашом

на сложенном вдвое клочке линованой бумаги) я и сам читал с особенно горьким чувством и привожу здесь с такой же грустью. Послано из Кисловодска в Москву, дочери Инне. Последнее письмо.

«Мы уже 3 недели в Кисловодске и не могу сказать, чтобы до сих пор мы особенно поправились с Андреем. Он, правда, очень посвежел и загорел, но пока еще совсем не прибавил весу»,— пишет Инесса. Дальше еще несколько слов о самочувствии и времяпрепровождении сынишки, а уж потом — о себе: «Я сначала все спала, и день и ночь. Теперь, наоборот, совсем плохо сплю. Принимаю солнечные ванны и душ — но солнце здесь не особенно горячее — не крымскому чета, да и погода неважная. Частые бури, а вчера так совсем было холодно. Вообще не могу сказать, чтобы я была в большом восторге от Кисловодска. И сейчас начинаю уж скучать». Заключительные строчки посвящены предстоящей работе. Следует подпись: «Твоя мать» (ЦПА ИМЛ, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 31, л. 5, 6).

Случилось, однако, что Инесса с сыном вместе с другими отдыхающими попали в Нальчик.

Обстановка в Кисловодске сгущалась, явной стала угроза окружения. Выстрелы, отдаленно звучавшие в окрестных ущельях, слышались все ближе и все чаще. Красное командование решило: отдыхающих из Кисловодска эвакуировать.

Кое-кто струсил. Инесса ничуть не утратила равновесия. Более того, она успокаивала слабых, заботилась о больных. Что же касается ее самой, то, «если существует опасность — пусть увезут всех женщин и детей, а я уеду последняя».

Эти слова Инессы приводит в уже цитированной статье Людмила Сталь. А Г. Котов припоминает, что товарищ, ведавший эвакуацией, сказал: «Если т. Инесса не поедет добровольно, то он прибегнет к помощи тт. красноармейцев, дабы выполнить распоряжение об ее перемещении» (сб. «Памяти Инессы Арманд», стр. 117).

До Нальчика добирались четверо суток. В пути Инесса трогательно заботилась о больных товарищах, раздобывала пищу, подбадривала. Помнила обо всех, забывая лишь себя. Так, словно только на нее, Инессу

Арманд, возложена персональная ответственность за жизнь, здоровье, самочувствие всех окружающих.

Это обостренное чувство ответственности — черта, всегда присущая Инессе.

Во Владикавказе — радостная встреча с Серго Орджоникидзе. Чрезвычайный комиссар Юга России ласково и почтительно приветствовал былую свою учительницу. Вспомнили «Длинную ослицу», уроки в остекленном сарае, вечерние прогулки по единственной улице Лонжюмо, песни под чужим небом... Много воды утекло с тех пор, а прошло то всего-навсего восемь лет!

— Стареем, стареем, Серго!

— Абсолютно нет, дорогой товарищ Инесса! Мы еще повоюем...

Во Владикавказе не задержались. Дальнейший маршрут: Беслан — Нальчик.

На станции Беслан застряли надолго. Станционное здание, да и все вокруг, было забито людьми. Беженцы из меньшевистской Грузии, переселенцы, просто транзитные пассажиры сутками лежали на земле. Кругом грязь, остатки пищи, гнилые фрукты.

По мнению доктора Ружейникова, именно стоянка в Беслане была роковой для Инессы.

Он рассказывает, что первый день в Нальчике прошел нормально. Осматривали город, потом присутствовали на собрании местной парторганизации. На ночевку в стоявший на путях вагон возвращались поздно вечером всей гурьбой. Шли пешком, обменивались впечатлениями о только что прошедшем собрании, о местных работниках — новых знакомцах, о положении на врангельском фронте. Зашла речь о последней работе Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Инесса о книге этой «говорила долго и восторженно» (сб. «Памяти Инессы Арманд», стр. 81—86).

Ночью Инессе стало плохо. Но, жалея товарищей, она не будила их, терпела. К утру сделалось совсем невмоготу. Инессу отвезли в больницу.

Состояние больной то чуть становилось лучше, то снова ухудшалось. И стоило лишь наступить минутному облегчению, как Инесса принималась беспокоиться о сыне, о товарищах, о медицинском персонале. Только не о себе.

Свою болезнь она считала «неуместной» — стеснялась того, что о ней заботятся. Такова была мера ее самозабвения, самопожертвования.

«Правда» в хронике от 11 сентября 1920 года обнародовала сведения Наркомздрава: «С начала нынешнего года до настоящего времени в республике заболело холерой 12 054 чел.». Эпидемия холеры шла на убыль. Но, покидая Советскую страну, страшная болезнь унесла еще одну жертву.

Двое суток шла борьба со смертью. В полночь Инесса потеряла сознание, а утром ее не стало.

Когда граждане Нальчика провожали тело Инессы Федоровны Арманд в последний путь — в Москву, когда на привокзальной площади произносились прощальные речи, горное эхо донесло откуда-то издалека хлопки ружейной перестрелки. Выстрелы в горах звучали, как воинский салют над гробом усопшего революционного борца.

ИЗ СЕМЬИ КОММУНИСТОВ УШЕЛ НЕУСТАННЫЙ РАБОТНИК

Москва хоронила Инессу.

Мы помним встречу на Казанском вокзале, скорбную процессию — по Каланчевке, Мясницкой. И вот гроб установлен в Доме союзов.

Отдел работниц при МК РКП опубликовал обращение «К работницам Москвы»:

«Товарищи-работницы, мы призываем вас всех, которым усопшая отдала свою жизнь, почтить память тов. Инессы. Пусть будет жива о ней память среди тех, кто теперь среди голода и разрухи идет упорным трудом к светлой жизни» («Правда», 10 октября 1920 г.).

К гробу шли и шли люди. Несли венки. На алых лентах — надписи:

«Шагайте бесстрашно по мертвым телам, несите их знамя вперед! — Тов. Инессе Арманд Бауманский райком».

«Неутомимой работнице по раскрепощению работниц за победу рабочего класса — Инессе Арманд — Сокольнический райком».

Вносят большой венок из живых белых цветов: «Тов. Инессе — от В. И. Ленина».

Сменяется почетный караул. Товарищи, с кем вместе она проходила революционный курс в тюремных «университетах», друзья по ссылке, по эмигрантским скитаниям. Совнархозовцы. Французские коммунисты. Делегации московских предприятий. Рабочие пушкинских фабрик. Слушатели партийных школ. Женотделки. И работницы, работницы — «красные платочки» из районов столицы, из губерний.

Их так любила Инесса, и они отвечали ей любовью искренней и сильной.

12 октября, полдень. Оркестр Большого театра под управлением Вячеслава Сук играет траурный марш Шопена. У Дома союзов шпалерами выстраиваются пулеметчики. После шопеновского марша раздаются звуки «Интернационала». Траурная колесница медленно отплывает на Красную площадь.

У Кремлевской стены (ее называли тогда также Красной стеной), у раскрытой могилы — митинг. От ЦК партии прощальное слово произносит Невский; от имени московских организаций говорит Полидоров; от Центрального отдела работниц последнее «прости» Инессе сказала Коллонтай. Говорят работницы Москвы, Петрограда, представительницы женщин Средней Азии и горянок Терека.

Сухие комья земли со стуком падают на гроб. Надежда Константиновна, Владимир Ильич, соратники Инессы обнимают осиротевших ее детей. Звучит троекратный пулеметный салют. Оркестр снова играет похоронный марш. Потом группа работниц, окружая полузасыпанную уже могилу, тихо поет: «Вы жертвою пали...»

Все окончено.

«...Выражаю Вам мое искреннее соболезнование по поводу смерти нашего товарища Инессы. С ней мы потеряли одного из наших самых преданных, верных и активных борцов. Я чувствую, какая это утрата для коммунистического женского движения, как же глубоко, как мучительно должна была поразить ее смерть Коммунистическую партию России и Вас, дорогой товарищ, лично. Насколько мне известно, Инесса была одним из Ваших самых близких друзей. Жму Вашу руку с глубоким сочувствием».

Это письмо Клара Цеткин послала Надежде Константиновне Крупской (ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 47831. Подлинник на нем. яз.).

А самой Надежде Константиновне принадлежат следующие строки:

«Из семьи коммунистов ушел неустанный работник, беззаветно преданный делу, ушел человек с горячим сердцем, искренний, умный.

Мы похороним его под Красной стеной» («Правда», 3 октября 1920 г.).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ КАДРЫ

Легкий ветерок шевелит ветви серебристых елей. У Кремлевской стены — тишина. Стоит пройти несколько десятков шагов, пересечь площадь — и тебя понесет торопливый поток пешеходов, оглушат табуны автомобилей, тебя включит в свой быстрый ритм великий город. А здесь у Мавзолея Ленина, у Красной стены, свой, особенный микроклимат. Царит покой, строгий и благоговейный. Здесь легко и чисто думается. И сам воздух кажется здесь прозрачным.

У стены, за Мавзолеем, по правую руку от него, спит вечным сном Инесса.

В одной ограде с ней погребены Джон Рид и Иван Русаков. Американский журналист, революционер, оставивший человечеству «Десять дней, которые потрясли мир». И русский доктор-большевик, павший при подавлении Кронштадтского мятежа. Их имена выбиты рядом на темно-зеркальной глади мрамора. Какой славный интернационал! И как радостно сознавать, что подвиг революционных борцов, трудная и великая их работа увенчалась великими результатами!

Земной поклон вам, товарищи!

Мне не хочется заканчивать повесть жизни Инессы, оставляя читателя в скорбном молчании у ее могилы. Лучше, чтобы запечатлелась она в памяти живой, деятельной, искрометной. И потому я снова предоставлю слово Надежде Константиновне Крупской, которая на протяжении этой книги уже много раз говорила о своем друге — Инессе.

«В конце 1919 г. к нам часто стала приходить Инесса Арманд, с которой Ильич особенно любил говорить о перспективах движения,— пишет Н. К. Крупская в «Воспоминаниях о Ленине».—...Помню, как Инесса пришла к нам однажды с младшей дочерью Варей, совсем молодой тогда девушкой, потом ставшей преданнейшим членом партии. И Ильич при них, как я по старинке выражалась, «полки разводил»; помню, как поблескивали глаза у Варюшки».

...Вижу скромную квартиру Ленина в тот вечер. Выдалась такая минутка, когда Владимир Ильич смог отложить в сторону работу. Разговорился с гостями — с Инессой, с юной ее дочкой. Стал «полки разводить», по ласковому выражению Надежды Константиновны. Размечтался. Заглянул вдаль.

Владимир Ильич, расхаживая по комнате, увлеченно рисует перспективы движения. Надежду Константиновну, Инессу, Варю — всех захватили вдохновенные ленинские наброски. Да, победа неминуема, победа близка. Коммунизм восторжествует!

Инесса слушает Ленина. Она сосредоточена, молчаливо-внимательна, только глаза сияют. В глазах Инессы светится счастье.

Пусть этот вот кадр и заключит книгу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Подляшук Павел Исаакович.
ТОВАРИЩ ИНЕССА. Документальная повесть. М., Госполитиздат, 1963.
167 с. с илл.

3КП1(092)

Редактор *Е. Денисов*
Художественный редактор *С. Голубев*
Технический редактор *Т. Климова*

Сдано в набор 26 марта 1963 г. Подписано в печать 22 апреля 1963 г. Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. 5 $^{1}/_{4}$ + $^{1}/_{8}$ илл. Условн. печ. л. 8,815. Учетно-изд. л. 8,48. Тираж 100 тыс. экз. А 04618. Заказ № 1212. Цена 20 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1963